

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

№ 3 | 2024

- “ Глобализация
и ее конфликтогенный потенциал
- “ Рост и/или развитие: специфика
российской экономической модели
- “ Механизмы экономического роста
и развития: взгляд с позиций теории
длинных волн
- “ Креативный работник:
роль в экономике XXI века

ISSN 2412-9666
INTERPOLITEC.SU

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

[PROBLEMS IN POLITICAL ECONOMY]

№ 3 (39), 2024 год

Периодическое научное издание

Электронная версия журнала: <http://www.interpolitec.su>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 24 апреля 2015 года ПИ№ФС 77-61516).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ) <https://elibrary.ru>.

Редакция журнала в обязательном порядке осуществляет рецензирование всех материалов, публикуемых в журнале.

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал "Вопросы политической экономии" обязательна.

Подписка на журнал осуществляется:

1. В любом почтовом отделении «Почты России». Подписной индекс ПМ953 (Почта России). На сайте «Почты России» подписка оформляется не выходя из дома (podpiska.pochta.ru).

2. В редакции журнала, сделав запрос на электронный адрес редакции: vpe-journal@yandex.ru.

Взгляды, представленные авторами в материалах номера, могут не совпадать с мнением редакционной коллегии журнала.

Вопросы политической экономики

№ 3 (39), 2024 год

interpolitec.su

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Дзарасов Руслан Солтанович, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ имени Г.В. Плеханова (Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Алиев Урак Жолмурзаевич, д-р экон. наук, профессор, вице-президент Образовательной корпорации «Туран» (Казахстан).

Барашкова Ольга Владимировна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Воейков Михаил Илларионович, д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономики Института экономики Российской академии наук (Россия).

Гайсин Рафкат Сахиевич, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономики Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Россия).

Гринберг Руслан Семенович, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики Российской академии наук (Россия).

Гэлбрейт Джеймс, профессор Университета Техаса (США).

Дзарасов Руслан Солтанович, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ имени Г.В. Плеханова (Россия).

Карасева Людмила Аршавировна, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономической теории Тверского государственного университета (Россия).

Колганов Андрей Иванович (главный редактор), д-р экон. наук, профессор, заведующий Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Котц Дэвид, профессор экономического факультета Университета Массачусетс (США).

Лейн Дэвид, академик Академии социальных наук (Великобритания).

Лемещенко Петр Сергеевич (заместитель главного редактора), д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономики Белорусского государственного университета (Беларусь).

Маслов Глеб Андреевич, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики Российской академии наук (Россия).

Миропольский Дмитрий Юрьевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия).

Момджян Карен Хачикович, д-р философ. наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Некипелов Александр Дмитриевич, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Павлов Михаил Юрьевич, д-р экон. наук, доцент кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Пороховский Анатолий Александрович, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Протасов Александр Юрьевич, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Тарасевич Виктор Николаевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной экономики, политической экономии и управления Национальной металлургической академии Украины (Украина).

Толкачев Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия).

Хубиев Кайсын Азретович, д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Худокормов Александр Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Чекмарев Василий Владимирович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (Россия).

Чен Эньфу, профессор, президент Академии марксизма Академии общественных наук Китая (CASS), председатель Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE) (Китай).

Яковлева Наталья Геннадьевна (заместитель главного редактора), д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики Российской академии наук (Россия).

Первый главный редактор – Бузгалин Александр Владимирович.

Журнал в печатном виде издается с 2015 года, выходит 4 раза в год.

PROBLEMS IN POLITICAL ECONOMY

№ 3 (39), 2024

interpolitec.su

MANAGING EDITOR

Ruslan S. Dzarasov, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy and History of Economics at the G.V. Plekhanov Russian University of Economics (Russia)

EDITORIAL BOARD

Urak Zh. Aliev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-President of the Educational Corporation "Turan" (Kazakhstan)

Olga V. Barashkova, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow at the Laboratory of the comparative studies of socio-economic systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Mikhail I. Voeykov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Political Economy Section of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Rafkat S. Gaysin, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy at the K.A. Timiryazev Russian State Agrarian University (Russia)

Ruslan S. Grinberg, Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Head of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

James Galbraith, Professor, Department of Government, University of Texas (USA)

Ruslan S. Dzarasov, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy and History of Economics at the G.V. Plekhanov Russian University of Economics (Russia)

Lyudmila A. Karaseva, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory at Tver state University (Russia)

Andrey I. Kolganov (Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Comparative Socio-Economic Systems Research of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

David Kotz, Professor, Faculty of Economics, University of Massachusetts (USA)

David Lane, Emeritus Fellow of Emmanuel College, Cambridge University, Fellow of the British Academy of the Humanities and Social Sciences (UK)

Petr S. Lemeshchenko (Deputy Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Political Economy at the Belarus State University (Belarus)

Gleb A. Maslov, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Center for Methodological and Historical-Economic Research of the Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Dmitry Yu. Mirapolsky, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought of St. Petersburg State University of Economy (Russia)

Karen Kh. Momdzhyan, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and of the Philosophy of History, Faculty of Philosophy at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr D. Nekipelov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Moscow School of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Mikhail Yu. Pavlov, Doctor of Economic Sciences, Lecturer in the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Anatoly A. Porokhovskiy, Doctor of Economic Sciences, Professor, Scientific Supervisor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr Yu. Protasov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory of St. Petersburg State University (Russia)

Viktor N. Tarasevich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Economics, Political Economy and Management at the National Metallurgical Academy of Ukraine (Ukraine)

Sergey A. Tolkachev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia)

Vasily V. Chekmarev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Kostroma Regional Division of the Petrov Academy of Sciences and Arts (Russia)

Kaysyn A. Khubiev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr G. Khudokormov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of the History of the Economy and of Economic Studies of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Cheng Enfu, Chief Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Member of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Chairman of the World Association for Political Economy (WAPE) (China)

Natalya G. Yakovleva (Deputy Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Lecturer, Senior Research Associate of the Institute of the Economy of the Russian Academy of Sciences (Russia)

The first Chief Editor is Buzgalin Alexander V.

The journal has been published in print since 2015. Journal published 4 times a year.

СОДЕРЖАНИЕ №3/2024

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

24 *Дзарасов Руслан Солтанович*

ДИАЛОГИ С ПРОФЕССОРОМ А.В. БУЗГАЛИНЫМ

Основные "пласты" глобализации и ее конфликтогенный потенциал

28 *Бузгалин Александр Владимирович*

Эта статья, опубликованная в 2008 году, сохраняет свою актуальность до настоящего времени, поскольку в ней дан теоретический анализ фундаментальных закономерностей, лежащих в основе современных мирохозяйственных противоречий. Автор сумел показать различия между объективными тенденциями к интернациональному обобществлению производства, лежащему в основе процессов современной глобализации, и его капиталистической формой, выступающей как борьба за гегемонию глобального капитала. В статье (на что крайне редко обращают внимание) подчеркиваются различия между развитием процессов глобализации капитала и глобализации наемного труда. Капитал добивается для себя наибольшей свободы транснационального движения, в тоже время сохраняя значительные барьеры для свободного движения рабочей силы, и поддерживает национальное разобщение наемных работников. Это позволяет ему сохранять зоны с низкой оплатой труда и высокой степенью эксплуатации, и даже перелив рабочей силы из развивающихся стран в развитые сохраняет для такой рабочей силы неравные условия оплаты труда. Такая капиталистическая глобализация приводит к нарастанию противоречий между центром и периферией мирового хозяйства, углубляя разрыв между развитыми и развивающимися странами. Одновременно ряд развивающихся стран, реализуя стратегию догоняющего развития, вступает в борьбу за передел сфер влияния в мировом хозяйстве. Эти противоречия оказываются чреватými острыми экономическими и социально-политическими конфликтами. Более широкие возможности применения насилия для сохранения своих позиций в мировом хозяйстве вызывают асимметричный ответ в развивающихся странах, принимающий подчас иррациональную форму терроризма. Терроризм и локальные войны оказываются неизбежным спутником капиталистической глобализации, что угрожает развитием пандемии насилия. Преодолеть эту опасность можно, только покончив с ее причиной, то есть обеспечив отход от навязывания мировой экономике неолиберального проекта глобальной гегемонии капитала, и перейдя к равноправным формам международного экономического сотрудничества.

ТЕМА НОМЕРА: РОСТ VS РАЗВИТИЕ

Устойчивое развитие: в поисках новой экономики

43 *Бобылев Сергей Николаевич, Завьялова Татьяна Владимировна*

Сложившаяся в мире экономическая модель порождает кризисные социальные, экономические и экологические явления, что приводит к общей неустойчивости развития. Это делает необходимым переход к устойчивому развитию, которое стало парадигмой развития человечества в 21 веке. В контексте традиционной эконо-

мической теории и практики можно выделить следующие системные проблемы: экономические недооценки важнейших функций природного капитала и экосистемных услуг, а также ущербов здоровью населения из-за загрязнения окружающей среды; неумение интернализировать экстерналии, экологические ущербы и выгоды в процессах принятия решений; игнорирование фактора времени при анализе долгосрочных проблем. Переход в эпоху антропоцена все дальше уводит человечество от формирования ноосферы и устойчивого развития, чему способствует сложившаяся на планете цивилизация максимизации. Критические противоречия имеющейся модели требуют радикальных экономических изменений в теории и практике многочисленных акторов, в том числе адекватно измерять развитие/прогресс и перевести сложившуюся экономическую модель на траекторию устойчивости. В мире идет масштабный дивестиционный процесс перераспределения инвестиций между традиционными секторами экономики и экологически устойчивыми. В последние годы на концептуальном уровне Россия вместе с другими странами формулирует свои национальные направления перехода к устойчивому развитию.

Репредмечивание как количественный замер развития

52 Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна

Исследование того или иного феномена реальности включает в себя вопрос определения характера его процессуального состояния, обусловленного либо его развитием, либо стагнацией, либо распадом, либо мутацией. Определение качества этого состояния, причем что важно – именно как процесса, предполагает и соответствующую систему критериев его качественного замера. Но природа этих критериев в отличие от показателей роста, не может быть сведена лишь к их формальному выражению, ибо здесь требуется содержательный замер процессуального состояния исследуемой реальности. И этим содержательным замером является такое деятельностное включение в процесс развития реальности, которое связано с освобождением ее от господствующих форм отчуждения. Это возможно лишь на основе действительного разрешения лежащих в их основе тех или иных общественных противоречий. Это и есть суть социального творчества как процесса становления новых общественных отношений. Так качественный замер процессуального состояния реальности становится фактором ее действительного развития. Соответственно это приводит к качественному развитию уже и самого исследователя: из аналитика-наблюдателя он превращается в субъекта социального творчества.

Патерналистское государство и экономическое развитие общества

63 Воейков Михаил Илларионович, Анисимова Галина Владимировна

В статье рассматриваются проблемы взаимосвязи экономического роста и экономического развития. Утверждается, что наиболее важным вопросом является проблема развития общества, которая не сводится только к экономическому росту и даже к экономическому развитию. Развитие общества включает в себя кроме экономической сферы также сферы культуры, образования, здравоохранения, науки. При всем этом важной составляющей развития общества является благополучие

жизни большинства людей, в том числе сокращение чрезмерного социально-экономического неравенства. Для сегодняшней России особо актуальным является именно сокращение чрезмерного неравенства. В статье показано, что экономический рост в современной статистике измеряется не корректно на основе американизированной системы национальных счетов, где за основу берутся показатели денежных поступлений, а не реального продукта. В советский период измерение ВВП и, следовательно экономического роста осуществлялось на основе баланса народного хозяйства, где учитывалось приращение не денежной массы, а реального продукта. Поэтому на основе системы национальных счетов измерять экономический рост просто не корректно. В статье сделан вывод, что в сегодняшней России не наблюдается существенного экономического роста и тем более экономического развития, что свидетельствует об очень слабом государственном патернализме. Все это показывается на основе официальной статистики.

Экономическое развитие и эксплуатация ради прогресса

73 *Миропольский Дмитрий Юрьевич*

Автор рассматривает рост экономики как чисто количественное накопление средств производства и рабочей силы. Изучаются случаи, когда рост населения и, соответственно, рабочей силы опережает накопление средств производства и когда, наоборот, средства производства накапливаются быстрее, чем растет население. Оба случая связаны с динамикой эксплуатации ради богатства. Делается вывод, что количественный рост неустойчив и неизбежно перерастает в развитие, то есть качественное совершенствование производительных сил, однако, при этом развитие невозможно без роста.

Для изучения развития, сопровождающегося ростом, автор использует двухсекторную модель хозяйственной системы, включающую продуктоизбыточный и продуктодефицитный секторы экономики. В продуктоизбыточном секторе производятся базовые продукты, результат производства которых превышает затраты. В продуктодефицитном секторе производятся пионерные продукты, являющиеся источником развития, и базовые продукты, у которых результат ниже затрат.

Отношения продуктоизбыточного и продуктодефицитного секторов формируются как продуктосберегающие и продуктоемкие. Продуктосберегающий вариант развития толкает экономику в сторону рынка, продуктоемкий – в сторону плана. В статье моделируются оба варианта развития. Оба варианта предполагают эксплуатацию ради прогресса. Делается вывод, что для современных условий России выгоден вариант развития, при котором доминирует план при подчиненной роли рынка.

Механизмы экономического роста и развития: взгляд с позиций теории длинных волн

83 *Румянцева Светлана Юрьевна*

В статье раскрываются понятия экономического роста и экономического развития через призму взгляда моделей структурной неустойчивости и теории длинных волн. Показаны ограничения неоклассического и неокейнсианского, а также более поздних подходов к трактовке механизмов экономического роста и цикла. Пока-

зано, что многие из ключевых современных направлений экономической научной мысли, в которых рассматривается взаимоотношение между экономическим ростом и научно-техническим прогрессом, трактуют роль научно-технического прогресса как двигателя экономического роста принципиально экзогенно. При этом еще с 70-х годов в моделях структурной неустойчивости авторами теории длинных волн в экономике были выявлены тонкие эндогенные механизмы встраивания научно-технического прогресса в процесс экономического развития.

Экономическое развитие при применении подхода моделей структурной неустойчивости понимается через экономический цикл с его встроенными эндогенными механизмами.

Механизм экономического цикла рассматривается как ключевой элемент экономического развития. Экономический рост предстает в диалектическом единстве своей природы – как период в механизме циклического экономического развития (в темпах прироста), и одновременно как общий тренд, в направлении которого происходит экономическое развитие (в абсолютных показателях).

Экономический рост в России в контексте глобальных трансформаций

99 *Теняков Иван Михайлович*

В статье раскрываются особенности экономического роста России в условиях глобальных геополитических и геоэкономических трансформаций. Подтверждена тенденция долгосрочной стагнации в развитых странах, которая проявляется в замедлении экономического роста и снижении доли указанных стран в мировой экономике. Выявлена тенденция повышения доли стран БРИКС в мировой экономике и усиление их позиций в отраслях материального производства. Отмечена противоречивая динамика российской экономики в постсоветский период, дана характеристика ее этапов и охарактеризована тенденция отставания траектории роста экономики России от траектории роста мировой экономики вследствие трансформационного шока. Показано, что этап трансформационного спада в социально-экономическом плане характеризовался преобразованиями отношений собственности и становлением институтов российского капитализма, принимавших различные «гибридные» формы сочетания элементов рыночной координации с корпоративно-бюрократическими формами аллокации ресурсов и социально-экономического присвоения. На этапе восстановительного роста наблюдалась положительная динамика ВВП и доходов, инвестиций и занятости, снижение инфляции и бремени государственного долга, однако социально-экономическое положение страны оставалось полупериферийным. Третий этап («новая нормальность») характеризовался существенным замедлением темпов роста экономики при сохранении в целом системы социально-экономических отношений капитализма полупериферийного типа. И только с 2022 г. наметилась тенденция к переходу на новый этап социально-экономического развития с усилением суверенного характера российской экономики. Выявлены структурные особенности экономического роста в России в 2020-2023 гг. со стороны совокупного спроса и совокупного предложения. В заключение делаются выводы о необходимости изменения модели экономического роста в России для повышения как количественных, так и качественных результатов роста.

Кризис глобализации и перспективный облик нового курса «Экономики развития»

110 *Толкачев Сергей Александрович*

Популярная дисциплина в системе экономического образования – экономика развития – за сравнительно небольшой исторический срок существования проделала заметный путь от сборника моделей экономического роста для развивающихся стран до мультидисциплинарной интегративной платформы многих функциональных экономических дисциплин, рассматривающей современные злободневные вопросы развития глобальной экономики, включая новомодную повестку устойчивого развития. Тем не менее, методологический базис современных западных курсов и учебных программ экономики развития сохраняет исходные черты неоклассической парадигмы, построенной на принципах эквивалентного обмена в международных экономических отношениях и безальтернативности процессов глобализации. В статье показано, что обе данные базовые предпосылки изжили себя в ходе затяжного кризиса глобализации. Растущий государственный долг США есть ни что иное как одна из форм беспрецедентного перераспределения мировых ресурсов в пользу одной страны на предельно неэквивалентной основе. Распространение процессов обратных аутсорсингу и оффшорингу – решоринг и инсорсинг – в экономике США как лидера и проектировщика скомпрометированных ныне процессов глобализации подрывают технологическую основу универсальных рецептов развития, до сих пор выдаваемых в курсах экономики развития, как высоконаучный продукт глубокой теории. Поиск новой онтологии и гносеологии экономики развития жизненно необходим России как стране догоняющей модернизации на нынешнем очередном переломном этапе мирохозяйственной динамики. Предлагается новая интегрированная концепция курса «Экономики развития» на основе обобщения новейших популярных теорий социально-экономического развития.

Качественные и количественные характеристики экономического роста

124 *Хубиев Кайсын Азретович*

В статье рассматривается ряд актуальных проблем, накопившихся в экономической теории и не получивших окончательного решения. Вопросы экономического роста являются традиционными для экономической теории на всем протяжении ее развития. При этом конкретно – историческая ситуация выдвигала на передний план новые актуальные вопросы. Интерес к количественным характеристикам экономического роста дополнялся исследованием качества роста. Одним из вариантов их обсуждения явилось соотношение роста и развития. В этом же направлении оказалось исследование восстановительного и циклического роста. Отдельные циклы содержат в себе фазу роста и совокупность циклов содержит общий повышательный тренд. Их теоретические объединение тоже образует нерешенную научную проблему. В последние годы в единой проблематике соединились два относительно самостоятельных вопроса: экономический рост и степень государственного участия в экономике. Сложилась две противоположные трактовки данной проблемы, из которых вытекают определенные выводы и рекомендации. Данной проблеме уделено специальное внимание в заключительной части статьи. Введено понятие «бюджетный» рост и раскрыто его содержание. Особое внимание уделено источ-

никам роста. В краткосрочном периоде предлагается перераспределение ресурсов, в том числе и ранее приватизированных, на основе открытых инвестиционных конкурсов. В долгосрочном периоде предлагается разработка и реализация плана электронификации экономики, как основы качественного роста и развития. В заключительной части рассмотрена роль государства в обеспечении экономического роста. Критически преодолена ошибочная догма о 71–процентной доле государства в экономике. Раскрыта идеологическая и социальная суть, вытекающие из нее предложения о «второй» волне приватизации.

О диалектике роста и развития и необходимых и достаточных условиях экономического развития

136 *Эпштейн Давид Беркович*

В статье рассматривается вопрос о диалектике соотношения роста и развития применительно к экономическому развитию государства, точнее, экономики государства, причем регулируемой рыночной экономики. Под ростом понимается экономический рост, то есть увеличение (в результате производства) общих, суммарных показателей производства благ. Исходя из того, что развитию с точки зрения логики и диалектики противостоят регресс, деградация, ухудшение, под развитием человеческого общества, экономики следует понимать их улучшение, прогресс, совершенствование. Поскольку без оценки количественных параметров (показателей) (их увеличения или уменьшения) при оценке развития не обойтись, то развитие – это также и рост, в том числе, количественный рост. Одновременно и экономический рост на определенном этапе переходит в развитие, ибо «количественные изменения переходят в качественные». То есть рост и развитие противостоят друг другу не антагонистически, а как две стороны, количественная и качественная, одного и того же процесса. Изменения параметров социальных характеристик общества как признаков развития не являются однозначно позитивными, универсальными, они «привязаны» к определенным историческим этапам, в классовом обществе они носят классовый характер и имеют свою меру. В статье рассмотрена формула, призванная сформулировать необходимые условия для обеспечения инновационного развития экономики, содержащая слагаемые «инновации» («человеческий капитал», «знания», «социальный капитал»), нацеливающая на развитие инновационного предпринимательства. Но эта формула не учитывает исторической специфичности и ментальных различий, препятствующих в некоторых странах развитию предпринимательства. В России одной из таких особенностей является неизжитая склонность к «царистскому характеру властей», культу личности официального руководителя страны и патернализму. В итоге в России бывают длительные периоды, когда отсутствует качественное управление в интересах суверенного развития страны. Показано, что в приведенную выше формулу, чтобы она могла выражать не только необходимые, но и достаточные условия для стабильного инновационного экономического развития, необходимо добавить «институты, способствующие экономическому развитию, отвечающие менталитету данного народа».

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О роли креативного работника в экономике XXI века

150 *Гречко Михаил Викторович, Плешивцева Анна Алексеевна*

Настоящий текст посвящен представлению системы аргументов, востребованных для решения актуальной проблемы в системе общественных наук – выявлении роли и обосновании качественных характеристик и особенностей креативного работника как основы одноименного социального класса и основной производительной силы в (пост)индустриальной модели развития экономики. В пространственно-временных границах экономической модели XXI века одновременно сосуществуют разнокачественные системы: индустриальная система находится в фазе своего регресса, и постиндустриальная – в границах фазной трансформации – смены фазы генезиса, фазой активного развития, сопровождающейся сменой производственных отношений. Таким образом, для исследования качественных аспектов идентификации характеристик и ролевой детерминации обозначенного предмета, необходим следующий методологический инструментарий, включающий в себя: диалектический метод, марксистский социально-классовый анализ, метод научной абстракции, а также отдельные элементы теории креативного класса. В результате проведенного исследования доказано, что в XXI веке новые производительные силы переросли позднеиндустриальную форму их воплощения и возникает объективное противоречие между соответствующими производительными силами и способом производства, которое должно быть разрешено диалектически. Также представлены черты «портрета» креативного работника и приведены его качественные характеристики, позволяющие вычлнить системный элемент в структуре труда креативного работника, воплощенный в форме творческого потенциала личности.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эволюция концепции «аграрной революции»

169 *Розинская Наталия Анатольевна*

В статье рассматривается эволюция концепции «аграрной революции/аграрного переворота» с первой половины XIX в., когда теоретики начали осмыслять процессы, имевшие в тот период место в аграрном секторе Западной Европы, и до настоящего времени. В работе выделяются три основных подхода к анализу трансформационных процессов в сельском хозяйстве: технологический, социальный, экономический. Приверженцы технологического подхода фокусировались на переходе от трехполья к плодосменному севообороту и других технологических новациях аграрного сектора в период его модернизации. Для сторонников социального подхода главной проблемой модернизации были негативные социальные последствия аграрной революции, прежде всего для крестьянства. Авторы, придерживавшиеся экономического подхода, делали акцент на причинах роста в аграрном секторе производительности различных факторов производства, главным образом труда и земли. В статье показано, что фокусирование авторов концепции на той или иной проблеме было тесно связано с этапом, на котором находилась социально-экономическая система, в рамках которой оперировали авторы. Кроме того, в статье рассматриваются оригинальные работы о возможностях

модернизации аграрного сектора в странах Восточной Европы, в которых ставится вопрос о зависимости индустриальной революции от процессов, происходивших в сельском хозяйстве.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Территориальное развитие в посткапиталистическую эпоху: о перспективах урбанистической культуры

183 *Вархотов Тарас Александрович*

В статье критически анализируются перспективы урбанизации в контексте кризиса капитализма, неолиберализма и связанных с ними концепций мегаполиса как прообраза пространственной политико-экономической модели для общества будущего. Во введении дается определение посткапитализма как дискурса об ином будущем, отличающемся в равной мере от исторически известных форм как капитализма, так и социализма. Отмечается связь процессов урбанизации с промышленным капитализмом и зависимость теорий урбанизации от связанных с политэкономическим дискурсом капитализма концепцией. В первой части демонстрируются недостатки мегаполиса и фактическое снижение доверия к идее безальтернативности мегаполиса как образца урбанистической культуры будущего. Отмечается рост интереса к альтернативным моделям урбанизации – в частности, агломерационным. Подчеркивается особая важность таких моделей для территориального развития России. Во второй части приводится пример успешного развития малого города, в силу географической специфики региона, обладающего ограниченными возможностями развития за счет увеличения территории агломерационной сети и формирования конурбационных связей. Отмечается значение для развития малых городов социокультурных факторов: культурно-исторической памяти, городского фольклора и корпоративной идентичности. Высказывается гипотеза о критическом значении для успешного развития малого города концентрации экономического и символического капитала внутри городской корпорации.

ЭССЕ

Технологии и институты социализма

204 *Михайлов Андрей Игоревич*

В статье рассматривается роль В.И. Ленина в формировании социальных институтов советского общества. Проанализированы работы по теории социализма 1917–23 гг. и проведено сопоставление с реально достигнутыми результатами. Выявлено несколько этапов становления институтов социализма. Формальное обобществление 1918, ликвидировавшее праздные классы. Формирование социальной сферы: систем общественного здравоохранения, образования, науки и социальной защиты. Монополия внешней торговли, позволившая выйти из рикардианской ловушки специализации. Наконец, ГОЭЛРО как опыт макроэкономического планирования. В ходе первой пятилетки был произведен структурный сдвиг межотраслевого баланса с увеличением доли машиностроения, получен опыт внедрения целостного комплекса технологических инноваций, создана система отраслевого управления и осуществлена кооперация сельского хозяйства. Уже после Великой Отечественной войны в ходе реализации атомного и космического проектов наука превращается

в непосредственную производительную силу общества. Однако ряд последующих этапов развития социализма - информатизация как построение интегрированной системы автоматизированного проектирования и экономических расчетов (ОГАС, АСПР и др.) и разработка систем искусственного интеллекта к настоящему моменту – так и не были осуществлены в социалистической парадигме развития. Тем не менее, апостериорный анализ сбывшихся и несбывшихся прогнозов позволяет выявить те противоречия современности, которые могут быть разрешены только в коммунистической перспективе.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Качественная целостность личности в условиях синергии политэкономических отношений

221 *Салихов Борис Варисович, Салихова Ирина Сергеевна*

В статье охарактеризовано нарастание хозяйственной диссипации как следствие, прежде всего, неолиберального вектора развития. Разработана типовая модель, характеризующая место критического субъекта в условиях синергии политэкономических отношений. Обоснован концепт бинарной личности (одновременно как индивида и члена общества) как фактора высокоэффективной рефлексии нарастания политэкономической сложности. Предложена общая схема самоорганизации политэкономических отношений в условиях императива созидательной направленности их развития, где новая точка бифуркации представлена идеологией экономической нравственности и солидаризма, а аттрактором является достойная жизнь личности. Выявлена необходимость формирования политэкономической модели, основанной на методологическом социоиндивидуализме. Доказан императив конституирования цивилитарной собственности (единство ее личной, частной и общей форм) как социально-экономической онтологии реальной свободы личности при постоянно осознаваемой необходимости, что призвано обнаруживаться в новых формах диалектической взаимосвязи рынка и государства. При этом культура и идеология не просто «имеют значение», но и становятся «драйверами» экономической созидательности.

CONTENTS №3/2024

INTRODUCTORY REMARKS OF THE MANAGING EDITOR

24 *Ruslan S. Dzarasov*

DIALOGUES WITH PROFESSOR BUZGALIN

The main "layers" of globalization and its conflict-generating potential

28 *Alexander V. Buzgalin*

The main "layers" of globalization and its conflict-generating potential

The article published in 2008 remains relevant to this day as it provides a theoretical analysis of the fundamental patterns underlying modern contradictions of world economy. The author has managed to show the differences between the objective tendencies towards the international socialization of production, which underlies the processes of contemporary globalization, and its capitalist form, which acts as a struggle for the hegemony of global capital. The article emphasizes (which is rarely given attention) the differences between the development of capital and wage labor globalization processes. Capital strives for maximum freedom of transnational movement and, at the same time, maintains significant barriers to the free movement of labor force and supports national fragmentation of wage workers.

This allows the capital to retain zones with low wages and high level of exploitation, and even the transfer of labor force from developing countries to developed ones still leaves such labor force with unequal conditions of remuneration. Such capitalist globalization leads to growth of contradictions between the center and periphery of the world economy, deepening the gap between developed and developing countries.

At the same time, a number of developing countries, pursuing a catch-up development strategy, enter into a struggle for re-division of spheres of influence in the world economy. These contradictions turn out to be fraught with acute economic and socio-political conflicts.

Greater opportunities for the use of violence to maintain their positions in the world economy lead to an asymmetric response in developing countries, sometimes taking the irrational form of terrorism. Terrorism and local wars turn out to be an inevitable companion of capitalist globalization, posing a threat of a pandemic of violence. This danger may be overcome by dealing with its cause, that is, ensuring a departure from imposing a neoliberal project of global capitalist hegemony on the world economy and transitioning to equitable forms of international economic cooperation.

THEME OF THE ISSUE – GROWTH VS. DEVELOPMENT

Sustainable development: searching for a new economy

43 *Sergey N. Bobylyev, Tatiana V. Zavyalova*

The current world economic model generates crisis social, economic and environmental phenomena, which leads to the overall instability of development. This makes necessary the transition to sustainable development that has become the paradigm of human development in the 21st century. In the context of traditional economic theory and practice, one can identify the following systemic problems: economic underestimation of the most important functions of natural capital and ecosystem services, as well as dam-

ages to public health due to environmental pollution; inability to internalize externalities, environmental damages and benefits in decision-making processes; and ignoring the time factor when analyzing long-term problems. The transition to the Anthropocene epoch, the process facilitated by the maximization civilization that has developed on the planet, is taking humanity further away from the formation of the noosphere and sustainable development. Critical contradictions of the existing model require radical economic changes in the theory and practice of numerous actors, including the ability to measure adequately development / progress and to shift the established economic model to the trajectory of sustainability. The world is undergoing a large-scale divestment process of redistributing investments between traditional sectors of the economy and environmentally sustainable ones. Recently, Russia, along with other countries, has been formulating its national directions of transition to sustainable development at the conceptual level.

De-alienation as a qualitative measurement of development

52 *Lyudmila A. Bulavka-Buzgalina*

The study of any phenomenon of reality involves the question of determining the nature of its process state, conditioned either by its development, or stagnation, or decay, or mutation. Defining the quality of this state, at that is important – as a process, implies an appropriate system of criteria for measuring its quality. However, the nature of these criteria, unlike growth indicators, cannot be reduced to their formal expression; here a substantive measurement of the process state of the investigated reality is required. And this substantive measurement entails such a practical engagement with the process of reality development that frees it from dominant forms of alienation. This can only be achieved through the actual resolution of the social contradictions underlying these forms. This is the essence of social creativity as the process of forming new social relations. Thus, the qualitative measurement of the process state of reality becomes a factor in its actual development. Correspondingly, this leads to the qualitative development of the researcher himself: from an analyst-observer to a subject of social creativity.

Paternalistic state and economic development of society

63 *Mikhail I. Voeykov, Galina V. Anisimova*

The article considers the problems of the relationship between economic growth and economic development. The author argues that the most important issue is the problem of society development, which is not reduced only to economic growth and even to economic development. Society development includes not only the economic sphere, but also spheres of culture, education, health care, and science as well. At the same time, an important component of society development is the well-being of the majority of people, including the reduction of excessive socio-economic inequality. Today, in Russia, it is particularly urgent to reduce excessive inequality. The article shows that economic growth in modern statistics is measured incorrectly, based on an Americanesque system of national accounts which is based on monetary values rather than real output. In the Soviet period, the GDP and, consequently, economic growth were measured on the basis of the balance of national economy, taking into account the increase in real product rather than monetary value. Therefore, it is not correct

to measure economic growth based on the system of national accounts. The article concludes that in today's Russia there is no significant economic growth and even less economic development. This indicates a very weak state paternalism. All this is shown on the basis of official statistics.

Economic development and exploitation for the sake of progress

73 *Dmitry Yu. Miropolskiy*

The author considers economic growth as accumulation of means of production and labor force in terms of quantity. The article studies the cases when both the growth of population and, consequently, of labor force outstrips the accumulation of means of production and the accumulation of means of production outstrip the growth of population. Both cases refer to the dynamics of exploitation in order to obtain wealth. The author concludes that quantitative growth is unstable and inevitably transfers into development, i.e. qualitative improvement of productive forces, however, development is impossible without growth. To study the development accompanied by growth, the author uses a two-sector model of the economic system, including product-surplus and product-deficient sectors of the economy. The product-surplus sector produces basic products, with the output exceeding cost of production. The product-deficient sector produces pioneer products that serve as the source of development and basic products with output lower than cost of production. The relations of product-surplus and product-deficient sectors are formed as product-saving and product-intensive. Product-saving option of development pushes the economy towards the market, whereas product-intensive one pushes it towards the plan. The article models both options of development. Both options assume exploitation for the sake of progress. The author concludes that, for present-day Russia, the development option with the plan dominating and the market playing a subordinate role is favorable.

Mechanisms of economic growth and development: a long wave theory perspective

83 *Svetlana Yu. Rummyantseva*

The article reveals the concepts of economic growth and economic development through the prism of structural instability models and long wave theory. The author shows the limitations of neoclassical and neo-Keynesian, as well as later approaches to the interpreting the mechanisms of economic growth and cycle. The author shows that many of contemporary main economic schools, considering the relationship between economic growth and scientific and technological progress, treat the role of scientific and technological progress as an engine of economic growth as fundamentally exogenous. At the same time, the models of structural instability which have been developed since the 1970s by the scholars who worked within the theory of long waves in the economy have identified subtle endogenous mechanisms of integration of scientific and technological progress into the process of economic development. Economic development, if one applies the approach of structural instability models, is understood through the economic cycle with its integrated endogenous mechanisms. The article considers the mechanism of the economic cycle as a key element of economic development. Economic growth appears in the dialectical unity of its nature: as a period in the mechanism

of cyclical economic development (in growth rates) and as a general trend of economic development (in absolute terms).

Economic growth in Russia in the context of global transformations

99 *Ivan M. Tenyakov*

The article reveals the features of economic growth in Russia in the context of global geopolitical and geo-economic transformations. The author confirms the tendency of long-term stagnation in the developed countries manifested in the slowdown of economic growth and decrease in the share of these countries in the world economy. The article reveals a trend towards increasing the share of the BRICS countries in the world economy and strengthening their positions in the material production sectors. The author notes the contradictory dynamics of the Russian economy in the post-Soviet period, characterizes its stages and describes the tendency of the growth trajectory of the Russian economy to lag behind the growth trajectory of the world economy due to the transformation shock. The article shows that the stage of transformational decline in socio-economic terms was characterized by the transformation of property relations and the formation of institutions of Russian capitalism, taking various 'hybrid' forms that combine elements of market coordination with corporate-bureaucratic forms of resource allocation and socio-economic appropriation. The stage of recovery growth was characterized by the positive dynamics of GDP and income, investment and employment, decrease in inflation and public debt but the socio-economic situation of the country remained semi-peripheral. The third stage ('new normality') was characterized by a significant slowdown in the pace of economic growth, preserving the system of socio-economic relations of semi-peripheral capitalism. Only since 2022, the trend towards transition to a new stage of socio-economic development, with the strengthening of the sovereign nature of the Russian economy, has emerged. The author reveals the structural features of economic growth in terms of aggregate demand and aggregate supply in Russia in 2020-2023. The author concludes that there is a need to change the model of economic growth in Russia in order to improve both the quantitative and qualitative results of growth.

The crisis of globalization and the future structure of the new course 'Development Economy'

110 *Sergey A. Tolkachev*

A popular discipline in the system of economic education - development economy - for a relatively short historical period has made a remarkable way from a collection of economic growth models for developing countries to a multidisciplinary integrative platform of many functional economic disciplines. It considers current burning issues in the development of the global economy, including the new-fangled agenda of sustainable development. Nevertheless, the methodological basis of modern Western courses and curricula in development economy retains the original features of the neoclassical paradigm based on the principles of equivalent exchange in international economic relations and the non-alternative nature of globalization processes. The article shows that both of these basic prerequisites have become obsolete in the course of the protracted crisis of globalization. The growing national debt of the USA is one of the forms of un-

precedented redistribution of world resources in favor of one country on an extremely non-equivalent basis. Re-shoring and insourcing, opposite to offshoring and outsourcing, are spreading in the U.S. economy, the leader and designer of the now compromised globalization processes, undermining the technological basis of universal development recipes that are still presented in development economy courses as a highly scientific product of profound theory. The search for a new ontology and epistemology of the development economy is vital for Russia as a country catching up with modernization at the current next turning point in world economic dynamics. The author proposes a new integrated concept of the course 'Development Economy', generalizing the latest popular theories of socio-economic development.

Qualitative and quantitative characteristics of economic growth

124 *Kaisyn A. Khubiev*

The article deals with a number of relevant problems in economic theory which have not been finally solved. The issue of economic growth is a traditional one for economic theory throughout its development. At the same time, the concrete-historical situation has brought to the forefront new relevant issues. The interest in quantitative characteristics of economic growth was supplemented with the study of growth quality. One of the options for this discussion was a balance between growth and development. The study of recovery and cyclical growth was in the same direction. Independent cycles contain a growth phase and the aggregate of cycles contains a general upward trend. Their theoretical consolidation forms an unsolved scientific problem as well. In recent years, two relatively independent issues have merged into a single problem: economic growth and the degree of state participation in the economy. This problem has two opposite interpretations that lead to certain conclusions and recommendations. The article focuses on this problem in the conclusion. The author introduces and describes the term 'budgetary' growth and emphasizes the sources of growth. In the short-term period, the author proposes to redistribute the resources, including those previously privatized, based on open investment tenders. In the long-term period, the author proposes to develop and implement a plan of electronification of the economy as a basis for qualitative growth and development. The final part considers the role of the state in ensuring economic growth. The author claims the overcoming of erroneous dogma about the 71 per cent share of the state in the economy. The article reveals the ideological and social essence of the proposals on the 'second' wave of privatization.

On the dialectics of growth and development, as well as on necessary and sufficient conditions of economic development

136 *David B. Epshtein*

The article deals with the dialectics of the relationship between the growth and the development regarding the economic development of the state, more precisely, the national economy and regulated market economy. The author determines growth as economic growth, i.e. the increase (as a result of production) of the general, aggregate indicators of the production of goods. Regression, degradation, and deterioration oppose the development from the point of view of logic and dialectics. Thus, the development of human society and economy means its improvement, progress and perfection.

The development requires the evaluation of quantity parameters / indicators (increase or decrease). Therefore, the development is also the growth, including quantitative growth. At the same time, economic growth transforms into the development at a certain stage as 'quantity changes turn into quality changes'. In other words, growth and development do not oppose each other in antagonistic way but they form two sides of the same process (quantity and quality). Changes in the parameters of social characteristics of society as signs of development are not unambiguously positive or universal. Instead, they are 'tied' to certain historical stages, and in a class society they are class-based and have their measure. The article considers the formula determining the necessary conditions to ensure innovative development of the economy, containing the components as follow 'innovation', 'human capital', 'knowledge', 'social capital', aimed to develop innovative entrepreneurship. But this formula does not take into account the historical specifics and mental differences hindering the development of entrepreneurship in some countries. The enduring tendency to the 'tsarist character of the authorities', the cult of the personality of the official leader of the country and paternalism, are among such peculiarities in Russia. As a result, there were long periods in Russian history when there was no quality management in the interests of the country's sovereign development. The article shows that this concept should contain 'institutions promoting economic development, corresponding to the nation's mentality', so that it would be able to provide necessary and sufficient conditions for stable innovative economic development.

POLITICAL ECONOMY RESEARCH

On the role of the creative worker in the economy of the XXI century

150 *Mikhail V. Grechko, Anna A. Pleshivtseva*

The article is devoted to the presentation of the system of arguments required for solving a relevant problem in the system of social sciences - identification of the role and substantiation of qualitative characteristics and features of the creative worker as the basis of the social class of the same name and the main productive force in the (post) industrial model of economic development. In the space-time boundaries of the economic model of the XXI century, systems of different quality coexist simultaneously: the industrial system is in the phase of its regression, and the post-industrial system is in the phase of transformation from the phase of genesis to the phase of active development accompanied by change in relations of production. Thus, to study the qualitative aspects of the identification of characteristics and role determination of the designated subject, one should use the following methodological tools: dialectical method, Marxist social class analysis, method of scientific abstraction, as well as some elements of the theory of creative class. The result of the research proves that new productive forces have outgrown the late-industrial form of their embodiment in the XXI century and there is an objective contradiction between the corresponding productive forces and the mode of production which must be resolved in a dialectical way. Also, the article presents the features of the 'portrait' of a creative worker and provides his quality characteristics identifying a systemic element in the labor structure of a creative worker embodied in the form of creative potential of an individual.

HISTORICAL AND ECONOMIC RESEARCH

Evolution of the concept of 'agrarian revolution'

169 *Natalia A. Rozinskaya*

The article deals with the evolution of the concept of 'agrarian revolution / agrarian upheaval' from the first half of the 19th century, when theorists began to comprehend the processes that took place at that time in the agrarian sector of Western Europe, and up to the present time. The article identifies three main approaches to the analysis of transformation processes in agriculture: technological, social and economic. Adherents of the technological approach focused on the transition from the three-field to the crop rotation and other technological innovations of the agrarian sector during its modernization. For supporters of the social approach, the main problem of modernization was the negative social consequences of the agrarian revolution, primarily for the peasantry. The authors who adhered to the economic approach focused on the reasons for the growth of productivity of various factors of production in the agrarian sector, mainly labor and land. The article shows that the focusing on one or another problem was closely related to the stage of the socio-economic system within which the authors worked. In addition, the article reviews original works on the possibility of modernizing the agrarian sector in Eastern European countries, raising the question of the dependence of the industrial revolution on the processes in agriculture..

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Territorial development in the post-capitalist epoch: the prospects of urbanistic culture

183 *Taras A. Varkhotov*

The article critically analyzes the prospects of urbanization in the context of the crisis of capitalism, neoliberalism and related concepts of megalopolis as a prototype of a spatial political-economic model for the society of the future. The introduction defines post-capitalism as a discourse of future that differs from the historically known forms of both capitalism and socialism. The article notes the relationship of urbanization process with industrial capitalism and the dependence of theories of urbanization on the political economy discourse of capitalism. The first part demonstrates the drawbacks of the megalopolis and the actual decline in the credibility of the idea of the megalopolis as a model of the urban culture of the future. The author claims a growing interest in alternative models of urbanization and agglomeration models in particular. The article emphasizes the special importance of such models for the territorial development of Russia. The second part presents an example of successful development of a small town that has, due to geographical specifics of the region, a limited opportunity of development for the increase in territory of the agglomeration network and for the formation of conurbation links. The author notes the importance of socio-cultural factors for the development of small towns: cultural and historical memory, urban folklore and corporate identity. The author suggests a hypothesis about the critical importance of the concentration of economic and symbolic capital within the city corporation for the successful development of small towns.

ESSAYS

Technologies and institutions of socialism

204 *Andrey I. Mikhaylov*

The article considers the role of Vladimir Lenin in the formation of social institutions of the Soviet society. The author analyzes and compares the works on the theory of socialism in 1917-23 with the results actually achieved. Several stages of formation of institutions of socialism are revealed. Formal socialization of 1918 that eliminated the idle classes. Formation of the social sphere: systems of public health care, education, science and social security. The monopoly of foreign trade that enabled to escape the Ricardian trap of specialization. Finally, GOELRO as an experience of macroeconomic planning. During the first five-year plan, a structural shift of the inter-sectoral balance was made with an increase in the share of machine-building, the experience was gained in introducing a holistic set of technological innovations, a system of management of industry sectors was created, and agricultural cooperation was realized. After the Great Patriotic War, with the realization of atomic and space projects, science turns into a direct productive force of society. However, a number of subsequent stages in the development of socialism – informatization as the construction of an integrated system of computer-aided design and economic calculations (OGAS, ASPR, etc.) and development of artificial intelligence systems up to date – have not been implemented in the socialist development paradigm. Nevertheless, the analysis a posteriori of realized and unfulfilled forecasts allows us to identify those contradictions of modernity that can be resolved only in a communist perspective.

DEBATING SOCIETY

Quality integrity of personality in context of synergy of political-economic relations

221 *Boris V. Salikhov, Irina S. Salikhova*

The article characterizes the growth of economic dissipation as a consequence of the neoliberal vector of development. The authors develop a typical model characterizing the place of a critical subject in the context of synergy of political-economic relations. The article presents the concept of a binary personality (simultaneously as an individual and a member of society) as a factor of highly effective reflection of the growing political economy complexity. The article proposes a general scheme of self-organization of political economy relations based on the imperative of creative orientation of their development where the new bifurcation point is represented by the ideology of economic morality and solidarism, and the attractor appears a decent life of an individual. The authors reveal the necessity of forming a political economy model based on methodological socioindividualism. The authors prove the imperative of constitution of civilitarian property (the unity of its personal, private and common forms) as a socio-economic ontology of real freedom of the individual with a constantly realized necessity, which is to be found in new forms of dialectical interrelation of the market and the state. In this case, culture and ideology do not simply ‘matter’ but become ‘drivers’ of economic creativity.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА^{1*}

Основной темой данного номера журнала стала проблема экономического роста и развития. Представленные в номере авторы размышляют о соотношении этих двух понятий. Вопрос этот, конечно, далеко не нов для экономической науки. Однако он вновь привлек внимание читающей публики в связи с опытом хозяйственной жизни нашей страны и мира после глобального краха мировой экономики 2008-2010 годов, за которым последовал еще не окончившийся период т.н. «Великой стагнации». С одной стороны, эксперты обсуждают вероятность новой волны мирового спада и причины долговременного застоя экономического роста. С другой – в этот период оказалась скомпрометирована «экспортная модель роста», которая вызывала неоправданную эйфорию в течение нескольких предшествовавших краху десятилетий. Тем самым были развеяны мечты многих стран об успешном развитии, которое позволило бы им встать вровень с лидерами мировой экономики. Особое значение данная проблема имеет для нашей страны. В самом деле, в среде экономистов не утихают споры о том, почему периоды роста нашей экономики фрагментарны, а значит, рост неустойчив, и вообще, происходит ли в ходе этого спорадического роста развитие? Острота дискуссий по данному кругу вопросов и обусловила актуальность темы данного номера журнала.

Номер открывает рубрика «Диалоги с профессором Бузгалиным» и содержит его работу «Основные пласты глобализации и ее конфликтогенный потенциал». Эта работа посвящена одному из важнейших факторов и роста, и развития современной экономики. Автор различает глобализацию, как объективный и конструктивный процесс роста технологического, социально-экономического и культурного единства современного мира; и глобализацию, как форму гегемонии капитала в мировых масштабах. Такая постановка проблемы задает рамки всего последующего обсуждения главной проблемы номера. Этой работой перекликаются и вступают во внутренний диалог многие остальные материалы номера. Применяя диалектический анализ, профессор Бузгалин показывает, как глобальная гегемония капитала закономерно порождает регресс в формах отчуждения современного мирового сообщества, во многих отношениях скатывающегося к жестоким и, казалось бы, давно преодоленным формам насилия.

Обсуждение главной темы номера продолжает статья Бобылева С.Н. и Завьяловой Т.В. «Устойчивое развитие: в поисках новой экономики», которая посвящена проблеме развития в аспекте его влияния на окружающую среду и здоровье

¹ *Дзарасов Руслан Солтанович*, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, (dzarasovr@gmail.com).

**Цитирование:* Дзарасов Р.С. Вступительное слово выпускающего редактора // Вопросы политической экономики. 2024. № 3(39). С. 24-27.

человека. Авторы дают интересный обзор эмпирических фактов, научных концепций и документов международных организаций, констатирующих прогрессирующую деградацию экологии под влиянием хозяйственной деятельности человека. Они обосновывают вывод о давно назревшей необходимости перехода к «новой экономике», в которой государственная политика, технологические сдвиги и институциональные преобразования будут нацелены на достижение экологической устойчивости.

Булавка-Бузгалина Л.А. в статье «Разотчуждение как качественный замер развития» обсуждает проблему качественной оценки феноменов реальности, без которых не может быть проведен анализ развития. Автор подчеркивает, что этот процесс не может быть сведен к рассмотрению формальных показателей, что возможно при изучении феномена роста. Качественный замер развития, как показано в работе, должен показать, происходит ли освобождение социума от господствующих в нем форм отчуждения. Лишь в этом случае, по справедливому мнению автора, может произойти «становление новых общественных отношений», что и лежит в основе развития.

Воейков М.И. и Анисимова Г.В. в своей работе «Патерналистское государство и экономическое развитие общества» утверждают, что развитие общества не сводится не только к экономическому росту, но и к чисто хозяйственному прогрессу, так как включают сферы культуры, образования, науки и здравоохранения. На богатом статистическом материале авторы показывают, что в современной России наблюдается систематическая деградация указанных областей жизни общества. Более того, не только нет развития, но и рост происходит в ущербных формах.

Тему номера продолжает материал Миропольского Д.Ю. под названием «Экономическое развитие и эксплуатация ради прогресса». Автор предлагает двухсекторную модель экономики, интерпретируя проблему плана и рынка через взаимодействие продуктоизбыточного и продуктонедостаточного секторов экономики. В результате оригинального теоретического анализа он приходит к выводу о том, что России требуется доминирование планового сектора народного хозяйства, при сохранении подчиненного рыночного сектора.

Румянцева С.Ю. раскрывает долгосрочные аспекты обсуждаемой темы в статье «Механизмы экономического роста и развития: взгляд с позиций теории длинных волн». Автор отвергает одностороннюю трактовку научно-технического прогресса, как чисто экзогенного процесса. В статье делается акцент на эндогенные механизмы долгосрочного экономического цикла. Этот подход позволяет автору обосновать диалектическую взаимосвязь экономического роста и развития.

Последующий материал, представленный Теняковым И.М. и озаглавленный «Экономический рост в России в контексте глобальных трансформаций», предлагает рассматривать проблемы роста и развития отечественной экономики в глобальном контексте. Автор показывает на эмпирическом материале процесс снижения темпов роста развитых капиталистических стран и рост на этом фоне показателей стран БРИКС. На этом фоне в работе показан полупериферийный характер экономического развития современной России. Делается обоснованный вывод о необходимости смены самой модели социально-экономического развития страны.

Толкачев С.А. обсуждает контуры нового подхода к преподаванию теории развития в современном российском университете в работе «Кризис глобализации и

перспективный облик нового курса “Экономики развития”». Материал начинается с анализа сильных и слабых сторон имеющихся курсов. Автор приходит к выводу, что кризис современной модели глобализации делает многие положения имеющихся курсов по данной дисциплине устаревшими. Предлагая свой взгляд на онтологию и гносеологию проблем развития, автор показывает их жизненную необходимость для разработки новых путей повышения эффективности хозяйственной жизни современной России.

Не решенные проблемы экономической науки по обсуждаемой теме рассматривает Хубиев К.А. в своем глубоком материале «Качественные и количественные характеристики экономического роста». Автор отмечает, что в последние годы проблемы роста все чаще обсуждаются в единстве с вопросом о роли государства в экономике. Эти темы рассматриваются с точки зрения обеспечения источников экономического роста. Тему этой статьи продолжает содержательный материал Эпштейна Д.Б. «О диалектике роста и развития и необходимых и достаточных условиях экономического развития». Опираясь на законы диалектики, автор показывает глубокую взаимосвязь процессов роста и развития в экономике. Особое внимание уделяется составляющим понятия «инновационное развитие». С этой точки зрения статья ставит вопрос о специфических факторах, определяющих эти процессы в нашей стране.

Обсуждение главной темы номера продолжает рубрика «Политико-экономические исследования». Она предлагает статью Гречко М.В. и Плешивцевой А.А. на тему: «О роли креативного работника в экономике XXI века», которая посвящена новой роли человеческого измерения экономического роста. Авторы показывают, что в позднеиндустриальную эпоху развитие производства все более определяется растущей ролью креативного работника. Именно с ним связан современный вектор экономического развития. На основе эмпирических данных предлагается «портрет» этой новой фигуры хозяйственной жизни, делается попытка показать «системный элемент» в структуре его труда.

Рубрика «Историко-экономические исследования» предлагает читателю оригинальный взгляд на историю некоторых идей аграрной теории, изложенный в статье Розинской Н.А. «Эволюция концепции “аграрной революции”». Автор обсуждает технологический, социальный и экономический подходы к трактовке аграрных трансформаций от доиндустриальной эпохи и в наши дни. Статья делает особый акцент на зависимости индустриального развития от аграрных процессов.

«Междисциплинарные исследования» представлены в номере работой Вархотова Т.А. «Территориальное развитие в посткапиталистическую эпоху: о перспективах урбанистической культуры». Автор критически анализирует концепции «мегаполиса», предлагаемые с позиций неолиберализма. Отвергается тезис о безальтернативности мегаполиса как якобы единственно возможной формы урбанистической культуры. Альтернативные модели урбанизации рассматриваются в контексте дискуссии о понятии посткапитализма. Получается оригинальный взгляд на проблемы роста и развития с позиций пространственной политико-экономической модели будущего.

«Дискуссионная трибуна» предоставлена Салихову Б.В. и Салиховой И.С., предложивших спорный, но заслуживающий внимания читателя материал «Качественная целостность личности в условиях синергии политэкономических отношений».

Авторы обосновывают свой подход к современной экономике с позиций двойственной трактовки «бинарной личности», являющейся индивидом и членом общества одновременно. Вероятно, не все читатели легко согласятся со сформулированной в статье трактовкой «политэкономических отношений», однако редакция сочла данный материал полезным, чтобы стимулировать в политэкономической среде дискуссию о роли человека в современной экономике.

При всей разнице поднятых в статьях номера проблемах и темах, вопрос о соотношении экономического роста и развития объединяет всех авторов. Редакция журнала надеется, что предложенные материалы и их обсуждение представляют интерес для наших читателей, и будут способствовать росту профессионального уровня и глубины политэкономической мысли.

Дзарасов Руслан Солтанович,
доктор экономических наук, профессор

ДИАЛОГИ С ПРОФЕССОРОМ А.В. БУЗГАЛИНЫМ

ОСНОВНЫЕ «ПЛАСТЫ» ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

Бузгалин Александр Владимирович

Характерная для рубежа столетий конкретная интернациональная всеобщность человечества, имеющая к тому же не умозрительный, а сугубо практический, донельзя актуальный характер, ныне воспроизводится посредством отношений тотальной гегемонии корпоративного капитала. В результате рубеж веков ставит мир перед *фундаментальным противоречием нынешнего этапа развития глобального и интернационального мира отчуждения*. С одной стороны, созданы возможность и необходимость единого развития человечества с целью реализации всеобщих и предельно конкретных, неотложных интересов, присущих каждому человеку на Земле (необходимость сохранения природы, мира и т.п.). С другой стороны, реализация этих задач ныне зависит от узкого круга враждующих между собой корпоративно-капиталистических и бюрократических элит, «глобальной номенклатуры». Вот почему мы сразу и недвусмысленно хотим *различить интернационализацию (глобализацию) как противоречивый, но объективный процесс роста интернационального единства технологий, экономик и культур Человечества и «глобализацию» как характерную для этапа позднего капитализма социально-экономическую, политическо-идеологическую форму глобальной гегемонии корпоративного капитала*².

Этот период с качественной точки зрения может быть определен как такой этап в эволюции позднего капитализма, когда интернациональное единство человечества становится практически данным феноменом. В обыденной жизни глобализация ощущается большинством населения Земли во всех сферах его социальной жизни. Воспользуемся в качестве первого приближения представлением о глобализации как процессе, *во-первых*, характеризующем некоторое новое качество современного общества как единого, всемирного, глобального. В чем состоит это новое качество, мы постараемся разобраться ниже, а пока заметим, что глобализация, *во-вторых*, есть процесс, а потому она имеет определенную меру своего развития. Более того, этот процесс (как и всякий социальный процесс) *противоречив и нелинеен*. В силу сказанного, естественно, мера глобализации, может быть, и является различной для разных периодов социального времени и «локусов» социаль-

¹ Статья была впервые опубликована в журнале «Международные процессы» в 2003 г.: Бузгалин А.В. Основные «пласты» глобализации и ее конфликтогенный потенциал // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 2(2). С. 31-43. EDN: OIPONV

² Подробнее содержание, механизмы и структура этой гегемонии раскрыты автором в соответствующих разделах коллективной монографии «Критический марксизм. Продолжение дискуссий» (М., 2001) и сборника «Постиндустриальный мир и Россия» (М., 2000).

ного пространства (проще говоря, мера глобализации социальной жизни различна для ярославской деревни и Брюсселя, она может расти или снижаться от года к году в зависимости от многообразных обстоятельств). Соответственно, *в-третьих*, мало у кого вызовет сомнения, что *наряду с глобализацией в современном мире развиваются и противоположные ей процессы* (локализации, ренессанса социальной роли ряда национальных государств, «разбегания» и столкновений цивилизаций, дифференциации качества жизни и т.п.). *Наконец*, логичным выглядит и утверждение, что это процесс, протекающий на уровне и технико-экономических (производительные силы), и социально-экономических (производственные отношения), и социально-политических (а также духовных и т.п.) отношений.

Если согласиться с этими представлениями, то на первый план выходит вопрос: а в чем же состоит это новое качество социопространственного бытия современного мира и есть ли оно вообще?

Автор ответил бы на это вопрос так (пока что это не более, чем гипотеза, опирающаяся на взгляды очень широкого круга исследователей³): *глобализация развивается в современном мире в той мере, в какой «глобальные игроки»* (их перечень общеизвестен: это ТНК, такие наднациональные институты, как НАТО, МВФ, ВТО и т.п., сверхдержавы и пр.) *оказывают влияние (вплоть до решающего) на экономические, социальные, политические и духовные процессы, протекающие в национальных государствах и на международной арене.*

Если же посмотреть на процесс глобализации строже, то мы, используя марксистский подход, можем выделить как объективные основы и *причины* процесса (прогресс мирового обобществления производства, в частности углубление международного разделения труда до такого уровня, когда оно становится не менее значимым, чем внутринациональное; обострение глобальных проблем до такого уровня, когда их решение затрагивает жизненные интересы большинства граждан Земли и требует вмешательства мирового сообщества; развитие мировых транспортных и телекоммуникационных систем до такого уровня, когда они становятся частью повседневной жизни граждан и т.п.), так и их специфическую историческую форму. Именно последняя часто обозначается термином *«глобализация»* и *есть социопространственное бытие противоречий всемирной гегемонии корпоративного капитала* или, иными словами, глобальная гегемония корпоративного капитала как особая историческая социальная форма процессов интернационализации, *«глобализация по-капиталистически»*. *Вот почему мы настаиваем на различении (1) объективных и в целом, при всех их противоречиях, прогрессивных процессов интернационализации и (2) их особой позднекапиталистической формы, которая может и должна быть снята, преодолена. Интернационализация может и должна приобрести новые общественные формы.*

Обоснование последнего тезиса – непростая задача, требующая серьезного анализа, к которому мы и переходим ниже после этих предварительных замечаний.

³ В данной статье автор использует выводы ряда работ по проблемам глобализации и прежде всего работ С. Амина и И. Валерстайна. Назовем также следующие издания: Dicken P. Global Shift. The Internationalisation of Economic Activity. London, 1992; Brecher J. [et al.] (ed.). Global Visions: Beyond the New World Order. Boston, 1993; Carnoy M. [et al.]. The New Global Economy in the Information Age: Reflections on our Changing World. PA, 1993; Panitch L. Globalisation and the State // Socialist Register. 1994; Burbach R., Nunez O., Kagarlitsky B. Globalisation and its Discontents. London, 1997.

Приступим к *систематизации основных «пластов» процесса глобализации*, которые диктуются структурой царства необходимости⁴.

В качестве *первого «пласта»*⁵ процесса глобализации мы можем выделить интернациональную макротехнологию человечества, характеризующуюся следующими чертами, которые выводятся из сути предыдущих размышлений.

Во-первых, производительные силы достигли состояния глобальных.

Во-вторых, в мировом социуме складывается мощная система крайне противоречивых и далеко не всегда эффективных, но жестких зависимостей, которые можно назвать в духе старых марксистских традиций всемирным обобществлением, которое, однако, не сводимо к углублению глобального разделения и кооперации труда. Если в сфере развитых индустриальных технологий эти связи являются стабильными и долгосрочными, то в постиндустриальных секторах кооперация приобретает вид сетевых структур и даже сетевых предприятий (последние описаны, в частности, в серии упомянутых выше работ М. Кастельса), где идеально выверенная и индивидуализированная (предназначенная для конкретного потребителя продукция создается сотнями и тысячами звеньев с точностью до минут) кооперация становится *гибкой*, но при этом и еще более *интенсивной*.

В силу этого мы можем сказать, что, в-третьих, важнейшей чертой глобального характера производительных сил является распространение *всемирных по своей природе постиндустриальных, прежде всего информационных, технологий и телекоммуникаций* (простейшая иллюстрация – всем известная сеть Интернет, которая с момента своего рождения имеет всемирный характер)⁶.

В целом процесс глобализации (даже если его рассматривать пока на технико-экономическом уровне, о его социальных и политических аспектах будет сказано ниже) оказывается обременен существенными внутренними противоречиями.

Они касаются и противоположных тенденций в развитии глобальной макротехнологии как таковой (прежде всего это – *противоречие интернационализации и локализации производственных процессов, находящее одно из своих разрешений в формировании открытых глобальных технологических систем*), и противоречий в развитии глобальных производительных сил, вызванных господствующей ныне общественной формой этого процесса – глобальным капиталом. Последний приводит, в частности, к *искусственно (по отношению к технологическим, экологическим и гуманитарным критериям) переразвитому международному разделению труда и мощным геотехнологическим диспропорциям*.

Эти диспропорции оборачиваются еще одним противоречием.

«Север» (обозначим этим общепринятым термином социальное пространство, являющееся «родиной» субъектов глобальной гегемонии, глобальных игроков), наследуя достижения столетий буржуазного развития, колониализма и неоколониализма и имея ограниченное, устойчиво воспроизводимое население с мощными традициями жизни в условиях рынка, создает (и монополизирует) высокие технологии, квалифицированную рабочую силу и возможности прорыва в постиндустриальные сферы, поглощая при этом большую часть (до 80%) природных ресурсов и

⁴ Эта структура раскрыта в работе автора «По ту сторону царства необходимости» (М., 1998).

⁵ Здесь и выше автор следует марксовской традиции использования геологической терминологии.

⁶ Впрочем, креатосфера по определению является всемирной, будучи миром всеобщих (а значит, принадлежащих в потенции всем – и во времени, и в пространстве) благ, ценностей.

вывоза в третий мир «грязные» технологии, требующие массового использования низкоквалифицированной рабочей силы и истощающие (загрязняющие, разрушающие и т.п.) природную среду.

«Юг» (обозначим этим термином социальное пространство жизнедеятельности объектов глобальной гегемонии) соответственно поставляет развитым экономикам природные ресурсы, концентрирует доиндустриальные и «грязные» индустриальные технологии, в силу этого (а также ввиду господства добуржуазных традиций в образе жизни) оказывается обременен мощными демографическими, экологическими проблемами и т.п.

В «перезрелом» мире отчуждения эта черта глобализации приобретает особый аспект. Вспомним, что формой прогресса креатосферы (сферы творческой деятельности) в этом мире является рост *превратного сектора* (создающего формы, отличающиеся от действительного содержания). В силу этого возможности прогресса креатосферы поглощаются этими превращенными формами; процесс глобализации начинает «питаться» высвобождающимися из материального производства ресурсами и сосредоточивается преимущественно в таких сферах, как транзакции (особенно – финансы и торговля), милитаризм, бюрократия и т.п.

Иными словами, в человеческом сообществе возникает возможность вырастить на месте, освободившемся вследствие сокращения материального производства, некую новую сферу. Однако господствующий в мире корпоративный капитал незамедлительно реализует эту возможность для укрепления своей гегемонии. Наиболее эффективно это можно сделать, развивая превратный сектор – мировой финансовый рынок, военные блоки и т.п., контролируемые ведущими государствами «Севера».

Так процесс глобализации оказывается направлен (даже на уровне производительных сил) в русло закрепления гегемонии транснационального корпоративного капитала, сращенного с верхушкой ряда государств (прежде всего США и других стран «большой семерки»).

Рассматривая *второй, лежащий на уровне социально-экономических отношений «пласт»* процесса глобализации, выделим прежде всего ряд широко известных форм, обеспечивающих *всемирную гегемонию корпоративного капитала* и «закрепляющих» предпосылки такой гегемонии, выделенные на предшествующем – технико-производственном – уровне.

Капитал, как производственное отношение, в условиях глобализации обретает ряд качественно новых признаков.

Во-первых, господствующей формой капитала становится транснациональная корпорация (ТНК). Эта теза сама по себе очевидна. Гораздо более спорно то, что с содержательной точки зрения ТНК можно определить как такой корпоративный капитал, который генерирует отношения сознательного экономического, институционального и т.п. манипулирования потребителями и другими «партнерами» корпорации («поле зависимости») в международном (мировом) масштабе, является «пауком», создавшим и воспроизводящим одну из мировых сетей. Как таковая ТНК способна оказывать локальное регулирующее воздействие (в международном масштабе!) на:

– мировой рынок рабочей силы (на котором складывается интернациональная армия работников, охватывающая десятки и сотни тысяч человек - от элиты менеджеров и разработчиков технологий в развитых странах до полунцищих сборщиков в третьем мире);

– потребителей, превращая их в стандартизованных в международном масштабе «клиентов», создавая международную «клиентуру» или даже целые сообщества («поколение, выбирающее пепси»);

– мелкий бизнес (создавая международную, пронизывающую ряд государств зависимость мелких предпринимателей от данной ТНК; типичные примеры - мелкие предприниматели, связанные с деятельностью нефтяных компаний или ТНК, производящих какую-нибудь колу, пиво или т.п.);

– ряд государств, сражаясь с их верхушками, имея лобби в правительствах, парламентах, муниципальных структурах;

– международные экономические структуры (от МВФ и ВТО до закрытых клубов элиты ТНК);

– информационные системы (в том числе международные), где господствуют медиа-холдинги, которые сами по себе являются ТНК и сращены с другими ТНК через перекрестное владение акциями, личную унию и т.п.;

– массовую культуру и шоу-бизнес, а также подлинное искусство, образование науку (через «благотворительные» фонды и ряд других неправительственных организаций).

В итоге эти корпорации содействуют стандартизации образа жизни во всемирном масштабе (типичный пример: едва проникнув на российский рынок, ТНК прямо и через своих агентов влияния, которые подчас и не подозревают об этой своей роли, качественно изменили образ жизни молодежи и средних слоев в крупнейших городах), подгоняя потребности, ценности и мотивы граждан разных стран под стандарт глобального тотального рынка.

Во-вторых, глобальный капитал, базируясь на международном обобществлении производства и росте сферы транзакций, превращает мировой финансовый рынок, мировые рынки капитала и товаров в господствующие в мировом масштабе сферы экономической деятельности. Те, кто властвует на этих рынках (особенно – на мировом финансовом рынке), становятся хозяевами мирового сообщества.

Так встает важнейшая (и очень широко обсуждаемая) проблема *финансовой глобализации*. Именно в этой, ключевой для сегодняшнего капитала, сфере осуществляются процессы, определяющие экономику позднего капитализма и превращающие ее в процесс функционирования глобального виртуального фиктивно-го финансового капитала *par excellence*:

– грандиозные (около 500 триллионов в год), на два порядка превышающие объемы торговли, масштабы транзакций на мировых валютных и финансовых рынках;

– доминирование мировых финансовых корпораций (банки с объемами капиталов в сотни миллиардов долларов, едва ли не на порядок превышающих бюджет большинства стран мира), оперирующих как монополисты-«пауки» на международных рынках;

– значительные (определяющие во многом судьбы национальных экономик) международные потоки капиталов (долги развивающихся и пост-«социалистиче-

ских» стран при параллельном вывозе капитала из этих стран в масштабах, близких к трети национального бюджета, как, например, в РФ) и т.п.

На наш взгляд, за этими явлениями скрыта сущностная подвижка, отмечаемая в том или ином виде сегодня многими исследователями: *финансовая глобализация (глобальная гегемония виртуального фиктивного капитала) разворачивается в мире в той мере, в какой микро- и макроэкономические параметры национальных хозяйственных систем (объемы и направления инвестиций, маркетинговая стратегия, направления роста, структурные сдвиги в национальных хозяйственных системах и в мировом разделении труда, уровень и динамика инфляции и пр.) складываются под определяющим воздействием конъюнктуры финансовых рынков, на которых господствует ограниченный круг конкурирующих между собой финансовых ТНК («пауков»), образующих взаимопересекающиеся виртуальные фиктивные сети («паутины»). В конечном итоге именно глобальная борьба этих корпораций-сетей становится (но не стала) решающим фактором социально-экономической жизни не только отдельных капиталов, но и стран, народов.*

При этом в целом глобальная финансовая система остается преимущественно стихийным, слабо регулируемым «черным ящиком». Однако в отдельных случаях крупнейшие финансовые корпорации-сети («пауки») способны проводить скоординированную стратегию подчинения (или разрушения) потенциальных конкурентов, захвата еще не подконтрольных пространств («асфальтирование» экономик) и иные скоординированные действия вплоть до (при консолидации с институтами политической глобализации) войн.

В-третьих, господствующие в мировом масштабе ТНК срачиваются не только с национальными государствами, но и с международными органами межгосударственного регулирования мировой экономики. Создание последних является выражением, с одной стороны, международного обобществления экономики и социально-политических процессов, с другой – новым (по сравнению с первой половиной XX века) механизмом господства капитала и его институтов на макроуровне. Эти наднациональные межгосударственные институты оказываются важным элементом международной гегемонии капитала. Причем речь в данном случае идет не только об экономических, но и геополитических, идеологических и т.п. образованиях: от МВФ, МБ и ВТО до НАТО.

Вследствие этого *мировое социально-экономическое пространство довольно жестко делится на субъектов гегемонии* (ТНК и государства, являющиеся их «родиной», прежде всего США, затем Япония, Европейский союз и лидирующие в нем страны – ФРГ и т.д.) *и ее объектов* (преимущественно второй и третий мир). Впрочем, реальный расклад сил гегемонии сложнее, ибо существуют и мощные тенденции к противостоянию власти сверхдержав и контролируемых ими международных структур; субъектами этого противостояния, однако, зачастую могут быть реакционные союзы, выступающие с добуржуазными интенциями антигегемонизма (фундаментализм и т.п.).

При таком раскладе сил складываются весьма своеобразные отношения ТНК с некоторыми национальными государствами: первые могут манипулировать своими капиталами, как бы выбирая себе «подходящее» государство, а вторые оказываются заложниками международных потоков капитала. Широко известен перелив капитала, особенно финансового (но не только) в офшорные зоны, «под крыло»

государств с льготным налогообложением, в зоны, защищенные от международных социально-политических потрясений (Швейцария), и т.п. Еще более мощной является миграция капитала в страны с дешевой рабочей силой, низким уровнем социальной защиты, слабым государственным регулированием, незначительными демократическими ограничениями деятельности капитала со стороны профсоюзов, местного самоуправления, экологических и т.п. ассоциаций.

Все это создает *мощные угрозы развитию социальных программ и других регулирующих функций государства*, осуществляемых в национальных масштабах. В ряде случаев (например, для стран второго мира – России и др.) эта свобода движения капитала приводит к его массовому (порядка 20 млрд долларов в год) бегству, что интенсифицирует внутренние социально-экономические проблемы.

Интереснее акцентировать противоположный феномен: своего рода «помощь» со стороны ТНК своим «родным» государствам, чья внешнеполитическая активность помогает разрыванию их гегемонии. Для этого может использоваться широкий набор методов: от проталкивания принципов свободы торговли для одних до блокады для других; от массового использования «гуманитарных» каналов и «помощи», создающих своего рода плацдармы для разворачивающих свою активность ТНК (вестернизация образа жизни является важнейшим условием проникновения западных ТНК, особенно в таких сферах как производство товаров народного потребления и массовая культура) до прямой агрессии. Не менее важно и то, что «родные» для ТНК государства создают предпосылки гегемонии корпоративных капиталов по отношению к наемному труду (от «подкормки своих» до запрета иммиграции и консервации бедности «чужих», варварски эксплуатируемых теми же ТНК).

В результате синтеза названных свойств *глобальная гегемония капитала как бы «взламывает» национальные народно-хозяйственные комплексы*. Прежние закономерности воспроизводства, развития и функционирования экономики на макроуровне, которые складывались (и описывались) как национальные, в условиях глобализации формируются и должны не только описываться, но и, что особенно важно, регулироваться (известно, что ни одна экономика не выживет ныне без макрорегулирования) на международном уровне.

Однако ныне такое регулирование если и существует, то нацелено почти исключительно всего лишь на поддержание правил и норм «свободного» рынка. Между тем *необходимо глобальное сознательное регулирование, как минимум, в тех сферах, которые в настоящее время являются объектом воздействия национального государства*. В странах Западной Европы это, например, социальные и экологические нормативы и программы, системы частичного перераспределения доходов в пользу беднейших и социально незащищенных слоев населения, программы (и призванные их обеспечить регуляторы – финансово-кредитные и т.п.) структурной перестройки и многие другие.

Между тем эти *интернациональные механизмы глобального программирования и регулирования мировой экономики* лишь зарождаются, причем как альтернатива [неолиберальной] глобализации, главным образом как инициативы разного рода неправительственных организаций, движений и т.п.

Практикой же является фундаментальное *противоречие в механизме функционирования глобальной макроэкономики*: все более взаимосвязанные и единые

процессы функционирования и развития интернациональной экономики, требующие более интенсивного и комплексного регулирования (в частности, вследствие мощнейших контрастов в развитии), агенты глобализации пытаются *втиснуть* в *прежние рамки либерального рынка* при наличии национального государственно-регулирующего.

Вследствие этого складывается противоречие между либеральной моделью глобализации и национально-государственными системами регулирования и социальной защиты. Так *национальное государственное регулирование, по видимости, оказывается тормозом глобализации*. Последнее создает опять же объективную видимость альтернативы: или сильное регулирование и социальное национальное государство, но при этом бегство капитала и проигрыш в глобальной экономике, или сокращение госрегулирования и социальных ограничений (дающее, добавим, большую свободу для гегемонии агентов глобализации) и выигрыш на глобальных рынках (но – проигрыш в социальной защите и т.п.).

Действительная же проблема заключается в том, чтобы, повторю, *глобальная экономика была столь же интернационально (и демократически) регулируема*. Даже если пока не рассматривать стратегической задачи-максимум – снятия глобальной гегемонии капитала, – остается стратегическая задача-минимум: *развитие принципов социального хозяйства и социального партнерства на международном уровне (для всех кооперирующихся государств), включая гарантии социальной защиты, единые социальные, экологические и т.п. нормативы, международные механизмы хотя бы частичного смягчения социальной дифференциации богатых и бедных как мировой проблемы, мощные демократически формируемые надгосударственные органы, способные хотя бы вводить ТНК в единые для всех стран социальные рамки*.

Таковы некоторые черты глобализации капитала.

Однако *глобализация изменяет не только капитал, но и труд*.

Для процесса глобализации трудовых отношений характерно формирование *мирового рынка рабочей силы, который пронизан глубочайшими противоречиями, порождаемыми мировой гегемонией капитала*.

С одной стороны, этот рынок уже стал единым и мировым, ибо единый транснациональный глобальный капитал использует (эксплуатирует) наемных работников в любой стране, в любом регионе; *труд соединен использующим его капиталом (в частности, ТНК) в единый мировой производственный процесс*.

С другой стороны, капитал делает все возможное для того, чтобы этот рынок был (в отличие от рынка товаров, например) даже формально *несвободным*; чтобы наемные работники, как социально-экономическая сила, противостоящая капиталу (на рынке труда, в социально-экономической и политической борьбе), были *разделены почти абсолютными барьерами национальных различий* (созданными капиталом и представляющими его институтами); чтобы воспроизводились *глубочайшие диспропорции в заработной плате, занятости, условиях и содержании труда* (а значит, и во всем образе жизни трудящихся) в развитых и развивающихся странах.

Эта диспропорция включает:

– стабильное воспроизводство преимущественно низкоквалифицированного до- и раннеиндустриального труда в третьем мире, квалифицированного индустриального

стриального и постиндустриального труда – в первом мире, приводящее не только к принципиальному различию структур совокупного работника в одной и другой группах стран, но и к закреплению этого разрыва;

- разрыв в оплате труда работников одной и той же квалификации в десятки раз;
- качественные различия в уровне и масштабах социальной защиты, условиях труда, социального страхования и обеспечения между названными группами стран, что закрепляет качественные различия в содержании и характере воспроизводства труда и рабочей силы;

- устойчивые институциональные барьеры, разделяющие мировой рынок рабочей силы на жестко фиксированные сегменты (движение труда обставлено гораздо большими барьерами, чем движение капитала, эмиграция в развитые страны из развивающихся крайне затруднена).

Если же мы теперь взглянем на *процесс взаимодействия труда и капитала*, то легко сможем зафиксировать ряд важных следствий проделанного выше анализа.

Единый мировой капитал (особенно финансовый), имеющий примерно одну и ту же ценность в любой точке земного шара (в ряде случаев, в третьем мире, капитал может приносить даже большую прибыль, чем в развитых странах), взаимодействует с разделенным на сегменты и пронизанным диспропорциями классом наемных работников. Частичная защита интересов труда и хотя бы относительное ограничение эксплуатации труда осуществляются лишь в некоторых национально-государственных образованиях. В этих условиях у капитала, являющегося субъектом гегемонии в мировой экономике и использующего форму виртуального (особо мобильного) капитала, появляется возможность почти абсолютно свободно маневрировать в мировом масштабе, противостоя наемному труду и используя его там и так, где обеспечивается наибольшая выгода.

Глобализация гегемонии корпоративного капитала означает, следовательно, что единый мировой капитал:

- организован в рамках высокоэффективных транснациональных институтов (ТНК, МВФ и т.п.), контролирующих в определенных пределах рынок и мелкий бизнес, наемных работников и «клиентов»;

- обладает почти неограниченной свободой выбора сфер своего приложения (эта свобода предполагает возможность перемещения по сферам деятельности, регионам и т.п.), что дает ему неоспоримые преимущества по отношению к наемному труду, а в ряде случаев и по отношению к некоторым «слабым» государствам;

- использует преимущества своей транснациональной кооперации и мобильности для формирования всемирного господства и укрепления диспропорций, противоречий между регионами и странами, социальными и национальными группами.

Так складывается *противоречие труда и капитала эпохи глобализации*.

На одном его полюсе – капитал: глобальный, интегрированный, организованный, свободно движущийся в рамках интернациональной экономики, сращенный с национальными и международными государственными институтами и обладающий не только экономической, но и политической, а также духовной властью в мировом масштабе.

На другом полюсе – труд: дифференцированный (чего стоят хотя бы 10, а то и 100-кратные различия в заработной плате в первом и третьем мире), раздроблен-

ный, локализованный в масштабах национальных государств (до сих пор интересы и права трудящихся если и отстаиваются, то преимущественно в национальном масштабе, что касается и профсоюзов, и государственных систем социальной защиты), слабо организованный и не являющийся в настоящее время силой, сопоставимой по своему влиянию с капиталом.

Более того, гегемония капитала, стремящегося в условиях генезиса постиндустриальных технологий к подчинению личности человека, приводит в условиях интернационализации этого процесса к тому, что А. Зиновьев назвал «глобальным человекоником». Через сложную систему каналов своей гегемонии *глобальный капитал как целое стремится к подчинению человечества как целого*. Не только в отношениях отдельного капиталиста и нанимаемого работника, но и (постепенно) в масштабах Земли *осуществляется превращение человека (работника, клиента, потребителя продуктов массового производства и mass media) в обезличенную функцию глобального корпоративного капитала, в винтик «глобального человеконика»*.

Противоречие труда и капитала в глобальной экономике XXI века, прошедшей через этап социально регулируемой системы (и не до конца потерявшей его достижения), не может не обострять *антагонизм между принципами социального государства и законами жизнедеятельности* глобального капитала, для которого характерно свободное движение в поисках наименьших социальных ограничений (со стороны государства, профсоюзов, местного самоуправления и т.п.). Это неизбежно вызывает бегство капитала (и, как следствие, снижение экономического потенциала и т.п.) из стран с развитыми социальными рамками рынка и сильным регулированием экономики со стороны общества и государства.

Наличие этого противоречия и его острота сегодня не оспариваются никем. Однако выход из этой ситуации большинство ищет на путях либо снижения роли государства, либо ограничения движения капитала.

Между тем существует и принципиально иной выход. Даже если пока не рассматривать путь перехода к посткапиталистическому обществу как наиболее общую альтернативу, возможна *борьба за реформирование мирохозяйственных отношений позднего капитализма, которая могла бы стать своего рода «отрицанием отрицания» отношений частичного социального регулирования капиталистической системы, когда обновленные принципы «социального государства» и гражданского общества были бы развиты в интернациональном масштабе* (ниже мы еще вернемся к этой проблеме).

Существенно, что *глобальный капитал не только противостоит наемному труду и другим антигегемонистским силам, но и внутренне противоречив*. Его жизнедеятельность – это экономическая, силовая, идеологическая и т.п. борьба (а не только конкуренция) различных группировок (корпоративных союзов), в которой используется весь тот сонм методов, которые были выделены нами при анализе гегемонии капитала, а также и другие, нам неизвестные. Арены борьбы этих группировок крайне многообразны – от мировых рынков и геополитических столкновений держав до внутригосударственных структур (столкновение в борьбе за влияние на правительства, парламенты и президентов сил, лоббирующих интересы разных корпоративных группировок) или даже человеческих душ.

Третий пласт процесса глобализации затрагивает «надэкономический» уровень – политику и духовное производство (идеологию и т.п.). Складывающиеся здесь механизмы глобальной гегемонии внимательный и эрудированный читатель без труда назовет сам: геополитическое доминирование, информационный и культурный империализм, насаждение идеологии либерализма при очевидном «двойном стандарте», – все это многократно описано представителями «гуманистического» левого направления.

Поэтому ограничимся лишь фиксацией фундаментального *противоречия, характеризующего надэкономический уровень глобализации.*

На одном его полюсе – субъекты мировой геополитической и духовной гегемонии – государства, являющиеся «родиной» ТНК, а также корпоративные структуры в странах второго и третьего мира, как бы «пролонгирующие» гегемонистскую активность своих «старших братьев». Они монополизируют (1) наиболее современные механизмы и институты насилия и политического гегемонизма (от почти абсолютной монополии на оружие массового уничтожения и стоящих вне конкуренции с какими бы то ни было другими структурами вооруженных сил НАТО до играющих роль «мирового политбюро» саммитов «большой семерки» и пронизывающих весь мир секретных служб), а также (2) характерные для периода генезиса креатосферы механизмы гегемонии в области духовного производства (прежде всего – всемирные информационные системы и стандартизованная, контролируемая ТНК масс-культура).

На противоположном полюсе противоречия процесса глобализации геополитической и духовной жизни – объекты гегемонизма, включая сотни миллионов «рядовых» граждан в развитых странах и миллиарды – в развивающихся, вкуче с государственными и частными структурами капитала стран второго и третьего мира, занимающими относительно самостоятельное положение.

При этом формирование в этих государствах корпоративно-клановых структур, монополистических объединений (часто зависимых от ТНК); нищета, традиции бюрократизма и докапиталистической эксплуатации; низкий уровень культуры и угнетение национального самосознания (в том числе – и вследствие всеобщего распространения вестернизированной масс-культуры); гегемония мирового корпоративного капитала, давящего их экономику, разрушающего природу, развращающего местную элиту, – все это вкуче с культурным и информационным империализмом создает основы для формирования новой угрозы мировому сообществу. Это – *корпоративно-бюрократические режимы стран третьего и второго мира, ориентированные на сепаратизм, национализм и милитаризм* как иррациональные средства решения проблем их отсталости и зависимого типа капитализма.

Еще более опасными эти структуры могут стать в случае такого прогресса некоторых особо крупных экономик третьего мира (в первую очередь Индии и Китая), который приведет к формированию на базе этих стран нового типа глобальных игроков, которых можно назвать *периферийными ТНК*. Они могут оказаться особо реакционными вследствие того, что их относительный успех на мировых рынках будет скорее всего достигаться за счет чрезвычайно высокой нормы и варварских (использующих пережитки внеэкономического принуждения и т.п.) методов эксплуатации, а также механизмов геополитического давления, основанных на сраженности с гигантскими, зачастую авторитарными и ориентированными на при-

менение насилия государственными структурами (впрочем, в этом отношении они будут не так уж далеки от американских ТНК).

Острота этого противоречия и его перманентная неразрешенность (в частности, отсутствие сколько-нибудь развитых механизмов интернационального социального регулирования и сильных институтов мирового гражданского общества) не могли не привести (наряду с социально-экономическими противоречиями) к возникновению «*теневого*» *транснационального капитала*. Последний включает в себя (1) сложную структуру жестко конкурирующих между собой полулегальных ТНК, занятых в таких сферах, как производство и распространение наркотиков, торговля оружием и «живым товаром» и т.п., а также (2) сферу финансов, где осуществляется отмывание теневых денег; (3) систему организованных преступных группировок, сращенных с некоторыми национально-государственными структурами; (4) международные террористические организации, сращенные с первыми тремя названными структурами, но питающиеся прежде всего соками фундаментализма, порождаемыми, в свою очередь, нищетой, отсталостью и культурно-религиозным унижением ряда народов третьего мира.

Являющаяся на первый взгляд исключением попытка строительства рыночного социализма в Китае и Вьетнаме мало изменяет общий баланс сил, ибо реальная власть в этих странах принадлежит корпоративно-бюрократической элите (эта элита и характер ее власти существенно отличны от гегемонии корпоративного капитала и бюрократических структур в других странах), ориентированной в большинстве своем на «мирное вращение в капитализм» при сохранении в своих руках главной экономической и политической власти. Перспективой для этих стран являются: либо траектория догоняющего развития, патерналистски-государственный капитализм (с социалистическими вывесками) и превращение через 5-10 лет в одну из сил, участвующих в борьбе за передел сфер мировой гегемонии (в том числе и на основе выращивания собственных «периферийных ТНК»), либо (в случае углубления уже наметившегося саморазложения пока единой корпоративно-государственной элиты) дорога кризиса, повторяющего процессы, протекавшие в СССР в конце 1980-х годов.

Как бы ни сложились в ближайшем будущем обстоятельства в Китае и других странах бывшей «мировой социалистической системы», начало нового тысячелетия ставит мир перед фундаментальными противоречиями глобализации, названными выше.

Нынешняя модель мировых отношений не может разрешить это противоречие. «Свободная конкуренция» и открытые границы становятся идеальным механизмом для того, чтобы страны, монополизирующие капитал, высокие технологии, военную мощь и контроль над международными организациями, могли «свободно» конкурировать с третьим, а также и со вторым миром. Иррационально (милитаризм, паразитический превратный сектор, вещизм и т.п.) растрачивая большую часть пока еще крайне ограниченного потенциала высокой производительности труда, корпоративный капитал неизбежно сохраняет «периферию», где консервируются существующие в современном мире доиндустриальные и «грязные» индустриальные технологии, где при нынешнем типе международных отношений будут сохраняться нищета и жестокие внутренние конфликты.

Продуктом описанных выше противоречий геополитической гегемонии корпоративного капитала во всемирном масштабе, равно как и внутренних противоречий между различными структурами корпоративного капитала, становится перманентно воспроизводящаяся и усложняющаяся *система отношений насилия, охватывающих человечество в целом*.

Наиболее опасный и разрушительный их компонент уже был упомянут: это две мировых и постоянные «локальные» *войны*. После разрушения «мировой социалистической системы» мир, пронизанный отношениями корпоративной власти, обладающей мощными военными структурами, оказался в положении, когда *массовое прямое сопротивление власти капитала ведущих развитых государств становится практически невозможно*. Только эти субъекты обладают:

- финансовыми, материальными и высококачественными человеческими ресурсами, достаточными для воспроизводства современных систем насилия;
- почти полной монополией на оружие массового уничтожения и многие наиболее современные виды оружия;
- наиболее боеспособными и крупнейшими количественно армейскими соединениями;
- монополией на генерирование и распространение *know how* и инноваций в сфере вооружений, организации и управления аппаратами насилия;
- системой секретных служб и информацией, позволяющими контролировать процессы возникновения любых «возмущений» в сложившейся системе гегемонии корпоративного капитала, его государств и международных союзов;
- контролем за международными механизмами насилия – НАТО и т.п.

Однако обратной стороной, реакцией на попытку монополизации права на насилие и самого насилия является *рост терроризма*. Эта специфическая для современного мира функция – функция иррациональной реакции на монополизацию насилия корпоративными структурами – становится действительной угрозой для человечества. Однако для нас существенно не только абстрактное осуждение терроризма (сразу отметим, что корпоративный капитал и его структуры, например, секретные службы, сами систематически используют террор), но и фиксация следующей взаимосвязи между глобальной гегемонией капитала и терроризмом. Предшествующий анализ и события первых лет нового столетия показали, что здесь действует устойчивая закономерность: *чем (1) глубже нищета и национально-культурное угнетение стран третьего мира и чем выше при этом (2) уровень монополизации систем насилия субъектами глобальной гегемонии капитала, а также (3) мощь теневого транснационального капитала, тем больше, с одной стороны, опасность использования терроризма силами, противостоящими этой власти, а с другой – агрессивность субъектов гегемонии (ТНК, НАТО и т.п.)*.

Соединение практики локальных войн и терроризма в единую антагонистическую систему рождает феномен, названный военными теоретиками *асимметричными войнами*. Среди их характеристик:

- различные, но непосредственно взаимосвязанные (обусловленные социопространственными противоречиями глобализации) основания и причины военных действий у противостоящих сторон: продолжение политики гегемонии военными средствами со стороны субъектов глобализации (НАТО, Россия в конфликте на территории Чечни) и сопротивление глобальной гегемонии (как правило, с исто-

рически реакционных позиций и неадекватными – террористическими, губящими мирных жителей методами) со стороны объектов глобализации;

– качественное различие средств и методов борьбы у противостоящих сторон, при их сходстве как в стремлении к «точечному» характеру ударов (как со стороны террористов, так и со стороны государств, использующих «особо точное оружие»), так и по совершенно противоположным декларируемым результатам: уничтожают в обоих случаях преимущественно не виновники насилия, а мирное население;

– качественное различие сил у противостоящих сторон (военный потенциал «террористических» организаций на несколько порядков меньше потенциала НАТО или России) при способности каждой из них оказывать сравнимое воздействие на противоположную сторону;

– отсутствие не только линии фронта, но и сколько-нибудь локализованного в пространстве театра военных действий; *точечно-сетевая структура военных действий* (как акты террора, так и «локальные» войны вспыхивают ныне практически в любых точках земного шара);

– *диффузия* (вследствие развития высоких технологий и распространения террористических методов ведения войны) *вооружений и мирной продукции*: наиболее типичный пример здесь – *компьютер и информационные сети как одно из наиболее мощных современных видов вооружений*; кроме того, ресурсом для террористических акций ныне может быть любой высокотехнологичный объект – от удобрений, добавленных в питьевую воду, до радиоуправляемых игрушек, превращаемых в средство доставки взрывчатки (которую, кстати, несложно произвести в домашней «игрушечной» лаборатории из предметов бытовой химии);

– потенциально *глобальный* характер этого точечно-сетевого насилия: в отличие даже от мировых войн объектом насилия в современном мире с его новыми (информационными, химическими, ядерными, микробиологическими и т.п.) технологиями потенциально становится любой гражданин любой страны, более того – любая глобальная сеть или глобальный объект (воздух, вода, информация);

– потенциальная угроза превращения точечно-сетевого насилия в *глобальную пандемию* («локальные» войны и террор до чрезвычайности «заразны»: усиление одного провоцирует развертывание другого);

– невозможность победы в таких конфликтах при помощи насилия (уничтожение террористических баз при помощи военных действий против населения целых стран провоцирует лишь нарастание потенциала сопротивления); *остановить эту спираль насилия может лишь изживание ее причин – глобальной гегемонии капитала.*

Хотя характеристики асимметричных войн даны как всего лишь совокупность некоторых черт, они по сути своей представляют единую систему. Все названные выше специфические черты не только эмпирически легко наблюдаемы, но и без труда могут быть логически выведены как проявления сущностных противоречий глобальной гегемонии капитала в сфере насилия на этапе развития высоких технологий и сетевых принципов организации экономики и общества.

Итак, не только организованное массовое насилие, связанное с мировыми и локальными войнами, наличием оружия массового уничтожения, но и обратная

сторона монополизации насилия корпоративными структурами в лице терроризма – все это характеризует как бы «попятный» процесс возрастания отчуждения в самых жестких его формах – насилия – в конце XX века.

К кругу механизмов духовной гегемонии корпоративного капитала относится, прежде всего, подчинение последнему всех основных сфер духовного производства. Так, монополия на достижения в сфере науки, современных информационных технологий и наличие значительных (измеряемых, как минимум, многими тысячами долларов в год на душу населения) финансовых ресурсов, достаточных для использования части из них на неэкономические цели, позволяет по сути монополизировать современную систему образования, т.е. «производства» ключевого «ресурса», создающего продукты духовного производства, а также *mass media*, обеспечивающие распространение и внедрение в сознание духовных продуктов глобального капитала и его идеологии. И то, и другое осуществляется под контролем как частных, так и государственных структур корпоративного капитала и в формах, сходных с организацией ТНК (не секрет, что ведущие телерадиокорпорации, университеты и т.п. развитых стран являют собой специфические транснациональные корпоративные капиталы).

В свою очередь, продуктом противоречий духовной гегемонии корпоративного капитала становится прогрессирующее доминирование (1) интернационально-унифицированной массовой культуры и (2) культа узкого профессионализма в образовании, порождающих, в свою очередь, интернациональную тенденцию декультуризации духовной жизни.

ТЕМА НОМЕРА: РОСТ VS РАЗВИТИЕ

УДК: 330.34.01

DOI: 10.5281/zenodo.13895628 <https://zenodo.org/record/13895628>

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Бобылев Сергей Николаевич¹

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (snbobylev@yandex.ru), (ORCID: 0000-0001-5269-9026)

Завьялова Татьяна Владимировна²

Старший вице-президент по ESG, ПАО Сбербанк, соискатель степени к.э.н., ЭФ МГУ (ttirussia2016@yandex.ru)

Ключевые слова: *устойчивое развитие, показатели устойчивого развития, зеленая экономика, экологический кризис, биосфера*

Для цитирования: Бобылев С.Н., Завьялова Т.В. Устойчивое развитие: в поисках новой экономики // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 43-51.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT: SEARCHING FOR A NEW ECONOMY

Sergey N. Bobylev

Doctor of Science, Professor, Head of Environmental Economics Department, Moscow Lomonosov State University, Economic Faculty, Moscow, Russia, (snbobylev@yandex.ru), (ORCID: 0000-0001-5269-9026)

Tatiana V. Zavyalova

Senior vice-president for ESG, Sberbank, Applicant for a Degree Candidate of Economic Sciences, MSU Faculty of Economics (ttirussia2016@yandex.ru)

Keywords: *sustainable development, indicators of sustainable development, green economy, environmental crisis, biosphere*

For citation: Bobylev S.N., Zavyalova T.V. Sustainable development: searching for a new economy. Problems in Political Economy. 2024;3(39):43-51.

JEL codes: D460, D510, P100

Усиливающаяся мировая турбулентность, обостряющиеся разнообразные социальные, экономические и экологические кризисы все более ярко показывают

¹ © Бобылев С.Н., 2024

² © Завьялова Т.В., 2024

ограничения сложившейся модели экономического развития. Очевидна необходимость трансформации имеющейся модели и переход к новой цивилизационной модели. Возникают вопросы, которые не ставились еще несколько лет назад. Как сделать будущее социо-эколого-экономически устойчивым? Нуждаются ли в трансформации экономическая теория и образование в свете новых жестких ограничений и перспектив развития? Что делать с традиционным капитализмом?

Турбулентность и конфликты современного мира зачастую заслоняют от нас перспективы, в том числе и не такие уж отдаленные, развития человечества. Между тем проявляется все больше рисков и тупиков современной цивилизационной модели, что может привести к самым непредсказуемым глобальным последствиям. Такая неадекватность и ее экзистенциальная опасность подчеркнута в Докладах ООН самого последнего времени. Здесь можно отметить научный Доклад группы 15 международных ученых, приглашенных Генеральным секретарем ООН, в число которых вошел один из авторов данной статьи: «Время кризиса, время изменения: наука для ускорения перехода к устойчивому развитию» («Times of Crisis, Times of Change: Science for Accelerating Transformations to Sustainable Development») (2023 г.)³. Резюме Доклада подчеркивает уход человечества от устойчивого развития и необходимость поиска новых путей для человечества. Цели устойчивого развития до 2030 г. не будут реализованы, экологические и социальные вызовы продолжат обостряться. Спектр этих вызовов исследован в двух других фундаментальных Докладах ООН: «Следующий рубеж: человеческого развитие и антропоцен» (2020)⁴ и «Неопределенные времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире» (2021/2022)⁵.

Сформированная человечеством цивилизация максимизации (максимизация финансовых результатов, производства и сверхпотребления) не совместима с решением социо-эколого-экономических проблем (Бобылев, 2019). Тревожна цитата из Доклада ООН (2015): «...Мы можем ... оказаться последним поколением, которое имело шанс спасти нашу планету»⁶, которая отражает необходимость смены сложившейся цивилизационной парадигмы.

Нарастание турбулентности и неопределенности видны на примере документов Всемирного экономического форума, объединяющего ведущих политиков, бизнесменов и ученых мира для оценки глобальных экономических перспектив. Усиление рисков для человечества наглядно представлены в докладах Форума. В Таблице 1 показано нарастание экологических рисков: если в 2007 г. господствовали экономические риски, то сейчас на первый план выдвигается экологическая не-

³ Independent Group of Scientists appointed by the Secretary-General, Global Sustainable Development Report 2023: Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development, (United Nations, New York, 2023). URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

⁴ ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж: человеческого развитие и антропоцен. Нью-Йорк, 2020. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020overviewrussian.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

⁵ ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2021/2022. Неопределенные времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире. Нью-Йорк, 2022. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22ru.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

⁶ UN. General Assembly. (2015). Transforming our world: The 2030 agenda for sustainable development. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

устойчивость – экологические риски по степени опасности и вероятности занимают первые четыре места (Таблица 1)⁷.

Таблица 1
Топ 5 глобальных рисков на ближайшие 10 лет (Всемирный экономический форум (2024))

Приоритетность риска	2007	2024
1	Деградация инфраструктуры (т)	Экстремальные погодные явления (э)
2	Хронические болезни (с)	Критические изменения в системах Земли (э)
3	Шок нефтяных цен (эн)	Потери биоразнообразия и коллапс экосистем (э)
4	Перегрев китайской экономики (эн)	Дефицит природных ресурсов (э)
5	Раздутые цены активов (эн)	Дезинформация (т)

Категории рисков:

(э) – экологические,

(эн) – экономические,

(с) – социальные,

(т) – технологические.

Источник: World Economic Forum. The Global Risk Report 2024. 19th Edition, 2024. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (дата обращения: 18.06.2024)

Становится все более очевидным, что сложившиеся паттерны «голливудско-го сверхпотребления» населения в богатых странах не могут быть повторены ими в ближайшем будущем, а бедные просто не смогут достичь таких стандартов без фундаментальных нарушений устойчивости биосферы, что обуславливается в том числе имеющимися технологиями и институтами.

Сейчас вокруг экологической проблематики много спекуляций, и необходимо «отделять зерна от плевел». Есть специальный термин greenwashing (зеленый обман), который отражает суть этого явления, который нередко свойственен деятельности корпораций. Об этом пишет А.В. Бузгалин: «...объективная необходимость акцента на экологии при решении практически всех проблем современной экономики в данном случае используется для создания образа «заботы» корпорации об окружающей ее «среде». Но по сути дела, экосистема любой, особенно финансовой корпорации, — это пространство манипулирования другими экономическими акторами...» (Бузгалин, 2022).

Что делать с традиционной экономической теорией?

Реализация концепции устойчивого развития ставит амбициозные вызовы для науки и образования. Человечество с его быстро развивающимися экономикой, инновациями и технологиями не сумело адаптироваться и предотвратить глубокие деформации биосферы, его достижения зачастую наносили и наносят вред планете. Как образно было отмечено П. Витоусеком с коллегами, «человек изменяет биосферу быстрее, чем ее понимает» (Vitousek et al., 1997).

Отмеченные выше феномены способствовали развитию экономической науки в направлении выявления важных аспектов экологической устойчивости, адекватного отражения социально-экономического роста. Здесь можно отметить иссле-

⁷ World Economic Forum. The Global Risk Report 2024. 19th Edition, 2024. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

дования трех лауреатов-экономистов Нобелевской премии Дж. Стиглица, А. Сена (Стиглиц и др., 2016) и У. Нордхауса (Nordhaus, 2013). Фундаментальный вклад в формирование теории устойчивого развития внесли Международная комиссия по окружающей среде и развитию ООН с докладом «Наше общее будущее» (Наше общее будущее, 1989), Д. Медоуз с коллегами (Meadows D. et al., 2012), Д. Пирс, А. Маркандия (Pearce et al., 1989), Г. Дейли (Daly, 1991), Р. Констанза (Costanza et al., 1997), Э. фон Вайцзеккер (von Weizsacker E.U, 2013), доклады Римского клуба и многих других. У нас в стране следует отметить многолетние конструктивные исследования экономики устойчивого развития В.И. Данилова-Данильяна (Данилов-Данильян и др., 2005) и Б.Н. Порфирьева (Порфирьев, 2011). Отдельно можно выделить научные Глобальные доклады по устойчивому развитию, подготавливаемые для ООН группами экспертов (2019, 2023). Среди стран можно отметить концептуальные документы Китая, который своей амбициозной целью определил строительство «Экологической цивилизации» (Конституция 2018 г.).

Сложности в области новой экономики устойчивого развития вызываются в том числе колоссальной сложностью самой природы, ее тончайшими фундаментальными взаимодействиями на уровнях генов, отдельных видов, экосистем. Здесь дальнейшее продвижение экономической науки вряд ли возможно без кооперации с естественными науками. Так, в докладе Всемирного экономического форума исчезновение биоразнообразия и деградация экосистем отмечены как один из главных глобальных рисков (Таблица 1). К этой проблеме экономическая наука еще только подступает. В частности, в области экономики биоразнообразия и экосистем перспективным является концепция экоуслуг, а также платежей за эти услуги (payments for ecosystem services).

Можно выделить следующие системные теоретические проблемы, которые не решены в практических экономических реалиях и слабо освещены традиционной экономической теорией:

- Экономическая недооценка (а часто игнорирование) важнейших функций природного капитала и экосистемных услуг, что приводит к ухудшению состояния окружающей среды на всех территориальных уровнях, выходу из экологических лимитов (экологической емкости), что в глобальном масштабе приводит к разрушению биосферы и неустойчивому развитию.
- Экономическая недооценка ухудшения состояния здоровья человека из-за деградации окружающей среды, что приводит к принятию некорректных социально-экономических решений, проектов, программ, стратегий. Забегая вперед, достаточно привести только оценку экономического ущерба для окружающей среды и здоровья в России, приведенную Президентом РФ – 15% ВВП⁸, что значительно превышает все показатели прироста ВВП России в ретроспективе.
- Неумение учитывать внешние эффекты, экологические ущербы и выгоды (интернализировать экстерналии), что ставит под сомнение эффективность экономических решений. Это касается как отрицательных экстерналий (загрязнения, ущерб здоровью), так и положительных (экосистемные услуги). В теории есть Пигувианский налог, теорема Коуза и т.д., но на практике из-за сложностей оценки экстерналий эти теоретические положения слабо работают.

⁸ Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений – Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53602> (дата обращения: 18.06.2024).

- Фактор времени в экономике фактически игнорирует долгосрочные аспекты устойчивого развития. Ориентация на финансовые результаты, быстрое получение выгод, прибыли, окупаемости инвестиций радикально сокращают временной горизонт принятия решений для реализации проектов и в условиях недооценки экологического фактора приводят к росту неустойчивости. Важны только современные деньги и выгоды, а долгосрочные ущербы игнорируются. В проектном анализе такая ситуация связана с явлением «тирания дисконтирования».

Ноосфера или антропосфера?

В контексте смены цивилизационной модели и теории устойчивого развития, ее генезиса и продвижения важную роль играют концепции ноосферы и антропоцена. Здесь принципиальным является определение роли человека в биосферных процессах. Много об этом писал наш великий ученый Владимир Иванович Вернадский, разработавший теорию трансформации биосферы в ноосферу как сферу разума (Вернадский, 1991). В последнее время в международных исследованиях роль человека на планете связывается с понятием антропоцена. В докладе ООН «Следующий рубеж: человеческого развитие и антропоцен» (2020) отмечено: «...Оказываемая на планету нагрузка стала настолько значительной, что ученые говорят о том, что планета Земля, возможно, вступает в совершенно новую геологическую эпоху – антропоцен, или эпоху человека... Наступает время для перемен. Наше будущее не определяется вопросом о том, кто из нас выживет – люди или деревья; либо не выживет никто, либо мы выживем все вместе»⁹.

К сожалению, анализируя сложившиеся тенденции в развитии нашей цивилизации говорить о человеческом разуме в контексте ноосферы представляется проблематичным. Скорее современное человечество все дальше уходит от формирования ноосферы и устойчивого развития, чему способствует сформировавшаяся цивилизация максимизации. Здесь также следует подчеркнуть несоблюдение концепции совместной коэволюции общества и природы, выдвинутый Н.Н. Моисеевым (Моисеев, 2001).

О сложившейся неустойчивости, приближении или уже выходе за пределы планетарной устойчивости свидетельствуют многие индикаторы. Они являются показателями антропоценного давления на планету. На наш взгляд конструктивным подходом к измерению устойчивости через показатель емкости биосферы является использование концепции планетарных границ. Четко прослеживаются тенденции быстрого нарастания экологических проблем и выхода за планетарные границы за последние 15 лет. Если в 2009 г. из семи измеряемых границ человечество перешло три, то в 2023 г. из девяти измеряемых границ уже перейдено шесть¹⁰.

О том, что человечество уже исчерпывает экологические лимиты, можно судить и по индикатору экологического следа, который сейчас равен 1,75 планеты, то есть годовой биопотенциал исчерпывается уже в августе¹¹. Аналогичные выво-

⁹ ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж: человеческого развитие и антропоцен. Нью-Йорк, 2020, с.3. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020overviewrussian.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁰ Stockholm Resilience Centre. Stockholm University. Planetary boundaries. URL: <https://www.stockholmresilience.org/research/planetary-boundaries.html> (дата обращения: 18.06.2024).

¹¹ Global Footprint Network. Ecological Footprint. URL: <https://www.footprintnetwork.org/our-work/ecological-footprint/> (дата обращения: 18.06.2024).

ды о невозможности сохранения инерционности традиционного развития можно сделать и при анализе других природных трендов. Если траектория современного роста мировой экономики продолжится, то глобальная температура к концу столетия повысится на 3-4 градуса Цельсия при необходимом пределе в 1,5-2 градуса согласно Парижскому климатическому соглашению (2015).

В мире активно идут поиски новых показателей устойчивого развития, учитывающих экологические и социальные аспекты, своеобразных альтернатив ВВП. Здесь можно выделить интегральные индикаторы с хорошей историей и конструктивной методологией ООН (Индекс человеческого развития с учетом планетарной нагрузки) и Всемирного Банка (Индекс скорректированных чистых накоплений). Практически все страны мира в той или иной степени используют показатели Цели устойчивого развития. С 2019 г. Росстат издает ежегодный статистический сборник по этим Целям ООН.

К новой экономике

Перечисленные выше фундаментальные противоречия сложившейся цивилизационной модели требуют радикальных экономических изменений в теории и практике многочисленных акторов. В качестве принципиальных вопросов можно выделить, по крайней мере, два: как измерять развитие и как изменить сформировавшуюся экономическую модель. В исследовании двух Нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и А. Сена «Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?» (Стиглиц и др., 2016) подчеркивается неустойчивость оценки развития со стороны государства и бизнеса, что требует перехода к новым индикаторам квантификации устойчивости.

Осознание кризисности сложившихся в мире неустойчивых тенденций привело к тому, что глобальная экономика и экономики подавляющего числа стран пытаются изменить свои траектории в направлении устойчивости. Прежде всего можно отметить низкоуглеродные тренды в национальных стратегиях и программах. Фактически все сколь-нибудь значимые экономики мира, в том числе и России, провозгласили достижение углеродной нейтральности к 2050–2060 гг. Это уникальное явление в мировой экономике, когда в качестве стратегической цели человечества выдвинуты не социальные или экономические ориентиры, а собственно экологические приоритеты, связанные с нахождением пределов роста глобальной температуры в течение нашего века в коридоре 1,5-2° С. Тем самым наша цивилизация фактически получила «научнообразную» низкоуглеродную цель, что само по себе достаточно ново. И эта цель находится в рамках парадигмы развития человечества в направлении устойчивого развития.

В теории и экономической практике быстро развивается зеленая экономика, являющаяся фундаментом устойчивого развития, а также ее различные типы: экономика замкнутого цикла, минимизирующая используемые ресурсы и отходы; низкоуглеродная экономика, снижающая выбросы парниковых газов; синяя экономика, связанная с морями и океанами; биоэкономика, базирующаяся на природных компонентах; и другие эколого-экономические модификации. С попыткой бизнеса учесть в своей деятельности экологические и социальные аспекты устойчивого развития связано быстрое распространение в мире концепции ESG (экология, общество, управление).

В мире идет гигантское перераспределение инвестиций между традиционными секторами экономики в новые, экологически устойчивые. Этот процесс называется дивестиционным. Сегодня в зеленую экономику уже вложены огромные финансовые и материальные ресурсы. Конечно, в процессе ее реализации возникнут (и уже возникают) существенные трудности, с которыми сталкивается и Россия, оказавшись в сложной турбулентной ситуации. Рассуждения о «надуманности» экологического и климатического регулирования, возможности его игнорирования в связи с имеющимися санкциями со стороны «недружественных стран», являются заблуждением. Наши основные партнеры по торговле из стран БРИКС (прежде всего Китай и Индия) планируют выполнять международные экологические нормативы для поддержания своего огромного экспорта и с учетом его жесткого мониторинга со стороны покупателей «глобального Севера», которые потребуют чистоты экологического и углеродного следов. Это безусловно скажется и на экологическом контроле экспорта РФ, и выполнении страной экологических «правил игры».

На концептуальном уровне Россия вместе с другими странами также формулирует свои направления перехода к устойчивому развитию. Отметим некоторые важные документы на этом направлении. Выделим Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации с низким выбросом парниковых газов до 2050 г. (2021), которая является самым долгосрочным документом страны. Эта Стратегия одобрена Указом Президента РФ «Об утверждении климатической доктрины Российской Федерации» (октябрь 2023).

В 2021 г. Правительство России утвердило «Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации»¹² (июль 2021 г.) и приняло Постановление «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации»¹³. Эти правительственные документы должны поддерживать инвестиции, а также привлечение внебюджетных средств в проекты, направленные на реализацию национальных целей развития в области устойчивого развития и зеленых финансов.

Глубина цивилизационного кризиса нашего мира, связанная с затягиванием/невозможностью решения обостряющихся экономических, социальных и экологических проблем, настоятельно требует изменений государственной политики, рыночных подходов, технологических трансформаций, всеобъемлющих институциональных преобразований и абсолютно другого уровня международного сотрудничества перед лицом становящихся все более реальными драматическими последствиями для человечества.

¹² Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации, утвержденные Распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 N 1912-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/sMdcuCaAX4O5j3Vy3b1GQwCKfa9lszW6.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации». URL: <http://government.ru/docs/all/136742/> (дата обращения: 18.06.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Бобылев С.Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 23-29.

Бузгалин А.В. Империализм XXI века: мир на пороге регресса // Вопросы политической экономики. 2022. № 3 (31). С. 32-44. DOI: 10.5281/zenodo.7278245

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Рипол Классик, 1991. – 267 с.

Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М.: ИНФРА-М, 2005. – 224 с.

Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.

Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1989. – 371 с.

Порфирьев Б.Н. Природа и экономика: риски взаимодействия. М.: Анкил, 2011. – 351 с.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 210 с.

Costanza R. et al. The value of the world's ecosystem services and natural capital // Nature. 1997. T. 387. № 6630. Pp. 253-260.

Daly H.E. Elements of environmental macroeconomics // Ecological economics: The science and management of sustainability. 1991. T. 1. Pp. 185-187.

Meadows D., Randers J. The limits to growth: the 30-year update. Routledge, 2012. – 211 p.

Nordhaus W. The climate casino: Risk, uncertainty, and economics for a warming world. Yale University Press, 2013. – 365 p.

Pearce D.W., Markandya A., Barbier E.R. Blueprint for a Green Economy. London. Earthscan Publications Ltd., 1989. – 192 p.

Vitousek P.M. et al. Human domination of Earth's ecosystems // Science. 1997. T. 277. №. 5325. Pp. 494-499.

von Weizsacker E.U. Factor four: Doubling wealth, halving resource use—a report to the club of Rome. Routledge, 2013. – 322 p.

Информация об авторах

Сергей Николаевич Бобылев – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: snbobilev@yandex.ru) (elibrary AuthorID: 143644) (ORCID: 0000-0001-5269-9026)

Татьяна Владимировна Завьялова – соискатель экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент по ESG ПАО Сбербанк, Москва, Россия.

(E-mail: ttirussia@yandex.ru)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

- Bobylev S.N.* New economic models and indicators of sustainable development. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*=Economic revival of Russia. 2019;3(61):23-29. (In Russ.)
- Buzgalin A.V.* Imperialism of the 21st century: the world is on the verge of regression. *Voprosy politicheskoi ekonomii*=Problems in Political Economy. 2022;3(31):32-44. DOI: 10.5281/zenodo.7278245 (In Russ.)
- Costanza R.* et al. The value of the world's ecosystem services and natural capital. *Nature*. 1997;387(6630):253-260.
- Daly H.E.* Elements of environmental macroeconomics. *Ecological economics: The science and management of sustainability*. 1991;(1):185-187.
- Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S., Reif I.E.* Facing the main challenge of civilization. A view from Russia. M.: INFRA-M, 2005. – 224 p. (In Russ.)
- Meadows D., Randers J.* The limits to growth: the 30-year update. Routledge, 2012. – 211 p.
- Moiseev N.N.* Universe. Information. Society. M.: Sustainable World, 2001. – 200 p. (In Russ.)
- Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P.* Misjudging Our Lives: Why GDP Doesn't Make Sense? Report of the Commission on Measuring Economic Performance and Social Progress. - Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2016. – 210 p. (In Russ.)
- Nordhaus W.* The climate casino: Risk, uncertainty, and economics for a warming world. Yale University Press, 2013. – 365 p.
- Our common future.* M.: Progress Publishing House, 1989. – 371 p. (In Russ.)
- Pearce D.W., Markandya A., Barbier E.R.* Blueprint for a Green Economy. London. Earthscan Publications Ltd., 1989. – 192 p.
- Porfiryev B.N.* Nature and economics: risks of interaction. M: Ankil, 2011. – 351 p. (In Russ.)
- Vernadsky V.I.* Scientific thought as a planetary phenomenon. Ripol Classic, 1991. – 267 p. (In Russ.)
- Vitousek P.M.* et al. Human domination of Earth's ecosystems. *Science*. 1997;277(5325):494-499.
- von Weizsacker E.U.* Factor four: Doubling wealth, halving resource use-a report to the club of Rome. Routledge, 2013. – 322 p.

Information about the authors

- Sergey N. Bobylev – Doctor of Science, Professor, Head of Environmental Economics Department, Moscow Lomonosov State University, Economic Faculty, Moscow, Russia.
(E-mail: snbobylev@yandex.ru) (elibrary AuthorID: 143644) (ORCID: 0000-0001-5269-9026)
- Tatiana V. Zavyalova – Candidate for a Degree in Economics, Vice President for ESG of Sberbank, Lomonosov State University, Economic Faculty, Moscow, Russia.
(E-mail: ttirussia@yandex.ru)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 19.06.2024; одобрена после рецензирования: 15.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

УДК: 141.201

DOI: 10.5281/zenodo.13895636 <https://zenodo.org/record/13895636>

РАЗОТЧУЖДЕНИЕ КАК КАЧЕСТВЕННЫЙ ЗАМЕР РАЗВИТИЯ

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна¹

Доктор философских наук, директор научно-образовательного Центра современных марксистских исследований, философский факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, (bulavka81@inbox.ru), (ORCID: 0000-0001-8435-4698).

Ключевые слова: *противоречия, развитие, разотчуждение, социальное творчество, субъект*

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-511-93006 «Развитие человеческого потенциала как основа сотрудничества КНР и РФ в деле формирования сообщества единой судьбы человечества».

Для цитирования: Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение как качественный замер развития // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 52-62.

DE-ALIENATION AS A QUALITATIVE MEASUREMENT OF DEVELOPMENT

Lyudmila A. Bulavka-Buzgalina

Doctor of Philosophy, Director of the Scientific and Educational Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (bulavka81@inbox.ru), (ORCID: 0000-0001-8435-4698)

Keywords: *qualitative measurement, contradictions, development, de-alienation, social creativity, subject*

Acknowledgments: The research was funded by RFBR, project number №21-511-93006.

For citation: Bulavka-Buzgalina L.A. De-alienation as a qualitative measurement of development. Problems in Political Economy. 2024. № 3(39). С. 52-62.

JEL codes: B51

*«Если вообще не двигаться,
то оковы почти неощутимы»*

Введение

Надо сказать, что проблема соотношения принципов роста и развития является достаточно значимой и не только сегодня, и не только для сферы экономики. Эта

¹ © Булавка-Бузгалина Л.А., 2024

проблема является не менее актуальной и для сферы культуры, и, прежде всего, применительно к области культурной политики.

Но прежде постараемся понять, какова парадигма культурной политики в современной России? Об этом можно судить уже хотя бы потому, что определено в соответствующих программных документах в качестве главных приоритетов и целей культурной политики, а они, как можно заметить, выстраиваются главным образом вокруг такого понятия как «суверенитет». Причем здесь в качестве одной из главных целей является обеспечение разных типов суверенитета: информационного, технологического, культурного, когнитивного и т.п. И эта задача как одна из важнейших продиктована, согласно этой парадигме, нарастающими угрозами национальной культурной идентичности, угрозами традициям, традиционным духовно-моральным ориентирам, устойчивым моральным принципам. Утрата этих фундаментальных основ отечественной культуры – угроза не только перспективам ее развития, но и всему российскому обществу, а значит и всей стране в целом.

Культурная политика: критерии роста и развития

Любая культурная политика требует целой системы формальных критериев, позволяющих определять степень ее эффективности и к которым можно отнести такие показатели как государственные финансовые затраты, которые выдаются на нужды культуры; число государственных (муниципальных) учреждений культуры объем культурных услуг; количество культурно-досуговых учреждений, количество театров, музеев, концертных залов, в том числе, виртуальных; показатели их посещаемости и т.д.

По мере развития разных форм культурной политики за последнее время появился целый ряд уже новых показателей, которые характеризуют ее, но уже в рамках конкретных культурных программ.

Так, например, в рамках Федерального проекта «Культурная среда» появляется такой показатель как оснащения модельных библиотек; федерального проекта «Цифровая культура» – создание виртуальных концертных залов, интерактивных выставок и мультимедийных гидов, онлайн-трансляцию мероприятий ведущих учреждений культуры, оцифровку книжных памятников и фильмовых материалов; федерального проекта «Придумано в России» – школ креативных индустрий; творческих лабораторий «Гений места» на базе библиотек и т.д.²

Наряду с этим любая парадигма культурной политики предполагает еще и систему качественного измерения ее состоятельности. И это именно так, когда речь идет о таких *качественных замерах как приоритетность целей культурной политики, их значение и пути их достижения; оценка культурного потенциала человека* и т.д.

Но это качественное измерение в итоге сводится к мониторингу и анализу статистической информации, к оценке качества услуг, что дает возможность получить лишь общую, т.е. все же несколько абстрактную картину о характере развития культурной политики и такую же не менее условную оценку культурного потенциала человека.

² См. Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 N 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: <https://zakon.ru/rasporuyazheniya-pravitelstva/rasporuyazhenie-pravitelstva-rf-ot-11.09.2024-n-2501-r/?ysclid=m1clgj0mdr980642911> (дата обращения: 22.08.2024).

Вопрос качественного замера как проблема

Надо сказать, что вопрос качественного замера развития реальности является достаточно непростым, ибо связан с вопросами не только методологии исследования, но онтологии самого исследователя.

Дело в том, что вопрос качественного замера – это прежде всего вопрос критически-деятельностного отношения к реальности и что особенно важно – рассматриваемой в процессе ее развития.

Но тут же возникает вопрос: откуда сегодня в условиях нарастающей власти господствующих сил отчуждения может появиться это критически-деятельностное отношение к реальности?

И действительно – откуда, если власть отчуждения, обусловленная глобальной гегемонией капитала, сегодня обретает все более тотальный характер. Это проявляется в том, что сегодня нет ни одной сферы общественной жизнедеятельности, которая не была бы пронизана отношениями купли-продажи.

Но что еще более важно: сегодня уже сам человек превратился в функцию господствующих сил отчуждения (капитала, рынка, социальных сетей, социальных институтов и информационных технологий, которые, по выражению А. Бузгалина, *«переносят большую часть общественной практики в мир виртуальных знаков, распространяющие на все сферы жизни сетевые принципы организации, превращающие человека в продолжение компьютера и заменяющие личность на ее информационное обозначение»* (Бузгалин, Колганов, 2015, с. 163).

Все это и как раз и определяет общественное бытие современного индивида, суть которого есть функциональное рабство.

В конечном итоге это неизбежно приводит к перезагрузке уже самой культурно-общественной органики индивида, превращая всю живую материю, включая и его самого в феномен превратной реальности.

И уже в силу этих превратностей он объективно не может воспринимать мир отчуждения критически, для него все эти превратные формы реальности являются неким неизменным абсолютом, от него не зависящим, но властвующим над ним, и потому они для него выступают в форме неких трансценденций, причем что важно – не допускающим никакой альтернативы, которая может возникнуть только как результат общественной практики особого рода. И здесь можно назвать как минимум три основных условия, продиктованные самой общественной природой этой практики: (1) неотчужденное отношение индивида к реальности и прежде всего к ее противоречиям; (2) становление индивида не как игрока, по выражению А. Бузгалина, в казино-капитализме, а как социального творца; (3) включение индивида в культуру, но не как потребителя, для которого главное предназначение искусства – *«цеплять, но не грузить»*, а как творческого субъекта.

Но экспансия власти современных форм отчуждения приводит сегодня к развитию принципиально иных тенденций:

Во-первых, само творчество все активнее вытесняется технологиями разного рода.

Во-вторых, все эти трансценденции, несмотря на все свои, казалось бы, столь существенные различия, отличает одна знаковая общность: в них нет утверждения принципа субъектности индивида в истории и культуре.

В-третьих, у них есть еще одна общность: отношение к проблеме отчуждения, несмотря на, казалось бы, идейные различия всех этих трансценденций, отличается главным образом лишь способом приспособления к господствующим силам отчуждения.

Понятно, что в этих условиях культура может развиваться только в превратных формах, т.е. только как симулякр, т.к. прогрессивное развитие культуры возможно только на основе созидания реальных альтернатив этому миру отчуждения.

Разотчуждение как метод социального творчества

Возвращаясь к нашему вопросу качественного измерения развития культуры, подчеркнем, что оно, по мнению автора статьи, возможно только посредством общественной практики, которая позволяет выявить не только противоречия ее развития, но и потенциал их разрешения.

В какой мере такое положение является правомерным – это можно увидеть на примере социального творчества.

Как автор этого понятия, А.В. Бузгалин раскрывает природу социального творчества как особого вида творческой деятельности, суть которой, согласно его теории, есть «созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т.п.), и потому оно является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека»³. Контуры этих отношений когда-то Р. Оуэн представлял как общество «без священников, юристов, солдат, покупателей и торговцев»⁴. Понятно, что созидание этих качественно новых общественных отношений возможно только на основе разрешения тех общественных противоречий, которые составляют основу господствующих форм отчуждения.

Прежде чем продолжить дальнейший ход суждений, автор позволит себе напомнить, что *отчуждение* – это социальный процесс, характеризующийся превращением человеческой деятельности, ее результатов, а также самого ее субъекта во внешнюю, самостоятельную, господствующую над человеком и неподвластную ему силу (К. Маркс, Э. Ильенков, Г. Батищев, И. Мессарош, Б. Олман). Как таковое отчуждение пронизывает всю совокупность форм человеческой жизнедеятельности, в том числе, и культуру.

И здесь следует подчеркнуть, что отчуждение, как таковое, пронизывает все сферы и все формы человеческой жизнедеятельности, в том числе и культуру, и прежде всего – ее связь с социальными процессами⁵.

В результате «культура как мир, где человек реализует свою родовую, неотчужденную сущность – оказывается в положении, когда она связана с социумом и, тем самым, с человеком, при помощи лишь отчужденных форм, рождая глубочайшую драму его общественного бытия» (Булавка, 2008, с. 66-71).

³ Понятие «социальное творчество» фундаментально разрабатывалось главным образом в работах А.В. Бузгалина (Бузгалин, Колганов, 2015, с. 435-530). Подробнее об этом см. также: Булавка-Бузгалина, 2016, с. 42-63.

⁴ Р. Оуэн в своем «Проекте законов» 1835 г. для «Ассоциации всех классов и всех наций» стремился к обществу «без священников, юристов, солдат, покупателей и торговцев».

⁵ Подробнее см.: Булавка-Бузгалина, 2015, с. 161-169.

Методом же социального творчества, и это уже по утверждению автора данной статьи, является разотчуждение⁶, которое им определяется как «процесс *снятия конкретно-исторических форм отчуждения посредством особого вида творческой деятельности, создающей не только некий готовый результат («вещь»), но и новое общественное отношение, несущее в себе развернутую логику его сотворения (становления)*». Другими словами, *разотчуждение* есть такой вид творческой деятельности, результат которой, «овеществляясь» в том или ином социальном, культурном или художественном феномене, в то же самое время сохраняет в себе логику своего становления, т.е. логику самой породившей его общественно-человеческой деятельности» (Булавка-Бузгалина, 2018, с. 167-179).

Надо сказать, что социальное творчество является тем видом деятельности, в котором метод разотчуждения раскрывается во всей полноте.

В связи с этим попытаемся показать, в какой степени разотчуждение как особый вид деятельности является качественным замером (1) конкретного вида реальности как его предмета, (2) его субъекта и (3) его результата – новых общественных отношений, возникающих в результате этой деятельности.

И кроме этого, следует отметить те основные требования, которые проистекают из самой природы разотчуждения.

1. Разотчуждение как особый вид деятельности предполагает прежде всего неотчужденное отношение к господствующим формам отчуждения, а значит и к тем общественным противоречиям, которыми они порождены.

2. Соответственно здесь объективно возникает необходимость соотнесения этой деятельности с ее сверхзадачей, т.е. задачей такого развития, которое уже в силу самой природы разотчуждения является ни чем иным как созданием мира, освобождающегося от власти сил отчуждения, а это и есть не что иное как создание *Нового мира*.

3. А это в свою очередь требует от его субъекта соотнесения любого своего творческого действия со сверхзадачей того общественного развития, которое как раз определяет их конкретный культурно-исторический смысл.

Другими словами, социальное творчество востребует *развитие конкретно-всеобщего подхода, коим как раз и является разотчуждение*.

4. Будучи связанным со снятием власти господствующих форм отчуждения, разотчуждение является тем единственным типом деятельности, для которого характерен *хронотоп переходности*⁷.

Одно из его важнейших значений, как мы отмечали в ряде предшествующих работ (см., например: Булавка, 2013, с. 208-217), состоит в том, что *хронотоп переходности* есть еще и критерий состоятельности социального творчества: в той мере, в какой возникающие на его основе новые общественные отношения являются переходом из «царства необходимости в царство свободы», в той мере его можно считать состоявшимся.

5. И здесь необходимо подчеркнуть, что одним из важнейших условий состоятельности этого перехода как такового является то, в какой мере его субъект вклю-

⁶ Выражение «разотчуждение» было введено в научный оборот автором этого текста в 2002 г. (Булавка, 2002, с. 186); затем исследовалось в целом ряде работ (Булавка, 2007, с. 125-141); (Булавка-Бузгалина, 2018, с. 167-179) и довольно быстро стало предметом теоретической дискуссии.

⁷ Подробнее см.: (Булавка-Бузгалина, 2022, с. 41-75).

чен в культуру. Но это вопрос достаточно сложный, ибо для его решения необходимо несколько условий: массовый доступ акторов социального творчества к системе культурных ценностей; потребность индивида во включении в них, причем не как потребителя, а как творческого субъекта.

Но это включение выдвигает к индивиду ряд требований. Вот некоторые из них: умение разобраться, что из всего культурного наследия в данный момент для него является наиболее актуальным и главное – понять, каким образом это можно «взять» на вооружение, что является серьезной проблемой, учитывая, что уровень его образования далеко не всегда является для этого достаточным.

И как показали практики 1920-х гг., у революционного индивида не было отношения к культуре «...как музею ценных, но мертвых вещей; равно как и вульгарного утилитаризма, продиктованного узко-интеллигентским интересом использовать ее как сферу сакральных знаний и ценностей для укрепления своей профессиональной монополии. Для человека труда как создателя Нового мира культура становилась тем, что помогало отстаивать те жизненно важные завоевания, которые он добыл в тяжелой и опасной для жизни борьбе – классовый борьбу. Кроме того, культура для него обретала и много других смыслов: она становилась и инструментом обустройства нового мира, и результатом прорыва в него, и идеальным этого нового мира, свободным от господствующей власти отчуждения. И самое главное – она становилась сферой подлинно человеческих отношений, построенных не на принципах – купли-продажи и не на иерархической подчиненности бюрократическим структурам, а на основе творческого товарищеского сотрудничества» (Булавка, 2011, с. 85-132).

Потребность в культуре: диалектика генезиса

Поднимая вопрос включения индивида в культуру, стоит отметить, что за этим, если можно так сказать, стоит двойное тестирование: с одной стороны, актуальности и приоритетности того или иного культурного наследия на тот или иной исторический момент; с другой – общественной позиции и масштаба мировоззренческих взглядов, способности к «предслышанию конечного результата» и меры творческого потенциала актора разотчуждения.

Но все это имеет место быть при одном условии, если у индивида есть главное – потребность включения в культуру. Но откуда она у него может появиться? Из самой культуры? А если ее уровень является не достаточным для этого, как это было, например, в 1920-е годы?

В отличие от А. Богданова, который настаивал на том, что массы сначала должны освоить культуру, обрести необходимый уровень образования и только потом можно решать вопросы революции, большевики понимали, что включить революционные массы в культуру напрямую – почти невозможно.

Но в той мере, в какой это было невозможно, в той мере это было жизненно необходимо.

Неразрешенность этого противоречия ставила под угрозу не только историческую субъектность революционных масс, но и прочность политической власти большевиков.

Развитие субъекта

Одним словом, социальное творчество задавало такой принцип включения индивида в культуру, который, замыкаясь на процессы решения конкретных социальных задач, произрастал в нем *культурой нового общественного бытия*.

Включение в культуру через социальное творчество, т.е. через решение конкретных социальных проблем, приводило к перезагрузке уже и самого онтологического принципа индивида.

И вот это проникновение культуры, обретаемой через практики социального творчества, в саму онтологическую ткань индивида, становилось важнейшим фактором качественного развития его и как социального актора, и как субъекта культуры. И, конечно, это приводило к качественному развитию уже культурной органики его личности, которую с полным основанием можно назвать *культурой нового общественного бытия*⁸.

Вот что, в связи с этим, писал В.И. Ленин в одном из своих положений о культуре: «*Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки*» (Ленин, 1970, с. 390).

Поэтому подчеркнем еще раз: онтологическая проекция осваиваемого индивидом культурного наследия, причем, что особенно важно – через включение его в практики социального творчества – это как раз и является важнейшим критерием содержательной состоятельности идеи созидания *Нового мира*.

Или говоря иначе, в какой мере идеи социального творчества сняты в культуре личностного бытия индивида, в той мере они состоятельны как идеи прогрессивного общественного развития⁹.

В связи с этим можно сделать заключение: социальное творчество, решая задачи, связанные с перезагрузкой самих основ общественного бытия, одновременно являлось качественным замером созидания *Нового мира* как «царства свободы» его субъекта как *Нового человека*.

Заключение

И здесь можно привести уже целый ряд конкретных примеров из жизнедеятельности Маяковского, который своим творчеством и своими поступками осуществлял такой качественный замер Нового советского мира, который одновременно являлся и его созиданием. Причем этот замер диалектически соединял в одно целое Поэта, советскую власть и советское общество.

Надо сказать, что, как мы отмечали в работах, посвященных этой проблематике (см.: Булавка, 2006, с. 13-61), Маяковский никогда не был реагирующей стороной. Поэт *сам определял себе общественный заказ* в сфере творчества. Также сам он определял для себя приоритетность творческих задач, способ и форму их решения. Маяковский всегда сам инициировал идеи деятельности, и не только своей: политической – для творческих объединений, творческой – для партии. Он сам себе был партия, принимающая директивы, и сам – творческий союз, их исполняющий. Это он озадачивал партию своими культурными инициативами.

⁸ Подробнее см.: (Булавка, 2010, с. 104-130).

⁹ Там же.

Жизнедеятельность Маяковского диалектически соединила в себе художественное и социальное творчество. Но всякое творчество предполагает единство идеи, творческого замысла и акта его осуществления. По этой же причине Маяковский не только инициировал те или иные идеи, но и сам брался за исполнение своих проектов, рождая новые формы. Вот целый ряд примеров этого:

- Выйдя на усиленные вызовы публики, заявил, что прочтет свою новую вещь «Пролог к четвертому Интернационалу», если публика пожертвует деньги в помощь голодающим.

- При этом сам лично собирает деньги (16 миллионов рублей передает члену комиссии «Помгола») (Катанян, 1985, с. 225).

- Собирает деньги на «Новый мир» (коммунистический орган на русском языке в Америке), а также в пользу еврейской коммунистической газеты «Фрейгайт» на банкете в Америке (Катанян, с. 315, 319).

- В Большой аудитории Политехнического музея выступает с отчетом своей деятельности за 1923-24 гг. как с программой своих литературных выступлений (Катанян, с. 272).

- В театре им. Луначарского в Ростове организует выступление на тему «Я и мои вещи. Отчетный разговор за 15 лет» (Катанян, с. 359). На своих выступлениях ведет подписку на журнал «Новый ЛЕФ» (Катанян, с. 353). Организует на своем вечере (2 тыс. рабочих) голосование по поводу общественной оценки своих стихов (Катанян, с. 35).

- При необходимости – поэт мог взобраться на станок и читать стихи для рабочих прямо в цехе, как это было, например, в доке им. Парижской коммуны (Катанян, с. 416).

- После выступления просил у рабочих справку о результатах голосования по поводу того, насколько его стихи рабочим понятны или нет.

- Для рабочих выступает бесплатно.

- Вместо вечера проводит агитацию: сначала – дело, потом – слово (Катанян, с. 217).

- Вместо литературного выступления делает социально-экономический доклад (Катанян, с. 321).

- Организует на широких площадках Москвы чтение и обсуждение своей пьесы «Мистерия-буфф», т.к. бюрократия ставила разные препятствия против постановки этой пьесы, поэтому поэт делает запрос у читателей о необходимости ее постановки. Собрание принимает резолюцию, требуя постановки «Мистерии-буфф» (Катанян, с. 195, 196-197).

- Перед отъездом за границу встречается с читателями, чтобы получить от них задание – «командировку» («словесный мандат» – «наказ» от своей аудитории). Резолюция: «Отправить товарища Маяковского за границу» принимается единогласно (Катанян, с. 439-440).

Итак, в качестве краткого заключения можно сказать следующее: качественный замер реальности возможен только на основе такой творческой деятельности, которая связана с высвобождением ее от власти господствующих сил отчуждения. А это возможно лишь при условии действительного разрешения лежащих в их ос-

нове тех или иных общественных противоречий. Это и есть суть социального творчества как процесса становления новых (альтернативных) общественных отношений.

Так качественный замер процессуального состояния реальности становится фактором ее действительного развития. Соответственно это приводит к качественному развитию уже и самого исследователя: из аналитика-наблюдателя он превращается в социального творца.

ЛИТЕРАТУРА

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1 Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с. EDN: VNILHT

Булавка Л.А. Противоречия советской культуры // Теория и практика марксизма (история, современность, перспективы) / Под ред. Д.В. Джохадзе. М.: Институт философии РАН, 2002. – 280 с.

Булавка Л.А. Коммунизм возвращается. Маяковский // Альтернативы. 2006. № 2. С. 13-61.

Булавка Л.А. Советская культура: проблема отчуждения // Философские науки. 2007. № 2. С. 125-141. EDN: NYUXFF

Булавка Л.А. «Русская душа» и «советский дух» как два феномена отечественной культуры // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2008. № 3. С. 66-71.

Булавка Л.А. Творчество и массы: диалектика опережения // Альтернативы 2010. № 4. С. 104-130.

Булавка Л.А. Творчество масс versus восстание масс (исторический прецедент) // Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине (под общей редакцией А. Бузгалина, Л. Булавки, П. Линке). М.: URSS; Ленанд, 2011. – 560 с.

Булавка Л.А. «Новый человек»: проблема субъектности на изломах истории // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. Серия: Философия России первой половины XX века М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 591 с.

Булавка-Бузгалина Л.А. Советская культура: вектор разотчуждения (философский дискурс) // Философия хозяйства. 2015. № 4. С. 161-169.

Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение как конкретно-всеобщая основа истории и культуры СССР // Альтернативы. 2016. № 2. С. 42-63. EDN: YXPFZB

Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 167-179. DOI: 10.7868/S0042874418060146

Булавка-Бузгалина Л.А. Становление СССР. Диалектика социального творчества // Альтернативы. 2022. № 4. С. 41-75.

Катанян В.А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М.: Советский писатель, 1985. – 647 с.

Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Издательство Политической литературы, 1970. – 729 с.

Информация об авторе

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна – доктор философских наук, директор научно-образовательного Центра современных марксистских исследований, философский факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: bulavka81@inbox.ru) (elibrary AuthorID: 281596) (ORCID: 0000-0001-8435-4698).

REFERENCES

Bulavka L.A. Contradictions of Soviet culture. Theory and practice of Marxism (history, modernity, prospects). Edited by D.V. Dzhokhadze. M.: Institut filosofii RAN, 2002. – 280 p. (In Russ.)

Bulavka L.A. Communism is returning. Mayakovsky. Al'ternativy=Alternatives. 2006;(2):13-61. (In Russ.)

Bulavka L.A. Soviet culture and «real socialism»: correlation socio-phylosophical analysis. Filosofskie nauki. 2007;(2):125-141. EDN: HYUXFF (In Russ.)

Bulavka L.A. «Russian soul» and «Soviet spirit» as two phenomena of Russian culture. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya=Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. 2008;(3):66-71. (In Russ.)

Bulavka L.A. Creativity and the masses: the dialectic of anticipation. Al'ternativy=Alternatives. 2010;(4):104-130. (In Russ.)

Bulavka L.A. Creativity of the masses versus the uprising of the masses (historical precedent). Lenin online: 13 professors about V.I. Ulyanov-Lenin (under the general editorship of A. Buzgalin, L. Bulavka, P. Linke). Moscow: URSS; LENAND, 2011. – 560 p. (In Russ.)

Bulavka L.A. «New man»: the problem of subjectivity at the turns of history. Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin). Edited by A.V. Buzgalin, B.I. Pruzhinin. Ser.: Philosophy of Russia in the first half of the 20th century. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. – 591 p. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L.A. Soviet culture: vector of alienation (philosophical discourse). Filosofiya hozyajstva. 2015;(4):161-169. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L.A. Alienation as a specific and universal basis of the history and culture of the USSR. Al'ternativy=Alternatives. 2016;(2):42-63. EDN: YXPFZB (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L.A. Disalienation: from philosophical abstraction to sociocultural practices. Voprosy Filosofii=Russian Studies in Philosophy. 2018;(6):167-179. DOI: 10.7868/S0042874418060146 (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L.A. Formation of the USSR. Dialectics of social creativity. Al'ternativy=Alternatives. 2022;(4):41-75. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global capital. In 2 vols. Vol. 1. Methodology: On the Other Side of Positivism, Postmodernism and Economic Imperialism (Marx Re-loaded). 3rd Ed., revised and supplemented. M.: LENAND, 2015. – 640 p. EDN: VNILHT (In Russ.)

Katanyan V.A. Mayakovsky. A chronicle of life and activity. M.: Soviet writer, 1985. – 647 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Better fewer but better. Lenin V.I. Complete works. Vol. 45. M.: State Publishing House of Political Literature, 1970. – 729 p. (In Russ.)

Information about the author

Lyudmila A. Bulavka-Buzgalina – Doctor of Philosophy, Director of the Scientific and Educational Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: bulavka81@inbox.ru) (elibrary AuthorID: 281596) (ORCID: 0000-0001-8435-4698)

Статья поступила в редакцию: 10.08.2024; одобрена после рецензирования: 28.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

УДК: 330.34

DOI: 10.5281/zenodo.13895644 <https://zenodo.org/record/13895644>

ПАТЕРНАЛИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Воейков Михаил Илларионович¹

Доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, Москва, Россия (mvok1943@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-3873-8276)

Анисимова Галина Владимировна²

Кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора политической экономики Института экономики РАН, Москва, Россия (anisimovagalina@bk.ru), (ORCID: 0000-0002-9555-764X)

Ключевые слова: *экономический рост, экономическое развитие, образование, наука, здоровье, экономическое неравенство, патерналистское государство*

Для цитирования: Воейков М.И., Анисимова Г.В. Патерналистское государство и экономическое развитие общества // Вопросы политической экономики. 2024. № 3(39). С. 63-72.

PATERNALISTIC STATE AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY

Mikhail I. Voeykov

Grand Ph. of Economics, Professor, Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (mvok1943@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-3873-8276)

Galina V. Anisimova

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher in the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (anisimovagalina@bk.ru), (ORCID: 0000-0002-9555-764X)

Keywords: *economic growth, economic development, education, science, health, economic inequality, paternalistic state*

For citation: Voeykov M.I., Anisimova G.V. Paternalistic state and economic development of society. Problems in Political Economy. 2024;3(39):63-72.

JEL codes: 010, 015

Наша тема «экономический рост и развитие» по сути своей является преимущественно статистической, ибо и то, и другое надо измерять статистикой. Но, к со-

¹ © Воейков М.И., 2024

² © Анисимова Г.В., 2024

жалению, и в современном статистическом измерении экономического роста есть много проблем. Надо сказать сразу, что без экономического роста, естественно, никакого развития быть не может, но и экономический рост автоматически не ведет к развитию. Причем под развитием следует понимать не только развитие экономики, а преимущественно развитие общества. Ибо люди и общество существуют не для экономики, а наоборот, экономика существует для общества и людей.

Слушая сегодняшние некоторые выступления – очень интересные и содержательные, представляется, что обсуждаемая проблема разваливается на две части. Первая, о чем говорили некоторые выступающие, заключается в вопросе – выдержит ли человечество экономический рост при тех ограниченных ресурсах Земли, которые есть. Приводились примеры некоторых стран и конкретные примеры уже имеющихся проблем. Это, конечно, важная проблема, но это не есть проблема сугубо экономической науки. Экономическая наука занимается проблемой рационального использования уже имеющихся ресурсов на сегодня и близкую перспективу. А что будет с человечеством через много десятков лет – это проблема других наук (геологии, антропологии, географии и пр.). Но более важная и актуальная вторая проблема – а что делать в России сегодня? Есть ли в России экономический рост и экономическое развитие? Мы остановимся на второй проблеме – ибо она нам ближе, интересней и она больше волнует россиян.

Как уже отмечалось, экономический рост – это преимущественно статистическая проблема. Так рост ВВП и есть главный показатель экономического роста. На основе этого показателя можно говорить от чего, как и почему зависит рост экономики, но рост ВВП в целом показывает рост экономики. Другой вопрос, что ВВП у нас сейчас считается очень некорректно. В начале 1990-х гг. наши статистики взяли на вооружение американскую методику подсчета ВВП на основе системы национальных счетов, где учитывается не реальный продукт, а денежные поступления или доходы. Раньше в Советском Союзе считали национальный доход и ВВП по методу баланса народного хозяйства, где плюсовались все материальные затраты и результаты реального производства. А сейчас считается ВВП по системе национальных счетов. Это американская система, где просто считаются полученные деньги за различные операции. И получается, что в подсчете нынешнего ВВП у нас доходит до анекдота. Так, добывающая промышленность, на основе которой вся страна выживает эти годы, составляет примерно 10-11, иногда 12% ВВП. А такая статья, как операции с недвижимостью – то есть аренда помещений, продажа и покупка квартир, и других разнообразных помещений – тоже составляет примерно 9-10% ВВП. Но операции с недвижимостью ни грамма реального продукта не дают. И это почему-то называется валовый внутренний продукт. Ведь в операциях с недвижимостью никакого продукта вообще нет. И получается, что промышленное производство в 2023 г. выросло на 0,5%, а операции с недвижимостью каждый год растут примерно на 4-5%. Так что тот рост валового продукта, о которых говорят какие-то люди где-то с высоких трибун, на самом деле пустой звук. Промышленное производство за 30 лет у нас выросло незначительно, но главная составляющая промышленного производства – машиностроение сократилось на 30%. В 2022 году оно по сравнению с предыдущим годом выросло на 0,6%, а по сравнению с 1991 г. оно сократилось в целом на 30%. А ведь это основа промышленного индустриального развития.

Тот рост ВВП, о котором нам говорят «большие люди», если внимательно посмотреть, «раскрутить» что там есть – а там на самом деле ничего и нет. Имеются следующие цифры: добыча полезных ископаемых в 2022 году по сравнению с 2021 годом выросла на 1,3%, а операция с недвижимостью – на 4,5%. Обрабатывающее производство осталось на том же уровне, металлургическое производство упало на 1%, производство машинооборудования выросло на 0,5%, производство транспортных средств упало на 45% – это за 1 год, а за 10 лет примерно та же самая картина происходит (Приложение 1). Так что серьезного экономического роста у нас, конечно, нет.

Теперь рассмотрим проблему «роста и развития». Как уже говорилось, надо еще понимать, что имеется в виду под развитием: развитие экономики или развитие общества? Потому что если говорить о развитии экономики, то естественно более развитая экономика дает и больший экономический рост. Но нас прежде всего интересует развитие общества, потому что мы члены общества и представляется, что экономика нужна для людей, для общества, а не люди для экономики. Поэтому будем рассматривать развитие именно общества.

Развитие общества у нас статистически довольно трудно определять, насколько оно развито. Представляется, что понятие «развитие общества» должно включать такие сферы как культура, образование, наука, здравоохранение. Некоторые статистические цифры по этим сферам можно привести за последние 10 лет. Заболеваемость населения – если в 2012 году 113.000 заболело населения, то в 2022 году 135.000. Больше, чем на 12.000 выросла заболеваемость. Если взять на 1000 человек, то по всем болезням – в 2012 году было 793 болезни на 1000 человек, а в 2022 – 889, то есть здесь был экономический рост, но было бы лучше, чтобы такого роста у нас не было бы. Развитие говорит о том, что общество свертывается. Болезни органов органов дыхания занимают самое большое место – на 1000 населения 330 человек болело органами дыхания в 2012 году, а в 2022 году уже 422 (Приложение 2). Дыхание связано с испорченным воздухом, особенно в городах. Москва – второй по загрязнению город в России, первый – Норильск, там больше миллиона тонн выбросов грязного воздуха на квадратные километр. В Москве 990.000 тонн выбросов в год на квадратный километр. И в целом за десятилетний период численность населения сократилась почти на 3 млн чел. (2937,7 тыс. чел.). Так что по всем этим показателям нужно говорить не о развитии общества, а о его свертывании.

Теперь обратимся к анализу высшего образования в стране. За 10 лет численность студентов у нас упала. В 2013-2014 учебном году было 5800 студентов, а в 2022-2023 году стало 4100, т.е. их численность заметно сократилась. 10 лет назад на 10.000 населения было 393 студента, а сейчас стало 282. Преподавательский состав тоже сокращается – было 245, а стало 217. К сожалению, преподавательский состав на сегодняшний день весьма пожилой: примерно 62% – люди старше 60 лет (Приложение 3).

Также достаточно плачевны показатели развития науки. 10 лет назад в стране было 1700 научно-исследовательских организаций, сегодня стало 1500. Конструкции организаций – было 340, стало 249. Проектно-исследовательских организаций – было 33, стало 13. Вообще страшные цифры падения всего, что относится к науке. Опытные заводы – 10 лет назад было 60, а сегодня 30 – в два раза меньше. И

естественно, численность персонала, занятого исследованиями обработки, было 726.000, стало 660.000 (на 100.000 меньше).

Расходы федерального бюджета на науку к ВВП – были очень маленькие в 2012 году – 0,57% к ВВП, а ныне стало еще меньше 0,41%. Патентов было выдано в 2012 году 47.000, а в прошлом году – 36.000. Все хуже и хуже (Приложение 4).

Теперь рассмотрим показатели социально-экономического неравенства. В советское время неравенство было минимальным. Децильный коэффициент (который рассчитывался как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3-5 раз, т.е. был даже меньше, чем в странах Западной Европы, для которых характерна социально ориентированная рыночная экономика. Ныне же коэффициент фондов (определяется как соотношение между средними денежными доходами 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) составляет почти 14 раз (Рис. 1). Это очень большой показатель, свойственный малоразвитым полукOLONиальным странам. Неравенство у нас зашкаливает за все возможные границы. Согласно научной точке зрения, разрыв в уровнях доходов должен быть не более чем 1 к 8.

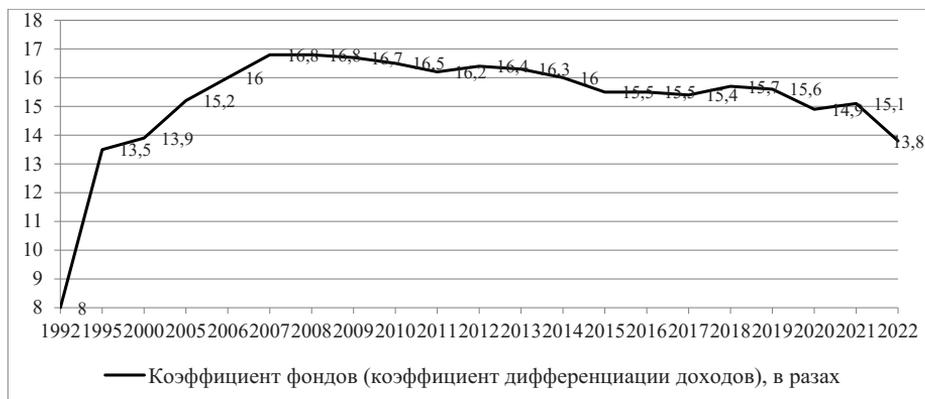

Рис. 1. Динамика коэффициента фондов

Источники: (Социальное положение..., 2001, с. 130; 2023, с. 97); Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=Распределение+общего+объема+денежных+доходов+и+характеристики+дифференциации+денежных+доходов+населения> (дата обращения: 15.06.2024).

Официальная статистика не все показывает. Например, нам сообщают, что количество бедных (официально РОССТАТ сообщает) несколько сократился – было 15%, а теперь стало 12%. Мы как-то считали количество людей по употреблению калорийности питания, потому что нормальному человеку в среднем надо примерно 2500 калорий в день. Мы посчитали на основе официальной статистики и оказалось, что у нас 40% населения потребляет меньше этой суммы калорий в день, то есть 40% населения просто не доедает. Как-то в разговоре с офицером действующей армии мы получили следующее наблюдение. Он говорил: «Да, действительно, когда мы призываем молодежь в армию, то 2-3 месяца их откармливаем, чтобы они вынесли солдатскую службу».

Поэтому, если говорить о России, то можно сделать тот вывод, что в современной России ни экономического роста, ни экономического развития общества не наблюдается. И появляется вопрос: долго ли это будет продолжаться?

ЛИТЕРАТУРА

Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 132 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2001. – 642 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2019. – 352 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021: Стат. сб. М.: Росстат, 2021. – 373 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023: Стат. сб. М.: Росстат, 2023. – 286 с.

Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015. – 727 с.

Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М.: Росстат, 2017. – 686 с.

Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. – 694 с.

Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. М.: Росстат, 2020. – 700 с.

Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. М.: Росстат, 2021. – 692 с.

Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. М.: Росстат, 2022. – 696 с.

Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. М.: Росстат, 2023. – 701 с.

Информация об авторах

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, Москва, Россия.

(E-mail: mvok1943@mail.ru) (elibrary AuthorID: 75679) (ORCID: 0000-0002-3873-8276)

Анисимова Галина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора политической экономии Института экономики РАН, Москва, Россия.

(E-mail: anisimovagalina@bk.ru) (elibrary AuthorID: 661655) (ORCID: 0000-0002-9555-764X)

Заявленный вклад авторов:

Воейков М.И. – научное руководство, концепция исследования.

Анисимова Г.В. – сбор, анализ данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

Education in numbers: 2022: a brief statistical collection. L.M. Gohberg, L.B. Kuz'micheva, O.K. Ozerova i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: NIU VShJe, 2022. – 132 p.

- Russian Statistical Yearbook. 2015: Stat. sb. M.: Rosstat, 2015. – 727 p.
Russian Statistical Yearbook. 2017: Stat. sb. M.: Rosstat, 2017. – 686 p.
Russian Statistical Yearbook. 2018: Stat. sb. M.: Rosstat, 2018. – 694 p.
Russian Statistical Yearbook. 2020: Stat. sb. M.: Rosstat, 2020. – 700 p.
Russian Statistical Yearbook. 2021: Stat. sb. M.: Rosstat, 2021. – 692 p.
Russian Statistical Yearbook. 2022: Stat. sb. M.: Rosstat, 2022. – 696 p.
Russian Statistical Yearbook. 2023: Stat. sb. M.: Rosstat, 2023. – 701 p.
Social status and standard of living of the Russian population. M.: Goskomstat Rossii, 2001. – 642 p.
Social status and standard of living of the Russian population. 2019: Stat. sb. M.: Rosstat, 2019. – 352 p.
Social status and standard of living of the Russian population. 2021: Stat. sb. M.: Rosstat, 2021. – 373 p.
Social status and standard of living of the Russian population. 2023: Stat. sb. M.: Rosstat, 2023. – 286 p.

Information about the author

Mikhail I. Voeikov – Grand Ph. of Economics, Professor, Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(E-mail: mvok1943@mail.ru) (elibrary AuthorID: 75679) (ORCID: 0000-0002-3873-8276)

Galina V. Anisimova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher in the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

(E-mail: anisimovagalina@bk.ru) (elibrary AuthorID: 661655) (ORCID: 0000-0002-9555-764X)

Contribution of the authors:

Voeikov M.I. – scientific supervision, research concept.

Anisimova G.V. – data collection, analysis.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024; одобрена после рецензирования: 04.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

Приложение 1

Таблица 1

Темпы роста (снижения) ВВП (стоимостные показатели в сопоставимых ценах)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Валовой внутренний продукт	100,9	101,3	100,6	97,5	99,8	101,5	102,8	102,2	97,3	105,6	97,9
Промышленное производство	103,4	100,4	101,7	99,2	102,2	102,1	103,5	103,4	97,9	106,3	100,6

Источники: (Российский статистический ежегодник, 2015, с. 32; 2018, с. 51; 2021, с. 52; 2022, с. 52; 2023, с. 52, 270).

Таблица 2

Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности (в процентах к предыдущему году)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Добыча полезных ископаемых	100,7	100,9	101,4	100,3	102,6	101,9	103,8	103,4	93,5	104,2	101,3
Обрабатывающие производства	105,1	100,5	102,1	94,6	101,1	105,4	103,6	103,6	101,3	107,4	100,3
В том числе:											
производство металлургическое	104,8	100,0	100,6	93,5	97,9	105,2	100,6	103,8	97,3	101,7	99,2
производство машин и оборудования	102,7	96,6	92,2	88,9	97,9	108,3	102,4	113,5	109,6	117,1	100,5
производство транспортных средств	102,6	95,4	102,7	94,0	97,9	120,1	111,5	96,3	87,9	114,6	55,8

Источники: (Российский статистический ежегодник, 2015, с. 350; 2021, с. 359; 2022, с. 372; 2023, с. 374).

Приложение 2

Таблица 3
Заболееваемость населения (тыс. человек)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Все болезни	113688	114721	114989	113927	115187	114382	114841	114512	125022,4	130442,6	125022,4
На 1000 человек населения											
Все болезни	793,9	799,4	787,1	778,2	785,3	778,9	782,1	780,2	753,5	849,2	889,1
Болезни органов дыхания	330,9	338,4	333,4	337,9	351,6	353,5	359,8	356,2	367,4	403,4	422

Источники: Российский статистический ежегодник. 2015; Стат. сб. М.: Росстат, 2015, с. 227; Российский статистический ежегодник. 2017; Стат. сб. М.: Росстат, 2017, с. 212; Российский статистический ежегодник. 2020; Стат. сб. М.: Росстат, 2020, с. 223; Российский статистический ежегодник. 2023; Стат. сб. М.: Росстат, 2023, с. 234.

Таблица 4
Естественный прирост (убыль) населения

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Естественный прирост (убыль), тыс. чел.	-4,2	24,0	30,4	32,0	-2,3	-135,8	-224,6	-317,2	-702,1	-1043,3	-594,6
На 1000 человек населения											
умерших	13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4	12,5	12,3	14,5	16,6	12,9
естественный прирост (убыль)	0,0	0,2	0,2	0,3	-0,01	-0,9	-1,6	-2,2	-4,8	-7,1	-4,0

Источники: Российский статистический ежегодник, 2015, с. 227; 2017, с. 212; 2020, с. 223; 2023, с. 234).

Приложение 3

Таблица 5
Показатели высшего образования

	2013/2014	2014/2015	2015/2016	2016/2017	2017/2018	2018/2019	2019/2020	2020/2021	2021/2022	2022/2023
Число организаций высшего образования	969	950	896	818	766	741	724	710	717	
Численность студентов, тыс. человек	5846,7	5209,0	4765,5	4399,5	4 245,9	4 161,7	4 068,3	4 049,3	4 044,2	4 130,0
На 10 000 человек населения приходилось студентов, человек	393	356	325	300	289	284	277	277	278	282
Профессорско-преподавательский состав (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера), тыс. чел.					245,1	236,1	229,3	223,1	217,7	
Из них:										
лица в возрасте до 30 лет					14,8	13,1	11,7	10,7	10,1	
лица в возрасте 60 лет и старше					69,5	67,8	66,4	64,6	62,5	

Источники: (Российский статистический ежегодник, 2015, с. 85; 2017, с. 96; 2020, с. 102; 2023, с. 101).

Приложение 4

Таблица 6
Показатели науки

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	3566	3605	3604	4175	4032	3944	3950	4051	4175	4175	4195
в том числе:											
научно-исследовательские организации	1725	1719	1689	1708	1673	1577	1574	1618	1633	1627	1584
конструкторские организации	340	331	317	322	304	273	254	255	239	233	249
проектные и проектно-исследовательские организации	33	33	32	29	26	23	20	11	12	13	13
опытные заводы	60	53	53	61	62	63	49	44	35	33	30
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками	726318	727029	732274	738857	722291	707887	682580	682464	679333	662702	669870
Расходы федерального бюджета, млрд руб.	355,9	425,3	437,3	439,4	402,7	377,9	420,5	489,2	549,6	626,6	631,7
в процентах:											
к расходам федерального бюджета	2,76	3,19	2,95	2,81	2,45	2,30	2,52	2,69	2,41	2,53	2,51
к ВВП	0,57	0,64	0,61	0,53	0,47	0,41	0,40	0,44	0,51	0,48	0,41
Выдано патентов	47932	47752	50772	49173	46866	48367	51946	48251	40574	36526	36078

Источники: (Российский статистический ежегодник, 2015, с. 509-619; 2017, с. 465-472; 2020, с. 494-500; 2023, с. 503-509).

УДК: 330.88

DOI: 10.5281/zenodo.13895655 <https://zenodo.org/record/13895655>

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ РАДИ ПРОГРЕССА

Миропольский Дмитрий Юрьевич¹

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия, (miripolskiy1959@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7839-8467)

Ключевые слова: *рост, развитие, продуктоизбыточный сектор, продуктонедостаточный сектор, продуктосберегающее развитие, продуктоемкое развитие, капитал, план, эксплуатация*

Благодарности: Работа выполнена в процессе подготовки инициативной НИР кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира».

Для цитирования: Миропольский Д.Ю. Экономическое развитие и эксплуатация ради прогресса // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 73-82.

ECONOMIC DEVELOPMENT AND EXPLOITATION FOR THE SAKE OF PROGRESS

Dmitry Yu. Miropolskiy

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, (miripolskiy1959@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7839-8467)

Keywords: *growth, development, product-surplus sector, product-self-sufficient sector, product-saving development, product-intensive development, capital, plan, operation*

Acknowledgements: The work was carried out in the process of preparing the initiative research of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics «The State and the market: the Eurasian dominant of development in the conditions of the formation of a multipolar world».

For citation: Miropolskiy D.Yu. Economic development and exploitation for the sake of progress. Problems in Political Economy. 2024;3(39):73-82.

JEL: B51; O41; P51

¹ © Миропольский Д.Ю., 2024

Я бы хотел рассмотреть проблему роста и развития с точки зрения двух основных вариантов. Предлагаю обсудить эти варианты в условиях закрытой, замкнутой экономики.

Вариант № 1: происходит количественное накопление средств производства и рабочей силы. Средства производства я здесь рассматриваю в широком смысле – это технологии, техника и природная среда. Какие возможны случаи в рамках этого первого варианта?

Первый случай – опережающий рост населения по отношению к накоплению средств производства. Что в этом случае происходит? В этом случае происходит рост противоречий внутри правящего класса. Ведь число представителей правящего класса тоже растет по отношению к средствам производства опережающими темпами. Многочисленные дети рабовладельцев, феодалов и капиталистов борются за собственность. Это ведет также к росту эксплуатации (к попыткам роста эксплуатации) зависимого населения. Правящий класс хочет компенсировать сокращение размеров собственности выколачиванием большей доли прибавочного продукта из трудящихся. Трудящимся, с одной стороны, труднее сопротивляться росту эксплуатации, т.к. между ними тоже обостряется конкуренция. Но, с другой стороны, в условиях, когда доля средств производства, приходящаяся на каждого человека, сокращается и нищета растет, ярость сопротивления эксплуатации тоже растет.

При этом хочу подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с одной из разновидностей эксплуатации – с эксплуатацией ради богатства. То есть здесь делится богатство. К прогрессу это не имеет никакого отношения.

Второй случай в рамках варианта чистого роста без всякого развития – это когда накопление средств производства идет быстрее, чем растет население. Здесь мы получаем дефицит рабочей силы, и представители правящего класса конкурируют, реагируя на этот дефицит, снижают степень эксплуатации. В этом случае опять же речь идет об эксплуатации ради богатства. Рост доходов работников получает тенденцию к росту. Накопление средств производства в этой ситуации сокращается. И тем или иным способом (в разных обществах этот механизм работает по-разному), но число рабочей силы и средств производства приходит в какое-то большее или меньшее соответствие.

Однако рассмотренный вариант чисто количественного роста противоречив и поэтому не может быть устойчивым. Первый случай опережающего роста населения – это полное торжество мальтузианских идей. И это торжество толкнет людей к качественному совершенствованию как производительных сил, так и производственных отношений. Второй случай еще более очевиден. Дорожающая рабочая сила вынудит эксплуататоров внедрять новшества, а это опять развитие производительных сил и, соответственно, производственных отношений. Поэтому мы плавно и неотвратимо переходим ко второму варианту

Вариант № 2 – это качественное совершенствование средств производства и рабочей силы. Два предыдущих оратора об этом подробно говорили. И я тоже эту тему поднимаю. И здесь тоже вопрос, который уже обсуждался сегодня: возможно ли качественное совершенствование средств производства и рабочей силы без количественного роста? Например, существует известная теория нулевого роста.

Я присоединяюсь к озвученной точке зрения, что в современных условиях это абсолютно невозможно. Почему? Какова конечная цель развития человеческого общества? Конечная цель человеческого общества (имеется в виду совсем конечная цель) – это превращение человека экономического в человека творческого. Реализация этой цели возможна только в условиях достижений абсолютной производительности. Без абсолютной производительности универсальными творцами мы никогда не станем. Подлинное творчество предполагает избавление от материальных проблем. Современное производство настолько далеко отстоит от абсолютной производительности, что количественное увеличение продукта необходимо. А это предполагает качественное совершенствование средств производства и рабочей силы. Следовательно, рост и развитие постоянно переходят друг в друга и необходимо предполагают друг друга.

В данном выступлении речь идет о росте и развитии продукта в целом, но я бы хотел особо сосредоточиться на качественном совершенствовании средств производства.

В экономике есть базовые продукты вообще и базовые средства производства, в частности. У базовых продуктов вообще стоимость результата больше стоимости затрат. У базовых средств производства затраты труда на производство данных средств производства меньше, чем экономия труда, которая возникает в процессе их использования. Эти средства производства создаются в продуктоизбыточном секторе экономики. Продуктоизбыточным он назван потому, что продукты, производимые в этом секторе, имеют избыток стоимости результата над стоимостью затрат. В данном случае продуктоизбыточный и базовый сектор – одно и то же. Но в экономике есть и качественно новые, пионерные средства производства. Они создаются в продуктонедостаточном секторе. Однако продуктонедостаточный сектор и пионерный сектор – не одно и то же. Кроме пионерных продуктов в продуктонедостаточном секторе производятся базовые продукты, при производстве которых затраты временно или постоянно превышают результат. Посмотрим на рисунок 1.

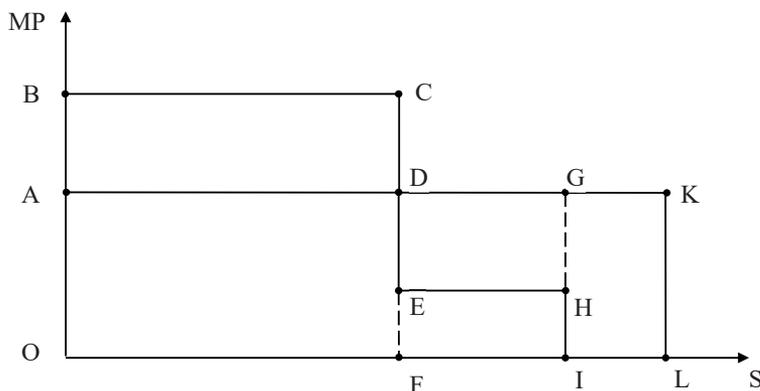

Рис. 1. Двухсекторная модель экономики.

Источник: авторская разработка.

На рисунке 1 представлена двухсекторная модель экономики. На оси абсцисс обозначены абстрактные экономические субъекты (S), на оси ординат – предель-

ные продукт их производства и потребления (MP)², в том числе средства производства. Продуктоизбыточный сектор показан фигурой OBCF. У всех хозяйствующих субъектов (S) затраты (OADF) оказываются ниже результатов (OBCF). Соответственно, прибавочный продукт равен величине ABCD. А граница продуктонедостаточного сектора определена величиной затрат экономических субъектов (FDKL). В этом секторе два подсектора. В первом подсекторе экономические субъекты, осуществляя затраты (FDGI), получают результат (FENI), но этот результат ниже затрат. Во втором подсекторе экономические субъекты, затрачивая живой и овеществленный труд в размере IGKL, вообще не получают никакого результата. Это связано с тем, что потребительная стоимость, создаваемая в обоих подсекторах, по тем или иным причинам не переходит в стоимость необходимой величины. Очевидно, что продуктонедостаточный сектор может существовать только за счет перераспределения прибавочного продукта из продуктоизбыточного сектора³.

Как и откуда появляются качественно новые средства производства? Все мы хорошо знаем необходимую цепочку. Нужно сначала провести фундаментальные исследования, потом – прикладные исследования, потом – опытно-конструкторские разработки, потом появляются первые образцы этих средств производства, уже промышленные, но весьма несовершенные, и только потом они отшлифовываются и становятся эффективными и массово применяются.

Когда пионерные средства производства превращаются в базовые, результаты у них становятся больше, чем затраты, они эффективны, они экономят труд. Однако пока вся эта цепочка раскручивается, пока ведутся фундаментальные и прикладные исследования, опытно-конструкторские работы, отшлифовываются первые образцы – либо результаты меньше затрат, (подсектор FDGI, рисунок1), либо результаты вообще равны нулю (подсектор IGKL, рисунок 1).

Рассмотрим пример – адронный коллайдер. Вопрос: является ли сооружение адронного коллайдера вкладом в экономический рост? Мы наблюдаем рост затрат. Однако роста результата в системе нет. Нет никакого вклада этого адронного коллайдера в повышение производительности и, соответственно, нет никакого движения к достижению абсолютной производительности, то есть экономического результата нет. На рисунке 1 адронный коллайдер располагается в подсекторе IGKL. Эти огромные затраты на адронный коллайдер содержат только потенциальный экономический рост и потенциальное экономическое развитие. Эти затраты могут лишь в перспективе привести к росту производительности, воплотившись в определенных средствах производства, но могут и не привести. Мы не знаем пока. Пока это одна потенция.

Однако мы взяли сооружение типа адронного коллайдера отдельно. Если рассматривать систему в целом, в масштабах всей экономики, то следует учитывать, во-первых, общий прирост результата от новшеств, которые начали осваивать раньше. То есть общий прирост результатов в продуктоизбыточном и продуктонедостаточном секторах экономики. И, во-вторых, нужно рассмотреть общие приросты затрат. Необходимо брать в расчет динамику соотношения результатов и затрат.

Это соотношение результатов и затрат имеет два основных варианта. Первый вариант: в системе в целом сумма приростов результатов больше суммы прироста затрат. Мы имеем здесь продуктосберегающий тип роста. Обычно, применитель-

² Предельные величины используются в рамках концепции неомарксистского синтеза.

³ Двухсекторная модель представлена в предельно упрощенном виде. Более сложные версии и обоснование см. в (Миропольский, 2015).

но к капитализму, такой тип называют капиталосберегающим. И второй вариант: сумма прироста результатов меньше суммы приростов затрат. Это продуктоемкий (капиталоемкий) тип роста.

Если рассматривать эти два варианта, то снижение продуктоемкости роста способствует развитию рыночной или капиталистической экономики. Почему? Рассмотрим рисунок 2.

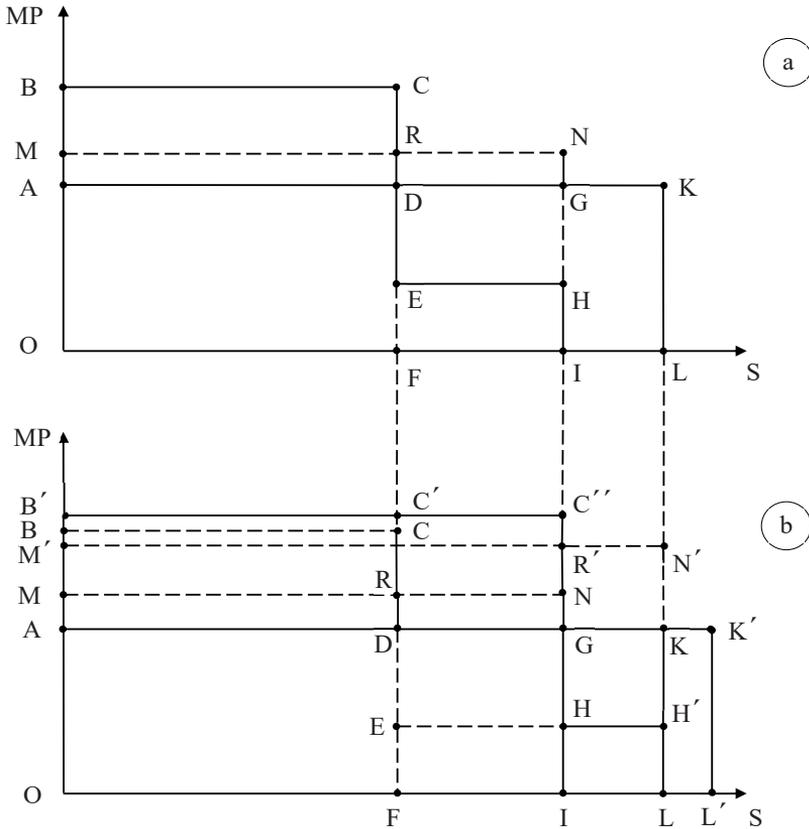

Рис. 2. Продуктосберегающий тип экономического развития.

Источник: авторская разработка.

Рисунок 2а в целом повторяет рисунок 1, но есть одно отличие – в обоих секторах появляется выручка (OMNI), а, следовательно, в модели есть цены, отклоняющиеся от стоимости. Экономические субъекты на отрезке OF продают свою продукцию ниже стоимости. Разница между выручкой, отражающей цены и стоимостью равна величине MBCR. Субъекты, расположившиеся на отрезке FI, наоборот, продают продукцию по ценам выше стоимости. В результате часть прибавочной стоимости из продуктоизбыточного сектора перераспределяется в продуктодефицитный (MBCR=ERNH). В итоге все экономические субъекты на отрезке OI получают нормальную прибыль на вложенный капитал. Что касается субъектов на отрезке IL, то их за-

траты финансируются из бюджета, который пополняется из общей массы прибыли (AMNG), или капиталисты напрямую финансируют этот подсектор за счет прибыли.

Перейдем к рисунку 2b. На рисунке 2b изображена та же экономика, что и на рисунке 2a, но выросшая и развившаяся. На рисунке 2b исходные величины производимого ранее продукта показаны пунктиром (OBCEHI). Выросший продукт равен площади фигуры $OB'C''H'H'L$. Во-первых, прирост продукта произошел в продуктоизбыточном секторе за счет внедрения новых технологий, пришедших из пионерной части продуктонедостаточного сектора ($BB'C'C$). Во-вторых, сам продуктонедостаточный сектор увеличил производительность за счет отладки производства пионерных продуктов ($EC'C''H$) и в этой части переключался в продуктоизбыточный сектор. Кроме того, появилась определенная продукция там, где раньше были одни затраты ($IHH'L$).

Что же касается затрат, то в подсекторе, где их величина равна $FDGI$, они теперь полностью окупаются производимой продукцией; в подсекторе с величиной затрат $INKL$ они частично компенсируются появившейся продукцией. Чистый прирост затрат в рассматриваемой модели равен величине $LKK'L'$, которая меньше величины $INKL$ на рисунке 2a.

Если теперь суммировать на рисунке 2b приросшие результаты и изменившиеся затраты, то выяснится, что прирост результатов опережает прирост затрат.

В итоге укрепляется основа для формирования цен производства. Это связано с тем, что увеличение прибавочной стоимости в продуктоизбыточном секторе сопровождается сокращением стоимостного убытка в продуктонедостаточном секторе. То есть прирост положительного результата в продуктоизбыточном секторе превышает отрицательный результат в продуктонедостаточном секторе. Получается, что произведенной суммы прибавочной стоимости достаточно для образования возрастающих норм прибыли и в продуктоизбыточном и в продуктонедостаточном секторах экономики. А это основа для формирования устойчивых цен производства.

Противоположный, капиталоемкий рост стимулирует возникновение плановой экономики. Почему? Потому что объективное нарастание убытков в продуктонедостаточном секторе опережает рост прибыли в продуктоизбыточном секторе. Здесь цены производства не формируются и такое развитие возможно только на основе номенклатурно-объемных отношений, то есть отношений плана.

Рассмотрим рисунок 3, где показаны две траектории роста и развития плановой экономики.

На рисунке 3a демонстрируется стартовая ситуация. Если сравнить ее со стартовой ситуацией на рисунке 2a, то обнаружится разница между капиталистической и плановой экономикой. Стремясь не к максимизации прибыли, а к максимизации объема, плановая экономика, при одной и той же величине продуктоизбыточного сектора, обеспечивает больший объем продуктонедостаточного сектора (площадь фигуры $FDKL$ на рисунке 2a меньше, чем на рисунке 3a). Это дает возможность, используя отношения плана, осуществлять научно-технические прорывы, масштабные проекты капиталовложений, социальные программы.

Переход от рисунка 3a к рисунку 3b изображает эффективный рост плановой экономики, сочетающийся с развитием. Принципиально на рисунке 3b происходит то же, что и на рисунке 2b. Поэтому не буду повторять только что сказанное. Однако есть два принципиальных отличия.

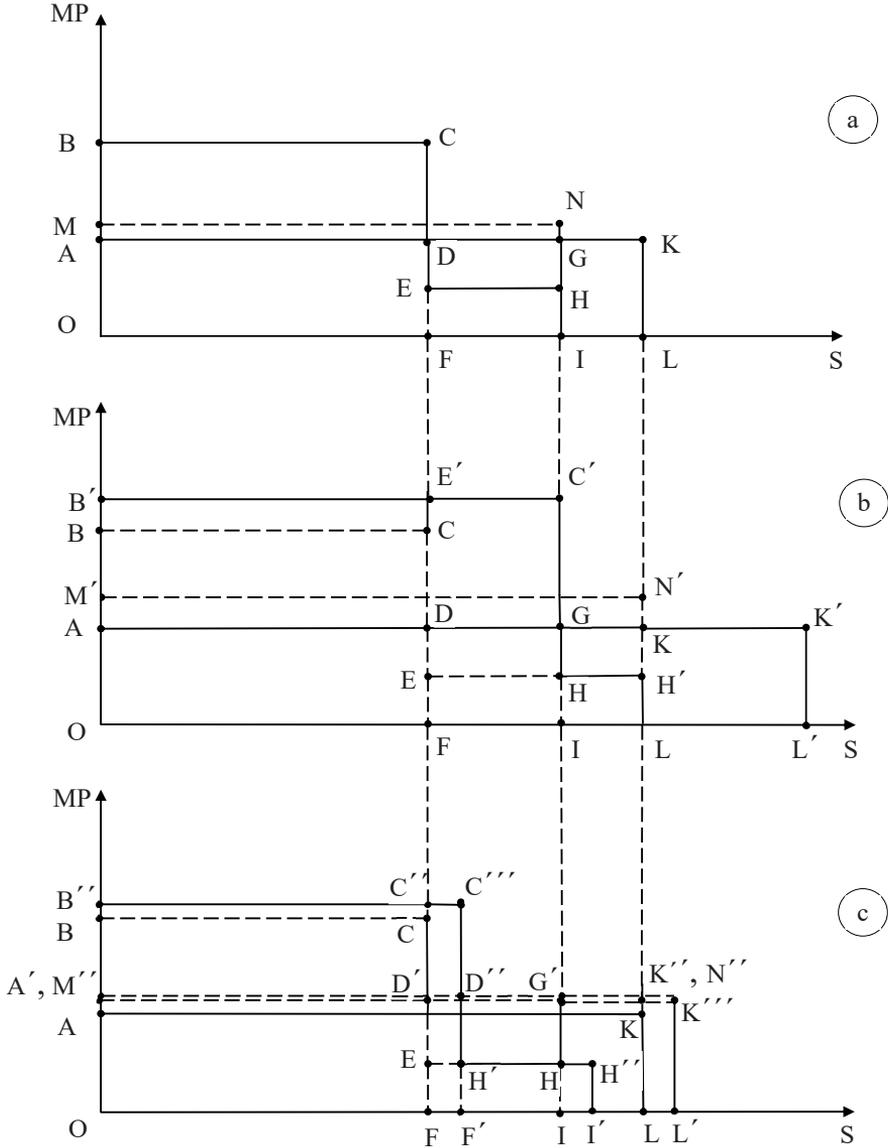

Рис. 3. Продуктоемкий тип экономического развития.

Источник: авторская разработка.

Во-первых, изначально на рисунке 3а норма и масса прибыли в экономике (AMNG) меньше, чем на рисунке 2а. Во-вторых, это связано с тем, что при одинаковом продуктоизбыточном секторе подсектор FDNI в плановой экономике более массивный. Цены, естественно, становятся зафиксированными по плану. Однако даже эта небольшая масса прибыли полностью перераспределяется, тоже по плану, для обеспечения ресурсами подсектора INKL (AMNG=INKL). В результате эконо-

мические субъекты в продуктоизбыточном секторе остаются совсем без прибыли. Но именно это обстоятельство и позволяет содержать более масштабный продуктонедостаточный сектор, а значит более быстрый рост и динамичное развитие.

Однако переход от рисунка 3а к рисунку 3б показывает траекторию эффективного роста плановой экономики, сопровождающегося научно-техническим развитием.

Рассмотрим другую траекторию, которую демонстрирует переход от рисунка 3а к рисунку 3с. На рисунке 3с показаны процессы, похожие на те, которые изображены посредством рисунка 3б. Однако при их схожести они имеют принципиально иное содержание. Мы видим, что как и в предыдущем случае, произошло увеличение выпуска продукции в продуктоизбыточном секторе (линия ВС перемещается в положение В''С''). Однако это увеличение выпуска заметно меньше, чем на рисунке 3б. Это обусловлено тем, что гораздо меньшее число экономических субъектов подсектора FDGI на рисунке 3а, в числе которых находятся пионерные производства, сумели повысить производительность и создать эффективные технологии (ЕС''С''''Н на рисунке 3с < ЕЕ'С'Н на рисунке 3б).

В подсекторе IG'K''L также не все экономические субъекты повысили продуктивность (ИНН''I' на рисунке 3с < ИНН'I на рисунке 3б).

Кроме того, в отличие от рисунка 3б в экономике на рисунке 3с экономический рост сопровождается ростом затрат (линия АК сместилась в положение А'K'''). Рост затрат привел к сокращению прибыли: линия затрат А'K'' почти слилась с линией выручки M''N''. Сократившаяся прибыль позволила профинансировать лишь небольшой подсектор LK''K''''L'' (LK''K''''L'' на рисунке 3с < LK'K'L' на рисунке 3б).

Таким образом, на рисунке 3с изображается ситуация затухающего роста в плановой экономике: рост результата постепенно сравнивается с ростом затрат и, тем самым, исчезает источник дальнейшего развития.

Две траектории роста, показанные посредством рисунков 3б и 3с, в упрощенной форме моделируют развитие советской экономики в период ее восхождения и в период упадка. Период упадка связан с усложнением номенклатуры плана и потерей в этой связи точности директивного планирования. Это позволило экономическим субъектам выполнять план по объему без наполнения его номенклатурой, имеющей потребительную стоимость (снижение результата) и перенакапливать на предприятиях лишние средства производства и рабочую силу (рост затрат). Рост затрат также связан с умножением строек, ресурсов на завершение которых не было. Это тоже форма перенакопления средств производства и рабочей силы. Если на рисунке 3б подсектор LK'K'L' включает в себя фундаментальную науку и новые стройки, которые будут завершены и дадут результат, то на рисунке 3с подсектор LK''K''''L'' – это фундаменты предприятий, которые в обозримый срок закончены не будут, а на науку денег уже нет.

Таким образом, обозначенные два варианта роста, сопровождающегося развитием, – продуктосберегающий и продуктоемкий – очень важны с точки зрения формирования адекватного механизма обеспечения роста и развития в современной России – либо капиталистического, либо планового.

Второй вопрос в рамках данной темы: кто заплатит за этот рост, за это развитие? Если акцентироваться на средствах производства, то средства производства в продуктоизбыточном секторе обеспечивают создание прибавочного продукта,

пионерные средства производства, создаваемые в продуктонедостаточном секторе, этот прибавочный продукт поглощают. Поэтому, как отмечалось, необходим постоянный переток прибавочного продукта из продуктоизбыточного сектора в сектор продуктонедостаточный. Этот переток ресурсов и есть эксплуатация ради прогресса. В отчужденном мире одни осуществляют развитие, другие на это развитие работают, не имея к нему прямого отношения. Результаты развития приходят к этим людям в виде «объедков с барского стола». Таким образом, мы получаем два типа эксплуатации: эксплуатацию ради богатства и эксплуатацию ради прогресса.

Представители господствующего класса в продуктоизбыточном секторе получают прибавочную стоимость. Эта прибавочная стоимость делится на две части: одна часть остается в продуктоизбыточном секторе – это эксплуатация ради богатства; другая часть, через механизм цен в условиях капитала или через механизм объемов в условиях плана, перераспределяется в пользу продуктонедостаточного сектора – это эксплуатация ради прогресса.

Эксплуатация в самом продуктонедостаточном секторе сводится к минимизации отрицательной прибавочной стоимости. Здесь доминирует эксплуатация ради прогресса (по крайней мере, в части производства пионерных продуктов), но и есть эксплуатация ради богатства.

В настоящий момент Россия стремится восстановить в существенной степени утраченный продуктонедостаточный сектор (особенно это касается пионерных продуктов) и избавиться от внешней эксплуатации как ради богатства, так и ради прогресса. Быстрое восстановление и дальнейшее развитие продуктонедостаточного сектора делает его объективно большим по отношению к продуктоизбыточному, а это требует перехода к модели роста и развития с преобладанием номенклатурно-объемных отношений. Номенклатурно-объемные отношения лишь дополняются товарно-денежными, в той степени, в которой это необходимо для минимизации негативных процессов, свойственных плановой экономике при усложнении номенклатуры.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Миropольский Д.Ю. Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – 278 с.

Miropolskiy D.Y. Essays on product theory: potential forms of capital and the plan of the epoch before the division of labor. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2015. – 278 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Миropольский Дмитрий Юрьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

(E-mail: miripolskiy1959@mail.ru) (eLibrary AutorID: 71942) (ORCID: 000-002-6536-2614)

Information about the author:

Dmitry Yu. Miropolskiy – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

(E-mail: miripolskiy1959@mail.ru) (eLibrary AutorID: 71942) (ORCID: 000-002-6536-2614)

Статья поступила в редакцию: 23.06.2024; одобрена после рецензирования: 18.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

УДК: 330.3

DOI: 10.5281/zenodo.13895664 <https://zenodo.org/record/13895664>

МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ДЛИННЫХ ВОЛН

Румянцева Светлана Юрьевна¹

Кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, (s.pumyantseva@spbu.ru), (ORCID 0000-0003-1105-8868)

Ключевые слова: *экономический рост, экономический цикл, экономическое развитие, длинные волны в экономике*

Благодарности: Автор выражает благодарность бакалаврианту СПбГУ по направлению 38.03.01 – «Экономика» Кисловой Н.А. за разрешение использовать материалы для рисунков 2 и 3, составленных при подготовке курсовой работы.

Для цитирования: Румянцева С.Ю. Механизмы экономического роста и развития: взгляд с позиций теории длинных волн // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 83-98.

MECHANISMS OF ECONOMIC GROWTH AND DEVELOPMENT: A LONG WAVE THEORY PERSPECTIVE

Svetlana Yu. Rumyantseva

Ph.D. in Economics, Associate professor, Senior lecturer, Department of Economic Theory and History of Economic Thought of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, (s.pumyantseva@spbu.ru), (ORCID 0000-0003-1105-8868)

Keywords: *economic growth, economic cycle, economic development, long waves in the economy*

Acknowledgments: The author expresses gratitude to the bachelor's student of St. Petersburg State University in the direction of 03.38.01 – «Economics» Kislova N.A. for permission to use materials for Figures 2 and 3, compiled during the preparation of the course work.

For citation: Rumyantseva S.Yu. Mechanisms of economic growth and development: a long wave theory perspective. Problems in Political Economy. 2024;3(39):83-98.

JEL: A11, B41, E32

Введение

Вопрос о соотношении экономического роста и развития относится к типу фундаментальных вопросов экономической теории. В зависимости от того, как понимается соотношение между этими понятиями, по-разному определяется природа экономики и ее эволюции, и на этом основании даются разные, порой диаметрально

¹ © Румянцева С.Ю., 2024

но противоположные, рекомендации в области экономической политики.

Понимание природы экономического роста и развития напрямую зависит от парадигмальной принадлежности ученого-интерпретатора. Парадигма неоклассики с ее равновесным подходом, теории линейного прогресса абсолютизируют явление экономического роста, зачастую ассоциируя это понятие с понятием «развитие». Догадываясь о роли научно-технического прогресса (НТП) в процессе формирования экономического роста, мейнстрим в основном выносит его за скобки процесса, и НТП предстает то в виде «необъясненного остатка», то в роли экзогенного фактора роста, необъяснимого внешнего толчка, который неизвестно откуда берется. Ряд других, альтернативных, и в основном не относящихся к мейнстриму направлений экономической науки, напротив, дают возможность проводить четкую грань между понятиями роста и развития, определяя механизмы движения экономики в динамике и учитывая НТП как один из ключевых факторов развития.

Отсюда совершенно различные по своим теоретическим характеристикам и по влиянию на экономический процесс рекомендации: например, стабилизационная политика vs индустриализация и промышленная политика. Их парадигмальный статус необходимо различать, потому что зачастую, в том числе у нас в стране, их применение используется одновременно и не может в силу разных теоретических оснований, лежащих под ними, не вызывать противоречий – не столько даже теоретического характера, сколько связанного с эффективностью применения противоположных рекомендаций в одном пакете мер оздоровления экономики.

Объективность экономического роста и природа его неравномерности

Экономический рост объективен. Действительно, на протяжении десятилетий можно наблюдать рост показателей ВВП и ВВП на душу населения в большинстве стран в абсолютных величинах. Редчайшим исключением являются случаи падения абсолютного ВВП, и то на короткий промежуток времени и не во всех странах. Но тем не менее, даже в ведущих странах, таких как США, движение экономического роста неравномерно – и это можно наблюдать на графике, построенном по США по данным университета Гронингена (Рисунок 1), на котором четко прослеживаются периоды относительных замедлений в росте абсолютных значений ВВП – таких периодов с 1920 года по текущий период в показателе постоянных цен 2011 года можно насчитать несколько штук – в 1870-е, 1930-е, 1980-е и в окрестности 2008 г.

Что стоит за этой неравномерностью? Если мы обратимся к статистике относительных показателей, то сможем заметить волнообразность в динамике ВВП, соответствующую в целом статистике замедлений в абсолютных показателях и подтверждающую теорию длинных волн экономического развития. Так, в США по данным Мирового банка можно наблюдать волну 1960 г. (более ранних данных нет) – 1990-е с провалом в 80-х и волну 1990-е – 2020-е с провалом в 2008 г. (Рисунок 2). По данным России можно видеть волну 1990-2020 с провалом в 2008 г. (Рисунок 3).

Природа этих провалов в середине длинной волны была объяснена в инфляционно-дефляционной модели длинных волн Б. Берри (Berry, 1991, p. 127). В соответствии с его подходом, каждая длинная волна продолжительностью 45-60 лет состоит из двух циклов Кузнеца продолжительностью 20-30 лет. Циклы Кузнеца обеспечивают инвестиционный механизм экономического развития. И они разви-

ваются на фоне инфляционно-дефляционного механизма длинной волны: первый в паре цикл Кузнеца развивается на фоне длинноволновой инфляции. В его движении в сочетании с фазами цикла Кондратьева возникает два периода: инфляционный подъем и после прохождения верхней поворотной точки инвестиционного цикла – инфляционный спад. Так Б. Берри элегантно обосновал неуникальность стагфляции 80-х, доказав на статистических данных, что такие периоды возникали уже не раз в истории и были вызваны сочетанием фаз длинной волны и цикла Кузнеца.

После завершения первого в паре цикла Кузнеца в экономике возникает структурный кризис, связанный с необходимостью перенаправления инвестиционных потоков. Этот кризис лежит в основе обострения противоречий в финансовой сфере и действует как катализатор финансового коллапса. Продолжая мысль Берри, можно утверждать, что структурный кризис 80-82 годов в мировой экономике послужил катализатором финансового коллапса 1987 года, чему мы видим подтверждение в недавней истории, когда структурная неустойчивость нулевых и финансовализация экономики породили финансовый коллапс 2008 года, тоже как раз на пике длинной волны.

Второй период в движении длинной волны в модели Берри связан со вторым циклом Кузнеца, который развивается уже на фоне дефляционных тенденций. В нем выделяются периоды дефляционного подъема (фаза роста цикла Кузнеца на фоне спада длинной волны) и великой депрессии (когда спад обоих циклов совпадает) (Рисунок 4).

Из графиков 2 и 3 по США и России заметно, что самые глубокие провалы динамики ВВП наблюдаются на пике длинных волн. Это не противоречие, так как периодизация длинных волн основана на диагностике дат научно-технологических прорывов.

Но в целом модель Б. Берри и статистическая картина динамики ВВП показывают смысл логического соотношения между понятиями роста и развития: в основе неравномерности роста лежат механизмы экономического развития. Экономическое развитие осуществляется через механизмы экономического цикла и таким образом обеспечивает саму возможность экономического роста. Такова диалектика взаимосвязи между явлениями роста, развития и цикла. Этих механизмов достаточно много (Румянцева, 2003), но ключевыми из них являются на основе данного представления: НТП, инвестиции и инфляционно-дефляционный механизм.

Конфликт теоретических подходов к роли НТП в экономическом развитии

В связи с особой значимостью НТП в процессе экономического развития необходимо затронуть вопрос о том, как понимается его роль в различных направлениях экономической науки в связи с экономическим ростом.

Основатели теории экономического роста – кейнсианцы, в частности, Э. Хансен, (Хансен, 1997) цитировали М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, Г. Каселя – теоретиков конъюнктуры и экономического цикла в своих публикациях.

Уже в теории Туган-Барановского использовались мультипликаторы в анализе взаимодействия между секторами, осуществляющими инвестиции в основной капитал и инвестиции в потребительские товары (Туган-Барановский, 1894, с. 499-509). Важно заметить, что Туган-Барановский показал мультипликативный эффект

спада, используя теорию перенакопления К. Маркса. В дальнейшем развитии теории экономического роста эта находка была потеряна. Между тем, именно процесс спада приводит экономику в точку депрессии, где ключевую роль для обновления экономики начинает играть НТП. У теоретиков конъюнктуры (М.И. Туган-Барановский, Н.Д. Кондратьев, Г. Кассель) были идеи объяснения динамики технологического развития экономическими условиями, в частности, Н.Д. Кондратьев писал, что «направление и интенсивность научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники» (Кондратьев, 2002, с. 382), что их условием в период перехода между большими циклами являются «относительно малая степень связанности капитала, обилие «свободного» капитала и, следовательно, дешевизна его» (Там же, с. 392), и наконец, что «ритм больших циклов есть отражение ритма в процессе расширения основных капитальных благ общества» (Там же, с. 395).

В дальнейшем в развитии теории экономических циклов в кейнсианстве и неокейнсианстве механизмы процесса реализации фазы депрессии экономического цикла как бы потерялись. Характерным в этом отношении является исследование Э. Хансена, подытожившего кейнсианскую теорию циклов и предложившего рассматривать широкий спектр объясняющих цикл механизмов – инвестиционных, финансово-кредитных, на стороне потребления, с учетом эффектов акселератора и мультипликатора. Так, у Э. Хансена причиной цикла является изменение величины предельной эффективности капитала по отношению к норме процента. Это отношение определяет склонность к инвестициям. Предельная эффективность капитала имеет технологическую составляющую, и сама определяет интенсивность технологического развития – «инвестирование определяется отношением предельной эффективности капитала к норме процента» (Хансен, 1997, с. 126). Таким образом объясняются периоды в развитии экономики, когда инвестировать в новые технологии становится выгодно. С другой стороны, автономные инвестиции, которые как раз и начинают процесс технологического обновления экономики, оказываются у него в итоге экзогенными, появляются как *deus ex machine* – «Размеры автономных инвестиций в основном зависят от импульсов к росту, присущих техническому развитию» (Там же, с. 291). Основное внимание ученый бросил на сверхмультипликативный эффект, присущий фазам роста и спада, сам переход между циклами остался в тени анализа, и тогда неясно, почему у экономического цикла имеется периодичность.

В неоклассическом направлении экономической мысли НТП как источник роста рассматривается принципиально экзогенно. У Солоу (Solow, 1957, p. 316, 320²) в его модели совокупного выпуска источником роста является процесс изменения производительности в ходе взаимодействия труда и капитала. При этом за 35% изменения производительности и 87,5% изменения совокупного выпуска в его модели ответственны технические изменения, причина которых не обсуждается. НТП здесь оказывается полностью экзогенным, причем модель допускает его нейтральность на длинных временных интервалах.

В дальнейшем в неоклассическом направлении наблюдались попытки эндогенизировать НТП. Так появилась теория эндогенного экономического роста П. Ромера (Romer, 1994). НТП был эндогенизирован в экономическом росте через поня-

² URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/Solow1957.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

тие обучения (изучение роста было выведено на уровень фирмы). Экономический рост в этом случае предстает как следствие инноваций обучающейся организации с человеческим капиталом. Человеческий капитал является важным фактором возникновения инноваций в фирме, однако периодичности всплесков экономического роста, периодичности технологических рывков в развитии макроэкономической системы он объяснить не может. Фактически, у Ромера объясняется процесс перманентного улучшающего инноваторства без внимания к периодичности базисных инновационных прорывов.

В развитие неоклассической теории Р. Лукас отдает большую роль технологиям в формировании экономического роста, прежде всего, межстрановых различий. Технологии при этом рассматриваются у него как «запас полезного знания», который «принадлежит всему человечеству» (Лукас, 2013, с. 57), качественные различия между технологиями остаются за кадром. По сути, роль технологий в экономическом росте сведена к модели человеческого капитала, представленного перманентной функцией (Лукас, 2013, с. 58-89) – «экономическое чудо, продолжающееся на протяжении десятилетий, поэтому подразумевает постоянный ввод в производство новых товаров» (Там же, с. 135), резкого технологического перехода не предполагается – «Пока уровень второй технологии достаточно низок, она невыгодна, но рано или поздно станет выгодно использовать обе технологии» (Там же, с. 238), а модель роста детерминирована демографическими факторами. Как и у Ромера, в известной модели Узавы-Лукаса (Lukas, 1988), эффект экономического роста связывается с процессом обучения в процессе деятельности и перманентного накопления человеческого капитала, а также внешних эффектов от него.

Но ведь процесс технологических рывков в развитии экономики не является непосредственно результатом обучения персонала в фирме, подвижка к технологическому рывку, запускающему всплеск экономического роста, зачастую приходит извне, со стороны науки – как внутрифирменной (выделенные подразделения фирмы, занимающиеся НИОКР), так и со стороны фундаментальной науки в университетах и академиях.

В своей более ранней работе Р. Лукас, исследуя природу экономического цикла, сводит ее к колебаниям вокруг равновесного уровня экономического роста (Lucas, 1977), причины остаются в стороне.

В вопросе о причинах колебаний экономической активности появилось понятие внешнего шока, что было реализовано монетаристами, причем предполагалось, что толчком к росту после замедления оказывается правительственный денежный шок (Friedman, Schwartz, 1982) – рукотворная причина колебаний экономической активности. Пытаясь преодолеть представление о рукотворности экономического цикла, теория реального экономического цикла Ф. Кидланда и Е. Прескотта (Prescott, Kydland, 1990), по сути, вводит понятие технологического шока вместо монетарного для этого объяснения. Забегая немного вперед, следует отметить, что так произошел откат к открытию заново хорошо известных позиций о роли технологий и их влиянии на экономическую динамику, давно (в 70-е-80-е годы) развитых в теории структурной неустойчивости (Mensch, 1979), технико-экономических парадигм (Perez, 1983) и технологических укладов (Львов, Глазьев, 1986). Ограничением теории реального делового цикла, делающим ее экзогенной теорией о связи между технологиями и экономическим развитием, является от-

сутствие объяснения причины возникновения самих технологических шоков, из-за чего не ясна периодичность их возникновения примерно через равные промежутки времени.

Интересно развитие этих идей в неошумпетерианстве. Ф. Агийон и П. Хьюитт использовали шумпетерианскую идею о роли конкуренции между инновационными фирмами и, таким образом, объяснили экономический рост на основе эффектов от внедрения частным бизнесом новых технологий³.

Приведенный обзор (не охватывающий всех возможных, в том числе последних лет, исследований) преследовал цель показать теоретические основания ядра современной экономической теории в ее отношении к проблемам взаимосвязи между понятиями роста, развития и НТП. Без учета различных уточнений и усложнений описанных подходов в целом видно, что механизм участия НТП в процессе формирования экономического роста в доминирующей ветви экономической теории раскрыт не полностью. Экономический рост рассматривается как перманентный, участие технологического процесса в нем также предполагается перманентным. Между тем существует экономический цикл, который как раз и дает возможность различения между экономическим ростом и экономическим развитием. В трактовке экономического цикла доминирующая парадигма также скорее предполагает его скорее случайный (рукотворный) характер. Повторяющаяся продолжительность экономических циклов, ритмичность смены поколений ведущих технологий позволяют предполагать их неслучайность, и более того, их причинный характер, играющий роль механизма в экономическом росте.

Доминирующей парадигме присуща двойственность – с одной стороны, попытки учесть НТП в процессе роста, с другой – непризнание за ним причинного, «механизменного» характера. Более того, как в случае с теорией реального делового цикла, ученые стремятся открыть уже давно открытые закономерности, открывают их лишь частично и получают за это нобелевские премии. Между тем указанная двойственность, начиная с 70-х гг., была снята в моделях структурной неустойчивости, как можно в целом назвать класс теорий, признающих за НТП роль ведущей причины экономической динамики – роста и развития.

Экономическое развитие и рост с позиций теории длинных волн.

Модели структурной неустойчивости. Эндогенный НТП

Объяснение причин экономического цикла теоретиками конъюнктуры (М.И. Туган-Барановским, Н.Д. Кондратьевым, Г. Касселем (Кассель, 1925) и другими), а также теория инноваций Й. Шумпетера 1911 года (Шумпетер, 1982) могут быть охарактеризованы как предтечи современных моделей структурной неустойчивости. У Шумпетера инновации возникают в экономической системе дискретно, вызываются периодической активностью предпринимательского духа, порождают дискретность экономического развития. Шумпетер, учитывая наработки Н.Д. Кондратьева, создал трехциклическую модель (Shumpeter, 1939), в которой три вида экономических циклов (60-летний Кондратьевский, 10-летний Жюглара и 3-летний Китчина) порождались всплесками инновационной активности предпринимателей разной степени радикальности. У Шумпетера это пока было экзогенное объясне-

³ Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction. NBER 1050 Massachusetts. January 1990. URL: <https://www.nber.org/papers/w3223> (дата обращения: 15.06.2024).

ние дискретности экономической динамики. Считалось, что в состоянии нулевой экономической прибыли экономика находится в равновесии и может находиться в ней неопределенно долго, пока не появится инноватор-предприниматель, который «взорвет» равновесие и создаст источник новой прибыли (инновационной, временно монопольной). Прибыль будет существовать до тех пор, пока не кончится инновационная монополия, не появятся последователи-подражатели, которые за счет конкуренции сведут ее к нулю. Затем цикл повторится. Почему цикл повторяется, у Шумпетера было неясно, хотя у Кондратьева, на которого он опирался, уже были наметки эндогенного объяснения периодичности технологических скачков экономическими условиями, о чем речь шла выше.

Пробел в теории заполнил в 1975 г. Г. Менш в своей работе «Технологический пат» (Mensch, 1979). Прорыв состоял в объединении теорий Шумпетера и Кондратьева с объяснением особой роли экономической депрессии в формировании технологического толчка. Менш вводит понятие кластера технологий: на протяжении долгих лет и даже десятилетий новые технологические решения могут накапливаться, оставаясь без применения, потому что их внедрению мешает доминирующая технология, которая еще не до конца окупилась. Только когда она начинает устаревать (вступает в силу закон убывающей отдачи от применяемой технологии) (Mensch, 1979, p. 62), и в экономике наступает депрессия, создаются условия к тому, чтобы накопленные новые технологии «выстрелили», как из обоймы – депрессия становится «триггером». Так появилось эндогенное объяснение роли технологий в экономическом развитии: их динамика, время их вступления в силу как агентов экономики определяется экономическими условиями. Только изобретательский процесс идет почти непрерывно, зависит от вдохновения технических гениев. А процесс внедрения зависит от того, какая фаза экономического цикла доминирует. И именно для 60-летних циклов Кондратьева – длинных волн – открытые Меншем зависимости оказались наиболее релевантными. Тут пригодилось и разделение инноваций на базисные (которые коррелируют с длинными волнами) и улучшающие (коррелирующие в циклами Жюглара). Вот как выглядит эндогенная технологическая длинная волна (очередной технологический стиль), если следовать логике Г. Менша:

- Внедрение инновации в период депрессии порождает открытие новых рынков.
- Диффузия инновации в период оживления и раннего процветания сопровождается расширением рынков.
- Насыщение рынков и достижение технологического предела в окрестности верхней поворотной точки цикла порождает нарастание институциональной косности экономической системы.
- Тиражирование продукта в период позднего процветания и рецессии усиливает процессы насыщения рынков, достижения технологического предела и роста институциональной косности организаций, что порождает депрессию.
- Депрессия ставит экономических агентов в ситуацию выбора, стимулируя их к внедрению инноваций.

В теории Менша ощущается и влияние кейнсианства, в частности, вот его логика преобразования харродовского мультипликатора (Mensch, 1979, p. 103):

- Инвестиции в базисные нововведения обуславливают рост производства, индуцирующий появление вторичных улучшающих и замещающих устаревшие технологии.

- Внедрение вторичных нововведений сопровождается вторичными инвестициями, стимулирующими дальнейший рост производства.

- Таким образом, инновационный мультипликатор оказывает мощное влияние на рост производства, выводя экономику из состояния депрессии в стадию долговременного подъема.

Г. Менш представил метаморфозную модель (Mensch, 1979, p. 73), в которой на одном графике соединяется последовательность s-образных кривых, описывающих технологическое развитие и синусообразная кривая, описывающая движение длинных волн. Периоды провалов между волнами – это время, когда одновременно до стадии плато (отсутствие роста на высоте развития) доходит s-образная кривая предыдущего технологического стиля и зарождается (находится на уровне роста, близком к нулю), s-образная кривая следующего технологического стиля.

Когда Г. Менш был с научным визитом в Санкт-Петербурге в 2012 году, мы обсуждали с ним его модель структурного сдвига (Рисунок 5). Менш говорил, что этот период – совпадения верхнего и нижнего плато s-образных кривых с фазой депрессии длинных волн – является периодом структурной неустойчивости, и именно экономические условия (как и у Н.Д. Кондратьева), порождают структурный сдвиг (structural shift). Таким образом, экономическое развитие состоит из серии накладывающихся s-образных кривых (overlapping curves). Это визуальное представление 2012 года Меншем не было опубликовано, я привожу его копию.

Это представление было выявлено Меншем эмпирически (Mensch, 1979, p. 176), (Mensch et al., 1981). Оно лежит в его оценке будущих тенденций развития экономики в одной из его последних публикаций (Mensch, 2005).

Можно сказать, далее следуя логике Г. Менша, что экономический структурный сдвиг лежит в основе триггерного характера депрессии, высвобождающего новые технологии и порождающего новые отрасли, он лежит в основе дальнейшей отраслевой трансформации экономики. А технологическое развитие (рождение нового технологического стиля после депрессии) и соответствующее развитие отраслей экономики порождают экономический рост. Условия же экономического роста меняются в зависимости от фазы длинной волны и определяют условия развития технологий.

Вот эта эндогенная модель с обратной связью, в которой экономика определяет развитие технологий, а технологии определяют развитие экономики, с особым вниманием к периодам структурных сдвигов, обозначенная здесь как модель структурной неустойчивости, породила ряд последующих эндогенных моделей, которые можно отнести к тому же классу.

Так, в теории экономического развития С.Ю. Глазьева (Глазьев, 1990; 1993) было введено понятие технологического уклада как многоотраслевого комплекса, с особо пристальным вниманием к характеристикам составных частей, элементов уклада – ядра, несущих отраслей, ключевого фактора. Вслед за логикой Менша С.Ю. Глазьев ввел понятие технологического скачка. Технологические скачки объясняются эндогенными экономическими процессами перехода от одного технологического уклада к другому.

В соавторстве в Г. Фетисовым он создал модель развития технологии в условиях неадекватного окружения (Обучение рынку, 2004, с. 50). Параллельно Дж. Доси и К. Перес (Perez, 1983); (Перес, 2011) ввели понятие технико-экономической парадигмы, развитое Перес, с включением в состав определяющих экономическое развитие факторов финансовые, социальные и институциональные условия, стимулирующие или, напротив, тормозящие технологический процесс.

К классу моделей структурной неустойчивости можно отнести работы В.И. Маевского, С.Ю. Малкова, Р.М. Нижегородцева (Маевский, 1994); (Маевский, Малков, 2013); (Нижегородцев, 2011) и некоторых других авторов. Количество их невелико, а сама теория не очень популярна, хотя и обладает колоссальным объяснительным потенциалом.

Экономическое развитие и рост с позиций теории длинных волн

Что лежит за структурным сдвигом? Закон убывающей отдачи от дальнейших вложений в развитие технологии (Mensch, 1979, p. 62-63). Этот закон является частным случаем закона убывающей отдачи. Этот закон определяет, наряду с другими факторами (Румянцева, 2003), неизбежность спада, каким бы мощным ни был предшествующий рост. Но и каким бы ни был сильным спад в экономике, совокупность экономических сил, формирующаяся на дне длинноволновой депрессии, стимулирует всплеск технологической активности и закладывает основу будущего роста.

Именно в этом и состоит диалектика экономического роста и экономического развития. Экономический рост объективен, но он не постоянен – стабильный мощный экономический рост – это всего лишь период в ходе цикла экономического развития, на что указывает, в частности, вышеописанная модель Б. Берри.

Экономическое развитие осуществляется через цикл, цикл является механизмом экономического развития.

Ключевой для развития фазой экономического цикла является фаза депрессии, поскольку в этой фазе внедряются инновации.

Экономическое развитие технологически обусловлено, при этом возможность для внедрения базисных технологических инноваций имеется не всегда, а только в фазах депрессии и начала оживления экономического цикла.

Экономический рост имеет двойственную природу. С одной стороны, если рассматривать процесс в темпах прироста, экономический рост – это повышательный этап циклического развития экономики (фаза оживления и фаза процветания). С другой стороны, если обратиться к абсолютным показателям, экономический рост – это общий тренд (Рисунок 1), направленность экономического развития, фрактально состоящего из серии последовательно сменяющих друг друга структурных сдвигов. Если под завалированной поверхностью того, что мы видим в абсолютных значениях экономического роста, не будет процесса тонкой самонастройки экономики – того, что мы видим в реализации экономического цикла в темпах прироста – не будет и экономического развития.

Рекомендации в области экономической политики, которые строятся с учетом циклической динамики экономики и теории длинных волн, отличаются от стандартных рецептов, прописанных мейнстримом. Прежде всего, они нацелены на разработку инструментов промышленной политики, и здесь ярчайшим примером

может служить творчество В.Т. Рязанова (напр., Рязанов, 2016). Это тема отдельного исследования, здесь лишь заметим, что поскольку на принятие решений на высшем уровне в России оказывает влияние и парадигма мейнстрима, и парадигма теории длинных волн, в ряде случаев можно заметить противоречащие друг другу рекомендации в одном «пакете» (Коммерциализация..., 2021).

Заключение

Существует большое количество теорий, учитывающих и изучающих рост и развитие, очень многие здесь остались за кадром – например, теория экономики развития, изучающая межстрановые различия (к чему склоняется и Р. Лукас), которую развивал в нашей стране Р.М. Нуреев. Я сознательно обошла посткейнсианство из-за его очень тонкого баланса на грани эндогенного и экзогенного объяснения экономического цикла, это мешало бы ясность картины, но здесь ради точности надо вспомнить о посткейнсианстве, поскольку потенциально у него имеется очень неплохой потенциал синтеза с моделями структурной неустойчивости в вопросе эндогенного объяснения экономического развития. Отдельную проблему представляет теория устойчивого развития, и трактовка самого термина устойчивости, которая иногда вызывает вопросы – с одной стороны, существует концепция устойчивого эколого-социально-экономического развития, с другой стороны, под устойчивостью часто просто понимают стабильный рост.

За кадром остались и разработки института MERIT под руководством Г. Сильверберга – сверхсложные матмодели, нацеленные на расчет эндогенного НТП в росте с учетом циклической составляющей, а также модели IASA. У этих моделей есть будущее, но они не популярны и не имеют такого же мирового признания, как неоклассические мейнстрим и его ответвления. Список нерассмотренного можно продолжить.

Главной же целью данной статьи было показать, что эндогенные механизмы экономического развития были глубоко осознаны учеными еще в 70-е годы прошлого века, задолго до появления эндогенных моделей экономического роста, в которых прорывные аспекты НТП остаются внешним фактором. Современные направления мейнстрима стремятся открыть закономерности, уже давно открытые в науке. А у моделей структурной неустойчивости и теории длинных волн как их подвидов есть потенциал в объяснении логики и механизма движения экономической материи.

ЛИТЕРАТУРА

Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. Отв. ред. Д.С. Львов; АН СССР, Центр. экон.-мат. ин-т. М.: Наука, 1990. – 230 с.

Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева. М.: ВладДар, 1993. – 310 с.

Кассель Г. Теория конъюнктур. Пер. с нем. Б. Лифшиц. Предисл. проф. И. Трахтенберг. Центр. упр. печати ВСНХ СССР. М.: Б.и., 1925. – VI, 3-144.

Коммерциализация технологических разработок в России: эволюционно-циклический подход / С.Ю.Румянцева [и др.] М.: Проспект, 2021. – 256 с.

Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: МФК, 2002. – 767 с.

Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. Пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 288 с.

Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. Т. 22. Вып. 5. С. 793-804.

Маевский В.И. Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика; Рос. АН, Ин-т экономики, Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева. М.: Б.и., 1994. – 39 с.

Маевский В.И., Малков С.Ю. Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: ИНФРА-М, 2013. – 236 с.

Нижегородцев Р.М. Неравновесная динамика макросистем и механизмы преодоления мирового кризиса. Новочеркасск: «НОК», 2011. – 100 с.

Обучение рынку. Под ред. С.Ю. Глазьева. М.: Экономика, 2004. – 639 с.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания. Пер. с англ. Ф.В. Маевского, науч. ред. пер. С.Ю. Глазьев, В.Е. Дементьев; Акад. народного хоз-ва при Правительстве Российской Федерации, Центр эволюционной экономики. М.: Дело, 2011. – 231 с.

Румянцева С.Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2003. – 231 с.

Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. – 695 с.

Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы в современной Англии. Их причины и влияние на народную жизнь: Дис. Санкт-Петербург: Типография Скороходова, 1894. – 512 с.

Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. Т. 2. В кн.: Классики кейнсианства. В 2-х т. Сост. А.Г. Худокормов. М.: Экономика, 1997. – 411 с.

Шумпетер Й. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Перевод с нем. В.С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

Berry V.J.L. Long-wave Rhythms in Economic Development and Political Behaviour. Baltimore; London, 1991. – 241 p.

Friedman M., Schwartz A.J. Monetary Trends in the United States and the United Kingdom. Their Relations to Income, Prices and Interest Rates, 1869-1975. Chicago – London, 1982. – 664 p.

Lucas R.E. Understanding Business cycles. Stabilisation of the domestic and international economy. Ed by. K. Brunner, A.H. Meltser. Amsterdam, 1977. – 318 p.

Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development. Journal of Monetary Economics. 1988. № 22. Pp. 3-42.

Mensch G. Stalemate in Technology. Innovation Overcome the Depression. Ballinger Publishing Company. Cambridge, Massachusetts, 1979. – 241 p.

Mensch G., Coutinho C., Kaasch K. Changing Capital Values and the Propensity to innovate // Futures. 1981. Vol 13. № 4. Pp. 279-292.

Mensch G. If This Long Wave Steep-Up and Breaks: That Then? // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam, 2005. – 337 p.

Perez K. Structural Changes and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System. *Futures*. 1983. № 15. Pp. 357-375.

Prescott E., Kydland F. Business Cycles: Real Facts and Monetary Myth. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*. 1990. Vol. 14. № 2. Pp. 3-18.

Romer P.M. The Origins of Endogenous Growth. *The Journal of Economic Perspectives*. 1994. Vol. 8. № 1. Pp. 3-22.

Shumpeter J. *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. NY.: McGraw-Hill, 1939. – 672 p.

Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function. *The Review of Economics and Statistics*. 1957. Vol. 39. № 3. Pp. 312-320.

Информация об авторе

Румянцева Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры экономической теории и истории экономической мысли экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

(E-mail: s.pumyantseva@spbu.ru) (elibrary AuthorID: 423843) (ORCID: 0000-0003-1105-8868) (Researcher ID (WOS) N-2557-2013) (SCOPUS ID 57203922781)

REFERENCES

Berry B.J.L. Long-wave Rhythms in Economic Development and Political Behaviour. Baltimore; London, 1991. – 241 p.

Commercialization of technological developments in Russia: Evolutionary Cyclic Approach. M.: Prospekt, 2021. – 256 p. (In Russ.)

Glaziev S.Yu. Economic Theory of technical Development. Ed. By D.S. Lvov. AS USSR, CEMI RAS. M.: Nauka, 1990. – 230 p. (In Russ.)

Glaziev S.Yu. Theory of long-term technical and economic development. IKF. M.: Vldar, 1993. – 310 p. (In Russ.)

Friedman M., Schwartz A.J. Monetary Trends in the United States and the United Kingdom. Their Relations to Income, Prices and Interest Rates, 1869-1975. Chicago - London, 1982. – 664 p.

Hansen A.H. Business Cycles and National Income. Vol. II. In: *Classics of Keynesianism*. In 2 volumes. Compiled by A.G. Hudokormov. M.: Ekonomika, 1997. – 411 p. (In Russ.)

Kassel G. The theory of conjunctures. Translation from German B. Lifshits. Preface prof. I. Trahtenberg. Central Publishing Department SCNE USSR. M., 1925. – VI, 3-144. (In Russ.)

Kondratiev N.D. Big cycles of conjuncture and the theory of foresight. M.: IFK, 2002. – 767 p. (In Russ.)

Lucas R.E. Understanding Business cycles. Stabilisation of the domestic and international economy. Ed by. K. Brunner, A.H. Meltser. Amsterdam, 1977. – 318 p.

Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. 1988;(22):3-42.

Lucas R.E. Lectures on economic growth. Translation from English D. Shestakov. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2013. – 288 p. (In Russ.)

Lvov D.S., Glaziev S.Yu. Theoretical and applied aspects of scientific and technological progress management. Economics and mathematical methods. 1986;22(5):793-804.

Mayevsky V.I. Kondratiev cycles, economic evolution and economic genetics, Ross. AS, Institute of Economics, IFK. M., 1994. – 39 p. (In Russ.)

Mayevsky V.I., Malkov S.Yu. A new look at the theory of reproduction. M.: INFRA-M, 2013. – 236 p. (In Russ.)

Market training. Ed.by. S.Yu. Glaziev. M.: Economica, 2004. – 639 p. (In Russ.)

Mensch G. Stalemate in Technology. Innovation Overcome the Depression. Ballinger Publishing Company. Cambridge, Massachusetts, 1979. – 241 p.

Mensch G., Coutinho C., Kaasch K. Changing Capital Values and the Propensity to innovate. Futures. 1981;13(4):279-292.

Mensch G. If This Long Wave Steep-Up and Breaks: That Then. Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam, 2005. – 337 p.

Nizhegorodtsev R.M. Non-equilibrium dynamics of macrosystems and mechanisms for overcoming the global crisis. Novochoerkassk: NOK, 2011. – 100 p. (In Russ.)

Perez K. Structural Changes and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System. Futures. 1983;(5):357-375.

Perez K. Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and prosperity. Translation from English. F.V. Mayevsky. Ed.by. S.Yu. Glaziev, V.E. Dementev; Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation, Center for Evolutionary Economics. M.: Delo, 2011. – 231 p. (In Russ.)

Prescott E., Kydland F. Business Cycles: Real Facts and Monetary Myth. Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review. 1990;14(2):3-18.

Romer P.M. The Origins of Endogenous Growth. The Journal of Economic Perspectives. 1994;8(1):3-22.

Rumyantseva S.Yu. Long waves in economics: multifactor analysis. SPb.: Saint Petersburg University Publishing House, 2003. – 231 p. (In Russ.)

Ryazanov V.T. (An)Real Capitalism. Political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia. M.: Economica, 2016. – 695 p.

Shumpeter J. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. NY: McGraw-Hill, 1939. – 672 p.

Shumpeter J. Theory of Economic Development: (Study of business profit, capital, credit, interest and business cycle). Translation from German V.S. Avtonomov et al. M.: Progress, 1982. – 455 p. (In Russ.)

Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function. The Review of Economics and Statistics. 1957;39(3):312–320.

Tugan-Baranovsky M.I. Industrial crises in modern England. Their causes and influence on people's life: Dis. St. Petersburg: Skorokhodov Printing House, 1894. – 512 p.

Information about the author

Svetlana Yu. Rumyantseva – Ph.D. in Economics, Associate professor, Senior lecturer of Department of Economic Theory and History of Economic Thought, Faculty of Economics, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

(E-mail: s.pumyantseva@spbu.ru) (elibrary AuthorID: 423843) (ORCID: 0000-0003-1105-8868) (Researcher ID (WOS) N-2557-2013) (SCOPUS ID 57203922781)

Рисунки

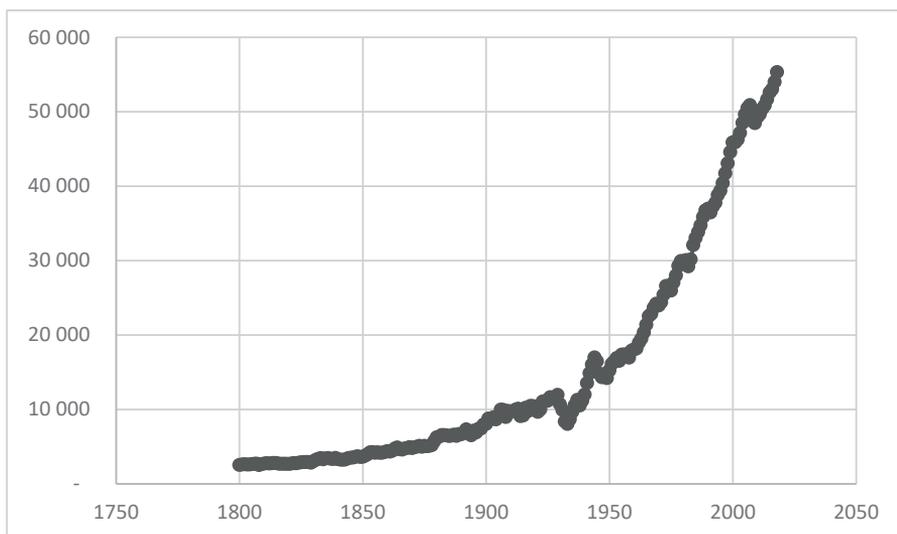

Рисунок 1. ВВП США 1800-2018, в постоянных ценах 2011 г., трлн долл.

Источник: Составлено по: Сайт Университета Гронингена. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020> \ (дата обращения: 07.07.24).

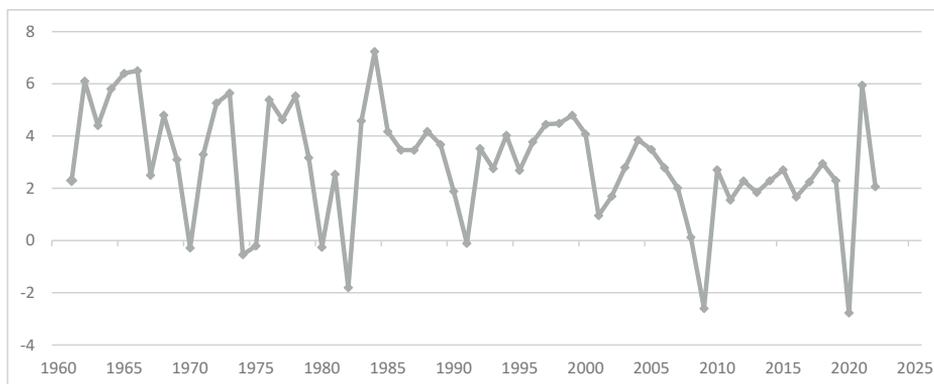

Рисунок 2. Темп роста ВВП США (ежегодные процентные изменения) 1960–2022 гг.

Источник: Составлено по: База данных мирового банка. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=USA> (дата обращения: 13.12.23). В настоящий момент ресурс недоступен в России по причине санкций.

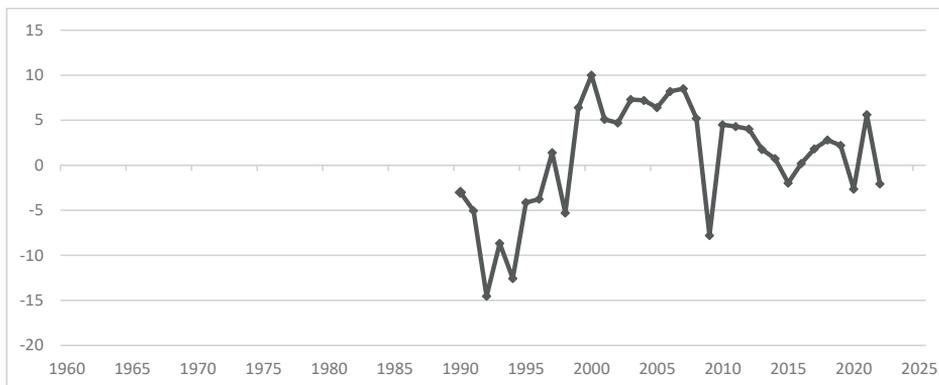

Рисунок 3. Темп роста ВВП РФ (ежегодные процентные изменения) 1990-2021 гг.

Источник: Составлено по: База данных мирового банка. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/preview/on> (дата обращения: 13.12.23). В настоящий момент ресурс недоступен в России по причине санкций.

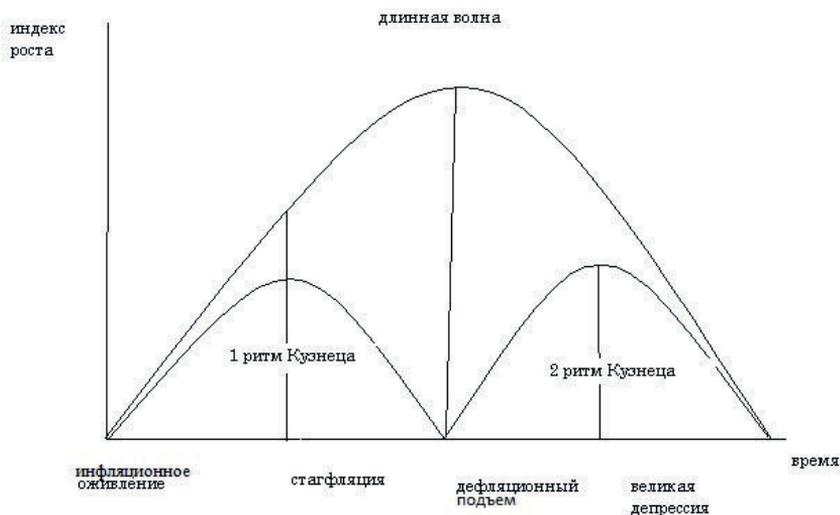

Рисунок 4. Модель Б.Берри

Источник: (Berry, 1991, p. 127).

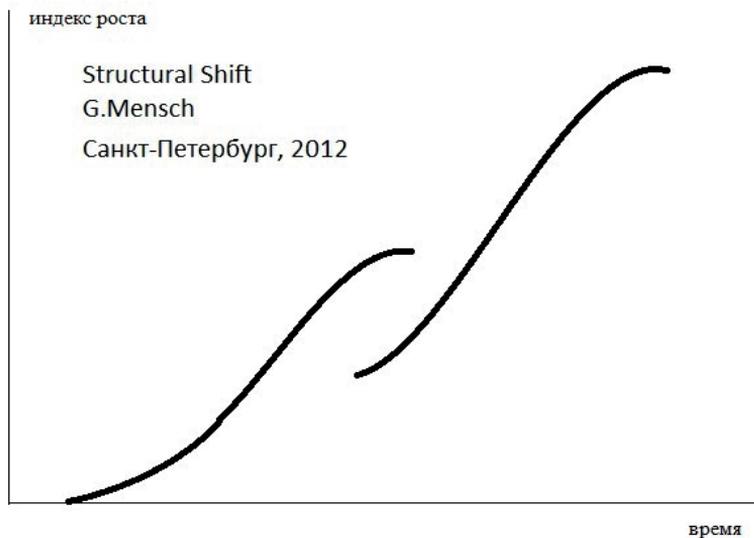

Рисунок 5. Модель структурных сдвигов Г. Менша (2012)

Источник: Компьютерная обработка собственноручного рисунка Г. Менша, сделанного им в нашей совместной беседе при обсуждении явления структурного сдвига в Санкт-Петербурге летом 2012 года.

Статья поступила в редакцию: 17.07.2024; одобрена после рецензирования: 16.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

УДК: 330.35

DOI: 10.5281/zenodo.13895675 <https://zenodo.org/record/13895675>

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Теняков Иван Михайлович¹

Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (itenyakov@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-9921-6965)

Ключевые слова: *экономический рост, Россия, развитые страны, страны БРИКС, ге-экономическая трансформация, этапы развития России, структура экономического роста*

Для цитирования: Теняков И.М. Экономический рост в России в контексте глобальных трансформаций // Вопросы политической экономики. 2024. № 3(39). С. 99-109.

ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Ivan M. Tenyakov

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (itenyakov@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-9921-6965)

Keywords: *economic growth, Russia, developed countries, BRICS countries, geo-economic transformation, stages of Russian development, structure of economic growth*

For citation: Tenyakov I.M. Economic growth in Russia in the context of global transformations. Problems in Political Economy. 2024;3(39):99-109.

JEL codes: E20, O40, P27

Введение

За прошедшее сорокалетие в мировой экономике обозначились глобальные тенденции, связанные с изменением геополитических и геэкономических позиций «развитых» и «развивающихся» стран, повышением роли развивающихся стран и снижением влияния развитых экономик. Согласно концепции системных циклов накопления капитала Дж. Арриги, имеет место завершение векового американского цикла и переход к азиатскому циклу накопления, а центр мировой экономики перемещается из Северной Америки в Восточную Азию (Арриги, 2009). Как отмечает С.Д. Бодрунов, усиление противоречий в мировом развитии – следствие

¹ © Теняков И.М., 2024

перехода к шестому и отчасти к седьмому технологическим укладам, а глобальной экономики – к новому (интегральному) мирохозяйственному укладу, формирование Нового индустриального общества второй генерации (НИО.2) (Бодрунов, 2023). В аспекте экономического роста происходит переход от зрелого индустриального к неоиндустриальному типу экономического роста (Теняков, 2017).

Указанные трансформации сопровождаются перераспределением экономического потенциала между макрорегионами, усложнением глобальных цепочек создания стоимости, усилением международной конкуренции – все это на фоне разворачивающейся цифровизации и Четвертой промышленной революции (с 2010-х гг.). Так, за последние два десятилетия произошли существенные изменения в структуре международной торговли товарами обрабатывающей промышленности. Как отмечается в статье (Симачев и др., 2022, с. 7), выросла доля товаров, производимых высококвалифицированным трудом в обрабатывающей промышленности: с 37,7% в 1995 г. до 44,2% в 2020 г., в то время как доля трудо- и ресурсоинтенсивных товаров снизилась с 17,3% в 1995 г. до 12,9% в 2020 г. При этом произошел существенный рост доли развивающихся стран в торговле товарами, требующими высококвалифицированного труда, с 26,3% в 1995 г. до 50,8% в 2020 г. Это было связано с использованием преимуществ дешевой рабочей силы и включения развивающихся стран в глобальные цепочки создания стоимости. По оценкам авторов указанной работы, с 1980-х гг. происходило активное расширение доли Китая в глобальных цепочках создания стоимости: с 0,5% в 1980 г. до 12,1% в 2020 г. при сокращении доли США с 13,8% в 2000 г. до 9,5% в 2020 г.

Изменение позиций разных групп стран в мировой экономике по ВВП также имеет устойчивую тенденцию. Так, по данным МВФ², если в 1980 г. на развитые страны приходилось 62,7% мирового ВВП по ППС, то в 2023 г. – уже 41,2% (на развивающиеся страны – соответственно 37,3% и 58,8%). При этом развитие разных групп стран происходило неравномерно. В современной мировой экономике деление на «развитые» и «развивающиеся» страны уже недостаточно, необходима более разнообразная классификация групп стран. Например, в работе (Григорьев, Майхрович, 2023, с. 33) предлагается выделять 7 кластеров стран по критерию среднего значения ВВП на душу населения (в международных долларах 2017 г. по ППС). Возможны и другие классификации: так, МВФ традиционно выделяет среди развитых стран ведущие развитые страны («Большая семерка»), страны Европейского Союза, страны зоны евро, а развивающиеся страны группируются по регионам – Европы, Азии, Ближнего Востока и Центральной Азии, Латинской Америки, Африки южнее Сахары. В этой связи особый интерес представляет сравнение экономических позиций группы ведущих развитых стран («Большая семерка») и стран группы БРИКС, которые, несмотря на географическую разбросанность, обладают рядом общих свойств – крупным масштабом территории и экономики по отношению к своим геоэкономическим регионам, в ряде случаев - высокими темпами роста и качественных преобразований (Китай, Индия), значимой ролью в мировой геополитике (Китай, Россия).

² IMF World Economic Outlook Databases. April 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 03.05.2024).

Геоэкономическая трансформация: страны БРИКС vs «Большая семерка»

Остановимся более подробно на основных экономических показателях, характеризующих изменение геоэкономических позиций стран БРИКС и стран «Большой семерки» (Таблица 1). В качестве рассматриваемого периода возьмем период с 1992 г. по настоящее время, важный с точки зрения выделения этапов экономического развития России (постсоветский период).

Таблица 1

Основные показатели экономического развития стран БРИКС и «Большой семерки» в 1992–2023 гг.

Показатель	«Большая семерка»			страны БРИКС		
	1992	2003	2023	1992	2003	2023
Доля в мировом ВВП по ППС, в %	45,7	43,9	30,0	16,5	20,0	32,1
Доля в мировом экспорте по ППС, в %	55,8**	43,8	17,0	-	8,8*	17,0
Доля в мировом населении, в %	-	11,4	9,9	-	43,2*	41,5
Доля 3 отраслей материального производства (сельское хозяйство, промышленность, строительство) в мировом ВВП по ППС, в %	14,1	10,6	6,9	8,7	9,8	14,3
ВВП по ППС на 1% населения (проц. пункты)	-	3,85	3,03	-	0,46*	0,77

*Без учета Южно-Африканской Республики.

**Данные за 1990 г.

Источник: рассчитано автором на основе данных IMF World Economic Outlook Databases. April 2024. URL:<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 22.04.2024); World Economic Outlook. April 2024, p. 117; World Economic Outlook. September 2004, p. 191; World Economic Outlook. June 1993, p. 121; Статистики национальных счетов ООН. URL:<https://unstats.un.org/unsd/snaama/Index> (дата обращения: 22.04.2024).

Согласно данным Таблицы 1, за прошедшее тридцатилетие доля стран «Большой семерки» в мировом ВВП по ППС сократилась в 1,5 раза, в то время как доля стран БРИКС выросла почти в 2 раза. Более существенное сокращение претерпела доля экспорта стран «Большой семерки» – в 3,3 раза, причем, основной спад пришелся на период 2003–2023 гг. Напротив, доля экспорта стран БРИКС за этот период выросла в 1,9 раз. При этом по доле населения в мировом обе группы стран испытывали сокращение, однако разрыв между ними сохраняется на высоком уровне. В результате на 1% населения каждой группы стран приходится разная величина процентных пунктов ВВП: для «Большой семерки» наблюдалось некоторое снижение с 3,85 до 3,03 проц. пункта, а для стран БРИКС – рост с 0,46 до 0,77 проц. пункта. Указанное соотношение характеризует не только различия в производительности труда между группами стран, определяющиеся технологическими факторами, но и сохраняющееся неравенство в присвоении мировой валовой добавленной стоимости, которая может создаваться в одних странах, а присваиваться в других. Например, трудозатратные производства с низкой добавленной стоимостью передаются мировыми ТНК в страны с дешевой рабочей силой, а операции с высокой добавленной стоимостью сохраняются в развитых странах (Дзарасов, 2023).

Тем не менее постепенное повышение доли стран БРИКС в мировом производстве подрывает сложившиеся геоэкономические преимущества развитых стран. Показатель ВВП является недостаточной мерой для измерения относительных по-

зиций стран, поскольку включает в себя разнородные услуги, значительная часть которых носит финансово-спекулятивный характер и является не столько результатом экономического производства, сколько итогом перераспределения валовой добавленной стоимости (Маццукато, 2021). Более точной мерой относительного потенциала стран в мировой экономике могла бы стать доля отраслей материального производства (ОМП) – либо в мировом производстве, либо (с учетом сложности точного расчета данного показателя) – в мировом ВВП. В Таблице 1 представлены рассчитанные автором суммарные доли трех ОМП (сельское хозяйство, промышленность, строительство) стран «Большой семерки» и БРИКС в мировом ВВП. За рассматриваемый период доля стран БРИКС выросла в 1,6 раз, а доля стран «Большой семерки» снизилась в 2 раза. При этом в США указанный показатель снизился с 5% до 3%, а в Китае вырос с 2,8% до 8,7%. Таким образом, перенос материального производства западными ТНК в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой (прежде всего, в Китай) привел к «непредвиденным последствиям» в виде укрепления позиций указанных стран в мировой экономике и заявке (прежде всего, со стороны Китая) на пересмотр сложившегося мирового геоэкономического порядка.

Особенности экономической динамики постсоветской России

Перейдем теперь к характеристике экономической динамики России в постсоветский период. В ходе рыночных преобразований заметно сократилась доля России в мировом ВВП по ППС. По данным МВФ³, если в 1992 г. она составляла 4,85%, то к 1998 г. снизилась до 2,8%. Затем последовал некоторый рост – до максимального значения 3,7% в 2008 г., после которого доля России вновь стала снижаться с некоторыми колебаниями, опустившись в 2023 г. до 2,95%. Отметим, что схожая динамика среди стран БРИКС наблюдалась в Бразилии и ЮАР, чьи доли в мировом ВВП по ППС снизились с 3,2% и 0,8% в 1992 г. до соответственно 2,3% и 0,57% в 2023 г.

Изменение доли России в мировом ВВП по ППС является следствием более низкой траектории роста российской экономики относительно мировой. На Рисунке 1 показаны траектории экономической динамики России и США в сравнении с траекторией мировой экономики по отношению к базовому году (1990 г.), значение ВВП которого принято за 100% для каждой страны и мира соответственно.

Как следует из Рисунка 1, до 2003 г. динамика США примерно соответствовала мировой динамике, затем началось замедление роста американской экономики. В динамике российской экономики можно выделить три периода (Теняков, 2021). *Период трансформационного спада* охватывает 1991–1998 гг. и сопровождался падением основных макроэкономических показателей (ВВП, производства, доходов, инвестиций, занятости), ростом инфляции и государственного долга. В социально-экономическом плане он характеризовался преобразованиями отношений собственности и становлением институтов российского капитализма, принимавших различные «гибридные» формы сочетания элементов рыночной координации с корпоративно-бюрократическими формами аллокации ресурсов и социально-экономического присвоения (Бузгалин и др., 2021). Второй период – *период вос-*

³ IMF World Economic Outlook Databases. April 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 04.05.2024).

становительного роста (1999–2008 гг.) ознаменовался положительной динамикой ВВП и доходов, некоторым увеличением инвестиций, ростом занятости, постепенным снижением инфляции и бремени государственного долга. Если в первый период реальный ВВП России в среднем снижался на 7% в год, то во второй период темпы роста российской экономики оказались выше среднемировых – реальный ВВП рос в среднем на 7% в год. Однако в качественном плане высокие темпы роста сопровождалась дальнейшим структурным упрощением экономики: ускоренным развитием сферы услуг (преимущественно торгово-посреднических и финансовых) и добывающего сектора, снижением уровня сложности в обрабатывающей промышленности, которая все больше превращалась в «отверточную сборку» на основе импортных комплектующих. Сохранение отдельных высокотехнологичных производств (ОПК, атомная промышленность) было недостаточным для полномасштабной реиндустриализации российской экономики, которая в целом продолжала идти по пути деиндустриализации, проложенном еще в 1990-е гг. В социально-экономическом плане, несмотря на некоторое повышение роли государства и устранение крайностей «дикого капитализма» 1990-х гг., российская экономика в целом оставалась в рамках системы отношений олигархически-бюрократического капитализма полупериферийного типа (Теняков и др., 2022).

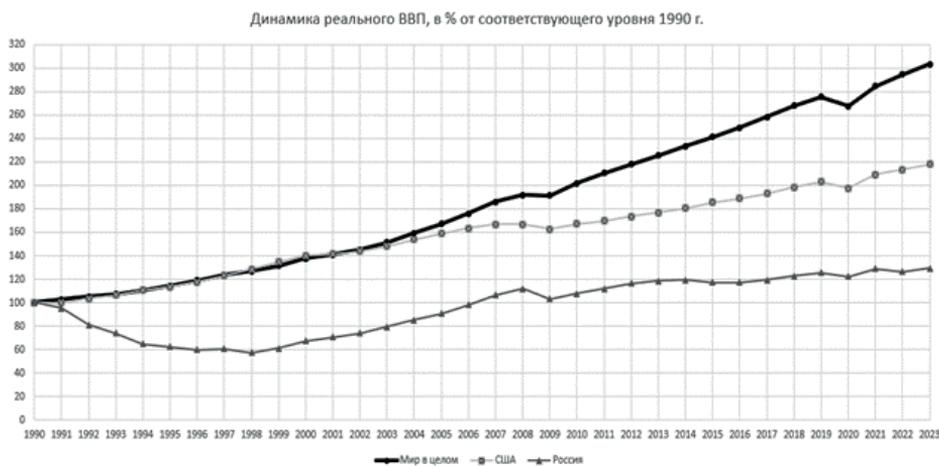

Рисунок 1. Динамика реального ВВП мировой экономики, США и России, в % от соответствующего уровня 1990 г.

Источник: составлено автором на основе данных МВФ. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 22.04.2024).

Третий период может быть охарактеризован как *период «новой нормальности»* (2009–2021 гг.), он отмечается неустойчивостью экономической динамики (спад конца 2008–2009 гг. как проявление мирового экономического кризиса в России; спад конца 2014–2015 гг. как проявление локальной рецессии; спад 2020 г. как следствие «коронакризиса») и низкими среднегодовыми темпами роста ВВП, не превышавшими 1%. Хотя замедление темпов роста в указанный период испытывала и мировая экономика, а также быстрорастущие страны Азии (в частности, Китай), российский «рост» на 1% в год оказался ниже не только среднемировых пока-

зателей, но даже показателей развитых стран, для которых долгосрочная стагнация (замедление темпов роста) характерна на протяжении последних 40 лет.

Неспособность обеспечить приемлемые (хотя бы на уровне мировых) темпы роста российской экономики после завершения периода восстановительного роста свидетельствует об ограниченности сложившейся в России экономической модели. Необходимость смены российской модели экономического роста давно обсуждается в экспертном сообществе⁴, однако в российском экономическом «мэйнстриме» до недавнего времени практически не рассматривалась.

Геополитическая трансформация, ускорившаяся с 2022 г. в связи с проведением Россией СВО на Украине, возможно, открывает начало нового этапа в экономическом развитии России. Усиление санкционного давления на российскую экономику и необходимость структурных изменений (начиная от изменений в направлениях экспортно-импортных потоков и заканчивая структурной трансформацией в промышленности, совокупном спросе и предложении) в сторону усиления суверенности экономики, повышению ее адаптивности к внешним шокам и большей опоре на внутренние источники развития объективно влечет за собой необходимость социально-экономической трансформации, смены сложившейся модели олигархически-бюрократического капитализма полупериферийного типа на модель суверенного социально-ориентированного капитализма с большей экономической ролью государства как выразителя общественных, а не кланово-корпоративных интересов и повышением социальной направленности экономического развития. Высокие темпы роста (3,6%), которые экономика России продемонстрировала в 2023 г., требуют для своего закрепления изменения сложившегося хозяйственного механизма, включая систему отношений присвоения. Переход к новому периоду развития сопряжен с высокой турбулентностью и неустойчивостью экономической динамики, которая наблюдалась в России в 2020–2023 гг. Тем не менее, можно подвести предварительные итоги этого переходного этапа.

Структура экономического роста России в 2020–2023 гг.

Охарактеризуем более подробно совокупные результаты экономического роста России в 2020 – 2023 гг. со стороны совокупного спроса (Таблица 2) и совокупного предложения (Таблица 3).

Таблица 2

Структура прироста реального ВВП России (в ценах 2021 г.) со стороны совокупного спроса, 2020–2023 гг. к 2019 г., в %

Компоненты прироста ВВП по спросу	в % к уровню 2019 г.	в % к итогу
Валовой внутренний продукт	5,6	100
1. Расходы на конечное потребление	10,6	125,0
- домашних хозяйств	10,5	91,0
- органов государственного управления	11,0	33,4
- НКО, обслуживающих домашние хозяйства	5,7	0,6

⁴ См., например: (Широв, 2016); (Ивантер и др., 2018); (Хубиев, Теняков, 2022); (Широв и др., 2024).

Продолжение таблицы 2

Компоненты прироста ВВП по спросу	в % к уровню 2019 г.	в % к итогу
2. Валовое накопление	30,2	118,0
- валовое накопление основного капитала	20,8	72,0
3. Чистый экспорт	-79,8	-154,3
4. Статистическое расхождение	30,2	11,3

Источник: рассчитано автором по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP-years%20of%20use-1995-2023.xls> (дата обращения: 22.04.2024).

Таблица 3

Структура прироста реального ВВП России (в ценах 2021 г.) со стороны совокупного предложения, 2020–2023 гг. к 2019 г., в %

Компоненты прироста ВВП по предложению	в % к уровню 2019 г.	в % к итогу
Валовая добавленная стоимость	7,7	100
А. Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	8,6	5,0
В. Добыча полезных ископаемых	-3,5	-6,3
С. Обрабатывающие производства	9,4	17,2
Д+Е. Производство и распределение электроэнергии, газа, воды, водоотведение, сбор и утилизация отходов	3,3	1,3
Ф. Строительство	12,5	8,3
Г. Торговля, ремонт автотранспортных средств	2,9	4,7
Н. Транспортировка и хранение	0,6	0,5
И. Гостиницы и предприятия общественного питания	13,6	1,6
Ж. Деятельность в области информации и связи	29,1	9,7
К. Финансовая и страховая деятельность	43,7	24,6
Л. Операции с недвижимым имуществом	5,0	6,8
М. Профессиональная, научная и техническая деятельность	6,6	3,8
Н. Административная деятельность	9,9	2,8
О. Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	18,4	16,4
Р. Образование	0,3	0,1
Q. Здравоохранение и социальные услуги	3,4	1,5
Р. Культура, спорт, развлечения	12,8	1,6

Источник: рассчитано автором по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDS_god_OKVED2_s2011-2023.xlsx (дата обращения: 22.04.2024).

Отметим расхождения в оценках динамики ВВП по спросу и предложению. Во втором случае показатель валовой добавленной стоимости берется без учета

чистых косвенных налогов, и его динамика оказывается выше, чем динамика ВВП в целом. Также в структуре ВВП со стороны спроса имеется значимая компонента «статистического расхождения», а данные Росстата за последние годы не позволяют отдельно рассчитать вклад экспорта и импорта в постоянных ценах и, таким образом, более детально учесть изменения в структуре компонент совокупного спроса.

Со стороны совокупного спроса существенное снижение наблюдалось по компоненте чистого экспорта (-79,8%), в то время как расходы на конечное потребление и валовое накопление росли быстрее, чем ВВП (на 10,6% и 30,2% соответственно). В результате, в структуре прироста ВВП по спросу на долю компонент потребления и накопления приходится 242 проц. пункта, а на долю чистого экспорта -154,3 проц. пункта. Таким образом, изменения в структуре динамики ВВП России со стороны спроса заключались в снижении роли чистого экспорта и повышении роли компонент внутреннего спроса.

Таблица 4

Динамика и вклад в прирост ВДС России подотраслей обрабатывающей промышленности (в ценах 2021 г.), 2020–2023 гг. к 2019 г., в %

Подотрасли обрабатывающей промышленности	в % к уровню 2019 г.	в % к итогу
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	5,45	1,31
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	17,82	0,5
Деревообработка и производство изделий из дерева (кроме мебели)	-2,31	-0,11
Производство бумаги и бумажных изделий	14,28	0,6
Полиграфия и копирование носителей информации	17,33	0,2
Производство кокса и нефтепродуктов	-1,63	-0,31
Производство химических веществ и продуктов	24,17	3,74
Производство лекарств и медицинских материалов	43,29	1,88
Производство резиновых и пластмассовых изделий	24,29	0,95
Прочая неметаллическая минеральная продукция	12,89	0,95
Металлургическое производство	-7,39	-3,17
Готовые металлические изделия, кроме машин и оборудования	60,99	6,59
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	52,22	3,61
Электрическое оборудование	21,92	0,69
Производство прочих машин и оборудования	11,68	0,63
Производство автотранспортных средств, прицепов	-42,5	-3,2
Производство прочих транспортных средств и оборудования	29,8	2,32
Производство мебели и прочих готовых изделий	40,74	1,1
Ремонт и монтаж машин и оборудования	10,43	0,74

Источник: рассчитано автором по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDS_god_OKVED2_s2011-2023.xlsx (дата обращения: 22.04.2024).

Со стороны совокупного предложения наибольший реальный прирост демонстрировали служебные виды деятельности: финансы и страхование (+43,7%), ин-

формация и связь (+29,1%), государственное управление и обеспечение военной безопасности (+18,4%), гостиницы и общепит (+13,6%), культура, спорт, развлечения (+12,8%). При этом и отрасли материального производства также росли темпами выше, чем ВДС в целом: строительство (+12,5%), обрабатывающее производство (+9,4%), сельское хозяйство (+8,6%). Абсолютный спад наблюдался только в добыче полезных ископаемых (-3,5%). Таким образом, несмотря на два кризиса в рассматриваемый период, материальное производство (виды деятельности А – F) по итогу продемонстрировало высокую динамику и дало 25,5 проц. пункта прироста, а без учета добычи полезных ископаемых – 31,8 проц. пункта.

Следует отметить, что ряд подотраслей обрабатывающей промышленности продемонстрировал двузначные темпы прироста по итогу рассматриваемого периода (производство готовых металлических изделий, компьютеров и электронно-оптических изделий, лекарств и медицинских материалов, мебели, прочих транспортных средств, электрического оборудования и др.) (Таблица 4).

Не все подотрасли обрабатывающего производства демонстрировали положительные темпы роста. Спад наблюдался в производстве автотранспортных средств, прицепов (-42,5%), металлургическом производстве (-7,4%), деревообработке, кроме мебели (-2,3%), производстве кокса и нефтепродуктов (-1,6%).

Таким образом, российская экономика в целом сумела адаптироваться и преодолеть кризисные явления, имевшие место в период 2020-2023 гг., и вызванные как шоками пандемии, так и геополитическими шоками. Структура российской экономики претерпела трансформацию в сторону большей ориентации на внутренний спрос и собственное производство, однако указанные трансформации еще далеки от завершения. Как было отмечено выше, для закрепления наметившихся позитивных структурных сдвигов необходима смена модели социально-экономического развития России, перехода (на текущем этапе) к модели суверенного социально-ориентированного капитализма с большей экономической ролью государства как выразителя общественных, а не кланово-корпоративных интересов и повышением социальной направленности экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.

Бодрунов С.Д. Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 8-14. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-8-14>

Бузгалин А.В., Хубиев К.А., Теняков И.М., Заздравных А.В. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели // Общество и экономика. 2021. № 12. С. 16-44.

Григорьев Л.М., Майхрович М.-Я.Я. Теории роста и реалии последних десятилетий (Вопросы социокультурных кодов – к расширению исследовательской программы) // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 18-42. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-18-42>

Дзарасов Р.С. Место России в мировой экономике, инвестиции и инновации в эпоху цифровизации // Геоэкономика энергетики. 2023. № 2 (22). С. 72-99.

Ивантер В.В., Говтвань О.Дж., Гусев М.С., Ксенофонтов М.Ю., Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Порфирьев Б.Н., Семикашев В.В., Узяков М.Н., Широков А.А. Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 3-9.

Маццукато М. Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 408 с.

Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 5-25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-5-25>

Теняков И.М. Количественные и качественные характеристики экономического роста в России: 30 лет рыночных преобразований // Вопросы политической экономики. 2021. № 3. С. 37-50. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5554084>

Теняков И.М. Системно-историческая типология экономического роста // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 83-94.

Теняков И.М., Хубиев К.А., Эпштейн Д.Б., Заздравных А.В. Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст // Terra Economicus. 2022. № 20. С. 6-31.

Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономики. 2022. № 2. С. 22-39. <https://zenodo.org/record/6881149>

Широков А.А., Белоусов Д.Р., Блохин А.А., Гусев М.С., Клепач А.Н., Узяков М.Н. Россия 2035: новое качество национальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2. С. 6-20. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-6-20>

Широков А.А. От кризиса механизмов финансирования к устойчивому экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4. С. 3-13.

Информация об авторе

Теняков Иван Михайлович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. (E-mail: itenyakov@mail.ru) (elibrary AuthorID: 519882) (ORCID: 0000-0002-9921-6965)

REFERENCES

Arrighi J. Adam Smith in Beijing: What the 21st century bequeathed. М.: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2009. – 456 p. (In Russ.)

Bodrunov S.D. Overcoming the challenges of global transformation: STP, knowledge, poonomics. Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian economic development. 2023;34(4):435-438. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-8-14> (In Russ.)

Buzgalin A.V., Khubiev K.A., Tenyakov I.M., Zazdravnykh A.V. Growth and/or development: specifics of the Russian economic model. Obshchestvo i ekonomika=Society and economy. 2021;(12):16-44. (In Russ.)

Grigoriev L.M., Maykhrovich M.-Ya.Ya. Theories of growth and realities of recent decades (Issues of sociocultural codes – to expand the research program) // Voprosy ekonomiki=Questions of economics. 2023;(2):18-42. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-18-42> (In Russ.)

Dzharasov R.S. Russia's place in the global economy, investments and innovations in the era of digitalization. *Geoeconomics of energy*. 2023;2(22):72-99. (In Russ.)

Ivanter V.V., Govtvan O.J., Gusev M.S., Ksenofontov M.Yu., Kuvalin D.B., Moiseev A.K., Porfiryev B.N., Semikashov V.V., Uzyakov M. N., Shirov A.A. System of measures to restore economic growth in Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian economic development*. 2018;(1):1-9. (In Russ.)

Mazzucato M. The value of all things: creation and withdrawal in the global economy (trans. from English). M.: Publishing house of the Higher school of economics, 2021. – 408 p. (In Russ.)

Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G. Russian industrial policy in the context of transformation of the world production system and severe restrictions. *Voprosy ekonomiki=Questions of economics*. 2022;(6):5-25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-5-25> (In Russ.)

Tenyakov I.M. Quantitative and qualitative characteristics of economic growth in Russia: 30 years of market transition. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in political economy*. 2021;(3):37-52. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5554084> (In Russ.)

Tenyakov I.M. Systemic-historical typology of economic growth. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii=AlterEconomics*. 2017;(4):83-94. (In Russ.)

Tenyakov I.M., Khubiev K.A., Epshtein D.B., Zazdravnykh A.V. Alternatives to stagnation of the Russian economy: new geopolitical and economic context. *Terra Economicus*. 2022;(20):6-31. (In Russ.)

Khubiev K.A., Tenyakov I.M. The fractured vector of development of the Russian economy. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in political economy*. 2022;2(30):22-39. <https://zenodo.org/record/6881149> (In Russ.)

Shirov A.A., Belousov D.R., Blokhin A.A., Gusev M.S., Klepach A.N., Uzyakov M.N. Russia 2035: The new quality of the national economy. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian economic development*. 2024;35(2):161-170. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-6-20> (In Russ.)

Shirov A.A. From crisis of financing mechanisms to sustainable economic growth. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian economic development*. 2016;(4):3-13. (In Russ.)

Information about the author

Ivan M. Tenyakov – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: itenyakov@mail.ru) (elibrary AuthorID: 519882) (ORCID: 0000-0002-9921-6965)

Статья поступила в редакцию: 22.07.2024; одобрена после рецензирования: 21.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

УДК: 330.34.011

DOI: 10.5281/zenodo.13895683 <https://zenodo.org/record/13895683>

КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЛИК НОВОГО КУРСА «ЭКОНОМИКИ РАЗВИТИЯ»

Толкачев Сергей Александрович¹

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, (satolkachev@fa.ru), (ORCID: 0000-0003-3766-2246)

Ключевые слова: глобализация, неоклассическая парадигма, экономика развития, устойчивое развитие, государственный долг, неэквивалентный обмен, оффшоринг, аутсорсинг, инсорсинг

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2024 года и на основе доклада на Круглом столе «Рост vs Развитие», Москва, Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 26.04.2024.

Для цитирования: Толкачев С.А. Кризис глобализации и перспективный облик нового курса «Экономики развития» // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 110-123.

THE CRISIS OF GLOBALIZATION AND THE FUTURE STRUCTURE OF THE NEW COURSE "DEVELOPMENT ECONOMY"

Sergey A. Tolkachev

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory Financial University under the Government of the Russian Federation Russian Federation, Moscow, Russia, (satolkachev@fa.ru), (ORCID: 0000-0003-3766-2246)

Keywords: globalization, neoclassical paradigm, development economics, sustainable development, public debt, non-equivalent exchange, offshoring, outsourcing, insourcing

Acknowledgments: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Finuniversity 2024 and based on the report at the Round Table «Growth vs Development», Moscow, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 26.04.2024.

For citation: Tolkachev S.A. The crisis of the globalization basic foundations and the promising shape of the new «Development economics» academic discipline. Problems in Political Economy. 2024;3(39):110-123.

JEL codes: A12, A22, F63

¹ © Толкачев С.А., 2024

В арсенал подготовки современных экономистов-теоретиков давно входит дисциплина «Экономика развития» (Development Economics). Ее основное содержание призвано дополнить методологическую ограниченность курсов неоклассической экономикс, рассматривающих рыночную экономику как сложившуюся, исторически не эволюционирующую данность, с унифицированными однородными экономическими агентами с заданными функциями поведения. Й. Шумпетер, как один из зачинателей традиции «развития» в экономической теории, кому принадлежит введение в экономическую науку разграничения между экономическим ростом и экономическим развитием, заложил основы данного направления в своей знаменитой работе «Теория экономического развития» (Шумпетер, 2007), первое издание которой вышло еще в 1911 году. Правда Шумпетер рассматривал развитие в русле тематики инноваций и предпринимательства, и содержание его книги далеко от сложившейся к концу двадцатого века макроэкономической направленности данной проблематики, но использованный им термин оказался исключительно плодотворным для последующего творческого наполнения.

Но магистральное направление экономики развития в середине XX века сформировалось как преодоление ограниченности неоклассических подходов при исследовании развивающихся стран. Один из главных исследователей этих проблем Микаэль П. Тодаро, чья книга «Экономическое развитие» к 2015 году выдержала уже 12 изданий (Todaro, 2015), рассмотрел пять различных типов теории экономического роста и пришел к выводу, что они не удовлетворяют требованиям исследования экономики развивающихся стран. Он отмечал, что развитие «следует рассматривать как многоплановый процесс, ведущий к радикальным изменениям в социальных структурах, поведении людей, общественных институтах, а также к ускорению экономического роста, сокращению неравенства и искоренению безработицы» (Тодаро, 1997, с. 30).

В настоящее время «Экономика развития» – это раздел современной ортодоксальной, т.е. неоклассической экономической теории, который занимается экономическими аспектами процесса развития в странах с низким и средним уровнем дохода. Его внимание сосредоточено не только на методах содействия экономическому росту и структурным изменениям, но также на совершенствовании человеческого капитала на основе улучшения здравоохранения, образования и условий труда. В издательстве Routledge издается постоянная серия книг, посвященных проблемам развития развивающихся стран, которая насчитывает уже 191 монографий трехсот авторов. С 1974 года берет начало журнал «Journal of Development Economics», который публикует оригинальные исследовательские статьи, касающиеся всех аспектов экономического развития – от неотложных политических проблем до структурных проблем экономической отсталости². С конца 1990-х годов издается *Review of Development Economics* – ведущий журнал, публикующий исследования в области экономики развития, посвященные современным проблемам роста развивающихся стран, включая страны с переходной экономикой³.

² Journal of Development Economics. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-development-economics/> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Review of Development Economics. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/page/journal/14679361/home-page/productinformation.html> (дата обращения: 10.06.2024).

Многие ведущие университеты мира предлагают обучение по магистерским программам «Экономика развития». Например, Оксфордский университет Великобритании в качестве основной задачи своей программы заявляет «развитие аналитических и критических навыков, имеющих отношение к экономическому развитию, в частности тех, которые необходимы для оценки альтернативных подходов к политике. Программа обеспечивает тщательное обучение количественным методам, помогая вам развить способности обрабатывать и интерпретировать различные данные»⁴. Важно отметить, что программа Оксфордского университета предполагает высокий удельный вес курсов по выбору, состоящих как минимум из четырех-пяти из восьми факультативных модулей, меняющихся каждый год. В последние годы модули охватывали такие темы, как сельское хозяйство, политическая экономия и институты, глобализация, макроэкономическая политика, поведенческая экономика, риск и микрофинансирование. На наш взгляд, частая смена модулей свидетельствует не только о высокой динамике и многообразии процессов развития в современном неоднородном мире, но и о нарастающем кризисе мирохозяйственного устройства и неоклассической парадигмы экономики развития.

Об этом же говорит заметное изменение тематики популярных учебников по экономике развития для бакалаврского уровня обучения. Например, популярный учебник Дебрадж Рэй, первое издание которого появилось в 1998 году (Debraj Ray, 1998), в рамках неоклассической «рыночной» парадигмы рассматривает такие темы, как теории экономического роста, экономическое неравенство, бедность и недоедание, рост населения, торговая политика и рынки земли, труда и кредита. В основе рассмотрения этих вопросов лежит известный неоклассический символ веры, согласно которому все проблемы разрешаются благодаря эффективному и справедливому функционированию рынков. Учебник утверждает, что не существует единой причины экономического прогресса, но возможна комбинация факторов, в том числе улучшение физического и человеческого капитала, сокращение неравенства и наличие институтов, которые обеспечивают информационные потоки, необходимые для эффективных рынков.

Современные западные учебники «Экономики развития» постепенно трансформируют свое содержание. Если в 1960-80-е годы основной смысл данных курсов сводился к рецептам ускорения экономического роста развивающихся стран, на основе заимствования макроэкономических моделей, разработанных в развитых странах, то в двадцать первом веке, даже до финансового кризиса и «Великой рецессии» 2008-09 гг., тематика курсов стала включать гораздо более широкий спектр вопросов, актуальных и для развивающихся и для развитых стран. Например, в учебнике 2009 года Дэвида Форсайта и соавторов (Forsyth, 2009) материал структурирован по пяти разделам. В первом разделе «История, идеологии и методы» рассматриваются такие вопросы, как признание императива развития, история развития за пятьдесят лет, идеологии и методы экономики развития, макроэкономические теории экономического роста, эпохальные теории процесса развития. Во втором разделе «Управление» рассматриваются вопросы государственного сектора и гражданского общества, коррупции. Третий раздел посвящен собственно гло-

⁴ MSc in Economics for Development. URL: <https://www.ox.ac.uk/admissions/graduate/courses/msc-economics-development> (дата обращения: 10.06.2024).

бальным и универсальным вопросам развития – Глобализация: торговля, торговая политика, международные экономические отношения; Бедность, справедливость и благополучие; Устойчивое развитие, экологическая оценка, природные ресурсы; Стабилизация в развивающихся странах. Четвертый раздел охватывает отраслевые и ресурсные вопросы: Население и предложение рабочей силы; Миграция и урбанизация; Гендер и развитие; Развитие сельского хозяйства, снабжение продовольствием и преобразование сельских районов; Индустриализация и развитие; Нарращивание технологического потенциала. Наконец, пятый раздел посвящен финансовым вопросам: Внутренние финансы; Разработка экономической экспертизы проектов; Иностранная помощь; Кредиты и долги; Прямые иностранные инвестиции; Международная миграция и денежные переводы.

Более современные учебники, например, «Экономика развития. Теория и практика» профессоров Калифорнийского университета в Беркли Алена де Жанври и Элизабет Садуле, второе издание 2021 года (Janvry, Sadoulet, 2021), выделяя семь ключевых проблемных областей развития – рост, бедность, социальная уязвимость, неравенство, основные потребности, устойчивость и качество жизни – акцентируют внимание на достижении популярных Целей устойчивого развития ООН, включая торговлю выбросами углерода.

В третьем издании учебника бакалаврского уровня «Основы экономики развития», авторы так описывают предметную область дисциплины: «Это рост доходов... Это экономика благосостояния, включая изучение бедности и неравенства. Это экономика сельского хозяйства. Как сделать сельское хозяйство более продуктивным – большой вопрос в странах, где большая часть населения, особенно бедного, проживает в сельской местности и занимается сельским хозяйством. Это экономическая демография, изучение роста населения в мире с более чем 7 миллиардами человек и распределения населения в мире с более чем четвертью миллиарда международных мигрантов и гораздо большим количеством внутренних. ...Это экономика труда: образование, здравоохранение, условия на рабочем месте. Это изучение рынков товаров, услуг, ресурсов, продукции, кредитов и страхования, без которых экономика может зайти в тупик. Это экономика общественного сектора, включающая предоставление общественных благ, от дорог и коммуникаций до коммунальных услуг и переработки отходов, а также управление макроэкономикой. Это природные ресурсы и окружающая среда: энергия, вода, вырубка лесов, загрязнение, изменение климата, устойчивое развитие» (Taylor, Lybbert, 2020, p. 2-3).

Таким образом, современные курсы «Экономики развития» представляют собой мультидисциплинарный обзор функциональных экономических дисциплин, отчасти дублирующих их содержание. Но общий рефрен этого обзора направлен на решение проблем развития стран, не достигших статуса промышленно-развитых, не входящих в состав ОЭСР. Причем, общий рецепт решения задач развития этих стран сводится к построению основ рыночной экономики (эффективных институтов рынка), которая сама по себе способна направить эти страны в русло быстроразвивающихся и даже способных войти в клуб развитых стран. Для этого хорошо работает пример Южной Кореи, совершивший за срок жизни одного поколения немислимый прыжок из крайней нищеты до самой богатой страны Азии.

В первом российском учебнике по экономике развития Р.М. Нуреева (Нуреев, 2001), первое издание которого вышло в 2001 году, конкретизация названия заключалась в фразе «модели становления рыночной экономики». Правда, во втором издании учебника (Нуреев, 2015) профессор Нуреев существенно расширил тематический охват проблем развития, включив туда многие гетеродоксальные теории, функциональные проблемы развития, позиции новой политической экономики, страновые проблемы развития, включая место и положение России в мировой системе.

Нельзя не упомянуть попытку академика РАН Львова Д.С. представить оригинальные российские принципы экономики развития (Львов, 2002), опирающиеся на устои нравственной экономики, разрабатываемые им в то время. К сожалению, безвременный уход Д.С. Львова не позволил ему убедительно спроецировать научные результаты в отлаженные учебно-методические схемы и создать собственную научно-педагогическую школу в данном направлении.

Однако, несмотря на, казалось бы, практическую актуальность и «автоматическую» современность данного курса, даже наиболее модернизированные его варианты теряют свой объяснительный потенциал на фоне грандиозных перемен в мировой экономике, происходящих в последние годы, особенно после триггерных событий 2020-22 годов.

События, которые протекают после кризиса 2008-09 годов, настолько глубоко переформируют все мирохозяйственные процессы, что тот круг явлений, который даже в модернизированном виде рассматривает «Экономика развития», становится опаздывающим по сравнению с этими динамичными изменениями. Прежде всего отметим, что западные экономисты все-таки исходят из того, что в целом в мире должна естественным образом доминировать так называемая равновесная парадигма, которая обеспечивает эквивалентный международный обмен между странами. Но на самом деле, все более явным даже в академических кругах становится мнение о типичности неэквивалентного обмена между странами как основе международных экономических отношений (Толкачев, Комолов, 2019). Базовая идея «Экономики развития» о построении общемировой рыночной экономики как залого преуспевания всех стран мира не больше, чем идеологический мем, степень примитивности которого становится все более явной по мере разрушения основ глобализированной модели мира.

Возьмем в качестве примера лишь один, но, возможно, важнейший пример типичности неэквивалентного обмена в современных условиях. Это ставшая уже классической проблема огромного внешнего долга США. 29 декабря 2023 года Министерство финансов сообщило, что «общий непогашенный государственный долг» вырос до \$34,001 триллиона. Эта цифра, также известная как государственный долг, представляет собой общую сумму непогашенных займов федерального правительства США, накопленных за всю историю страны⁵. Эта очередная «вершина» государственных финансов была покорена всего через три месяца после того, как государственный долг США превысил 33 триллиона долларов. А начинался 2023 год с отметки 31,4 трлн долл. Таким образом, весь 2023 год обошелся американскому обществу в дополнительные 2,6 трлн долл. Онлайн счетчик государствен-

⁵ Hanna Ziady and Tami Luhby, CNN. US national debt hits record \$34 trillion. URL:<https://edition.cnn.com/2024/01/03/economy/us-national-debt-34-trillion/index.html> (дата обращения: 10.06.2024).

ного долга США⁶ на момент написания данной статьи утром 10.06.2024 показывает величину 34 808 миллиардов долларов. Нет никаких сомнений, что на момент публикации статьи госдолг США существенно превысит 35 трлн долл.

Трамп явно ускорился в соревновании по наращиванию госдолга, получив «эстафетную палочку» от Б. Обамы, который за восемь лет своего президентства нарастил его более чем на \$9 трлн и почти достиг отметки в \$20 трлн.

За четыре года президентства Д. Трампа (январь 2017 – январь 2021) государственный долг увеличился примерно на \$7 трлн. Причем во время избирательной кампании 2016 года Трамп заявлял, что решит проблему огромного национального долга страны за два президентских срока, или «за восемь лет». Он выражал уверенность в том, что после его реформ и пересмотра торговых договоров наступит экономический рост, который позволит Соединенным Штатам оплатить долг наличными средствами⁷.

Но самым быстроходным спринтером в деле наращивания госдолга оказался Дж. Байден, который сумел еще 7 трлн долл. за 3 неполных года (январь 2021 – декабрь 2023), т.е. «обогнал» своего предшественника Трампа на целый год!

Казалось бы, тема растущего госдолга США уже настолько набила оскомину, что всей к ней привыкли, поскольку экономика страны вроде бы успешно развивается, показав рекордно успешные результаты в истекшем 2023 году⁸. Но именно поэтому у официозных экономистов вызывает беспокойство то, что государственный долг увеличился в 2023 году, т.е. в то время, когда экономика была относительно сильна (рост на 2,5%), а безработица низка (3,9%), что считается подходящим временем для обуздания федерального дефицита. «Мы добавляем к нашему долгу 2 триллиона долларов каждый год, в то время как безработица близка к рекордно низкому уровню», — сказал Марк Голдвейн, старший вице-президент Комитета по ответственному федеральному бюджету вашингтонского аналитического центра. «Если мы так сильно увеличиваем долг в хорошие времена, в плохие времена ситуация может стать действительно ужасной, и мы не можем вечно наращивать наш долг быстрее, чем растет наша экономика»⁹.

Следовательно, американское государство ежегодно потребляет реальных ресурсов на 2 триллиона долларов больше, чем способно оплатить имеющимися средствами, не прибегая к выпуску новых долговых обязательств! Это означает, что правительство США перераспределяет в свою пользу со всего остального мира фактически безвозмездно (под бесконечно пролонгированное обязательство выплачивать настоящие ценности) реальной продукции и услуг на сумму не менее 2-х триллионов долларов! Причем резкое ускорение объемов госдолга США к ВВП наблюдается последние 20 лет (Рисунок 1), наивысшие темпы прироста приходятся на периоды 2008-09 и 2020-21 годов, упомянутые триггерные события, приведшие к радикальному переосмыслению концепции развития мировой экономики.

⁶ US Debt Clock. URL: <https://www.usdebtclock.org> (дата обращения: 10.06.2024).

⁷ Госдолг США вырос на \$7 трлн за время президентства Трампа. ТАСС, 7 октября 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9657601> (дата обращения: 10.06.2024).

⁸ С.А. Толкачев. «Мягкая посадка» экономики США в 2023 году или почему Америка никак не вползет в кризис 2. Капитал страны, 7 января 2024. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/myagkaya_posadka_ekonomiki_ssha_v_2023_godu_ili_pochemu_amerika_nikak_ne_vp/ (дата обращения: 10.06.2024).

⁹ U.S. debt eclipses \$34 trillion for first time. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2024/01/02/us-debt-34-trillion-congress/> (дата обращения: 10.06.2024).

ний, описываемых в сложившихся курсах «Экономики развития» становится не актуальным и мало значимым. Формирующаяся фрагментарность и регионализация международных экономических отношений обесценивает парадигму «Экономики развития» как теоретической картины глобализованного мира.

Еще один важнейший ключевой фактор, подрывающий глобализованную ткань предмета «Экономика развития» – кризис аутсорсинга и оффшоринга как эталонов бизнес-процессов эффективного международного и национально-го развития. Долгое время рост международного разделения труда не только за счет торговли, но и за счет международного движения капитала рассматривался как главный рецепт повышения доходов и экономического роста. Сопутствующая специализация и повышение производительности труда, наряду с ростом его профессионализма считались зримым воплощением законов развития. Но кризис 2008–09 гг., а затем и странные события глобального свойства 2020 года поставили вопрос о достигнутых пределах международного оффшоринга и аутсорсинга и не случайности процессов обратного свойства. Однако наиболее показательным примером здесь послужил кризис аутсорсинга в корпорации Боинг (Boeing).

Американская компания Boeing, существующая уже больше ста лет, на сегодняшний день – крупнейший производитель авиационной, военной и космической техники в мире, один из самых главных экспортеров страны. Заказчиками являются компании более чем в 150 странах мира. Boeing обеспечивает огромное количество рабочих мест, как в Сиэтле (где была создана компания), так и на северо-западе США. В компании работают около 161000 сотрудников в 65 странах мира. В подразделении Boeing по производству гражданских самолетов работают около 60000 человек¹¹.

Компания в последние десятилетия гордилась своим лидерством в стратегии аутсорсинга. На официальном сайте можно найти информацию, что сеть поставщиков Boeing охватывает большое количество стран и включает 12000 активных поставщиков, более 6000 из которых являются малыми предприятиями. Более 1,6 миллиарда компонентов и узлов каждый год – от секций фюзеляжа и кузова самолета до самых современных и новейших технологий – закупается компанией Boeing у поставщиков¹². Например, в 2019 г. Boeing сотрудничал с поставщиками из 58 стран, включая все 50 штатов. Компания купила более 1,7 миллиарда деталей для всех своих программ и услуг и потратила в общей сложности более 58 млрд долл.¹³ Примерно около 80% расходов Boeing приходятся на 10 главных поставщиков, а остальные 20% уходят на оставшихся 12000 небольших подрядчиков¹⁴.

Но, как оказалось, именно чрезмерная ставка на аутсорсинг привела к системным проблемам на производстве и нынешнему критическому положению авиагиганта. Черные времена начались для компании еще в конце 2018 – начале 2019 гг., когда две катастрофы 737 Max 8 со смертельным исходом унесли в общей сложности 346 жизней и привели к 20-месячной приостановке эксплуатации самолетов.

¹¹ Boeing in Brief. URL: <https://www.Boeing.com/company/general-info/> (дата обращения: 10.06.2024).

¹² Boeing suppliers. URL: <https://www.BoeingSuppliers.com/> (дата обращения: 10.06.2024).

¹³ 2019_Boeing_Annual_Report. URL: https://s2.q4cdn.com/661678649/files/doc_financials/2019/ar/2019_Boeing_Annual_Report.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁴ Let's Talk about Boeing and Supply Chain Relationships. URL: <https://blog.foster.uw.edu/lets-talk-Boeing-supply-chain-relationships/> (дата обращения: 10.06.2024).

В январе 2024 произошел новый нашумевший инцидент, когда панель фюзеляжа самолета Boeing 737 MAX 9 Alaska Airlines оторвалась в середине полета. Панель самолета, на борту которого находились 171 пассажир и шесть членов экипажа, оторвалась на высоте 16 000 футов вскоре после того, как самолет покинул аэропорт Портленда, штат Орегон¹⁵. Последующий аудит Федерального авиационного агентства FAA выявил крупнейшие недостатки в организации производственного процесса.

Шестинедельная проверка FAA производства самолета Boeing 737 Max выявила десятки проблем на протяжении всего производственного процесса как у производителя самолета, так и у одного из его ключевых поставщиков. FAA провело 89 проверок продукции, в которых рассматривались разные аспекты производственного процесса. Boeing прошел 56 проверок и провалил 33 из них, при этом в общей сложности было зафиксировано 97 случаев предполагаемого несоблюдения требований. FAA также провело 13 проверок продукции в рамках расследования, которое было сосредоточено на компании Spirit AeroSystems, производящей фюзеляж или кузов 737 Max (отметим этот факт: главный компонент конечного продукта, фюзеляж, передан на аутсорсинг). Шесть из этих проверок завершились удовлетворительными оценками, а семь – отрицательными¹⁶.

Однако сегодня вся «блистательная» линия на расширение аутсорсинга на фоне постигших компанию неудач подлежит переосмыслению. Специалист по стратегическому управлению Кристофер Тан, анализируя неудачный опыт Boeing по расширению аутсорсинга отмечает: «Эта стратегия привлечения поставщиков для быстрой и экономичной разработки продукта может быть эффективной, если следовать процессу разработки Toyota, который предполагает глубокие отношения с поставщиками. Однако Boeing не удалось установить тесные отношения с поставщиками, на развитие которых Toyota потребовались десятилетия усилий и приверженности. Без тесного взаимодействия и координации между партнерами компания Boeing не смогла эффективно управлять процессом внешних разработок. В результате программа разработки лайнера 787, начальный бюджет которой составлял 5,5 миллиардов долларов и была рассчитана на 5 лет, в итоге опоздала на три года и стоила более 32 миллиардов долларов»¹⁷.

В настоящее время накоплены веские доказательства того, что именно чрезмерный аутсорсинг виноват в нынешних проблемах Boeing. Более 20-ти лет назад в начале 2000-х, когда компания приступила к проекту лайнера 787 вместо того, чтобы разрабатывать самолет самостоятельно и закупать детали у поставщиков, компания Boeing решила передать 70% проектирования и производства целых модулей более чем 50 стратегическим партнерам.

Извлекая уроки Boeing из ошибочной стратегии «гипераутсорсинга», в начале марта 2024 года компания заявила, что ведет переговоры о приобретении компании Spirit AeroSystems, того самого поставщика фюзеляжей для 737 Max, которого Boeing выделил почти два десятилетия назад на фоне эйфории аутсорсинговой

¹⁵ F.B.I. Tells Passengers on Alaska Flight They May Have Been Crime Victims. URL: <https://www.nytimes.com/2024/03/22/us/politics/fbi-investigation-boeing.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁶ F.A.A. Audit of Boeing's 737 Max Production Found Dozens of Issues. URL: <https://www.nytimes.com/2024/03/11/us/politics/faa-audit-boeing-737-max.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁷ Christopher S. Tang. Boeing's Organizational Problems Date Back Two Decades, URL: <https://www.industryweek.com/supply-chain/supplier-relationships/article/21282352/Boeings-organizational-problems-date-back-two-decades> (дата обращения: 10.06.2024).

стратегии¹⁸. Обратная покупка Spirit, который пострадал от многих лет убытков и проблем с контролем качества, знаменует собой обратный аутсорсингу процесс – инсорсинг, идущий вразрез с теми фундаментальными столпами экономических идей, которые до сих пор заложены в курсе «Экономики развития».

Итак, кризис глобализированной модели мира, поразивший своими последствиями, в первую очередь, США как конструктора этой модели, заставляет переосмысливать все базовые основы этой системы, претендовавшей на образец в курсах «Экономики развития». Кризис международной системы разделения труда и мировой торговли, международной кредитно-финансовой системы, обслуживающий явный неэквивалентный обмен между странами, не может игнорироваться при построении теоретической картины мирового и национального развития.

Россия, как страна, занимающая в существующей пока международной экономической системе глубоко второстепенное положение, страдающая от неэквивалентного перераспределения мирового богатства в виде утечки капитала и заниженных цен на свою экспортируемую продукцию, заинтересована не только в формировании более справедливой мирохозяйственной системы, но и в новой теоретической картине мирового экономического развития. Такой вариант радикально обновленной программы курса новой «Экономики развития» (Толкачев и др., 2024) разработан коллективом с участием автора этой статьи.

Не воспроизводя структуру новой программы, представленной в вышеуказанной статье, отметим, что авторы отказались от принципа мультидисциплинарной агрегации (фактического дублирования) экономических дисциплин по «горизонтали», как в отмеченных западных курсах, но представили процесс экономического развития как бы «по вертикали», в разрезе фундаментальных географических, культурно-исторических, технологических, мирохозяйственных, институциональных закономерностей.

Мы позаимствовали из работы Дж. Даймонда (Даймонд, 2020) базовые климатические и географические факторы развития отдельных стран и территорий, лежащие в основе всех прочих собственно экономических факторов. Чтобы быть предельно честным с аудиторией, не нужно создавать иллюзии по поводу возможностей быстрого и универсального экономического роста стран на основе заимствования технологий и институтов. К сожалению, многие современные гиперпопулярные работы, объясняющие, почему одни страны богатые, а другие бедные (Аджемоглу, Робинсон, 2021) скатываются в «институциональное зазеркалье», тенденциозно формируя концепции определяющей роли институтов в достижении странами высокого уровня благосостояния. При этом в подобных работах ужасно наивно представляется, что создание эффективных (инклюзивных, демократических) институтов – это процесс, совершенно не зависящий от природно-климатических и географических факторов, равно как и от культурно-исторического базиса народов, проживающих в данном географическом ареале. Сам Дж. Даймонд в предисловии к изданию своей книги 2017 года, после написания в целом положительной рецензии на книгу Аджемоглу и Робинсона, поднимает вопрос о том, что создание столь эффективных институтов, как, например, в Голландии, является результатом длительного развития в особых климатических и географических условиях европейского полуострова.

¹⁸ Boeing in Talks to Buy Spirit AeroSystems, a Struggling Supplier. URL: <https://www.nytimes.com/2024/03/01/business/Boeing-spirit-aerosystems.html> (дата обращения: 10.06.2024).

Кстати, Дж. Даймонд далеко не одинок в концептуализации природно-географических условий, объясняющих институциональные факторы развития. Российский исследователь С. Кирдина–Чэндлер, автор теории институциональных матриц, в специальном исследовании установила, что формирование того или иного типа институтов происходит под влиянием конкретных географических характеристик (Кирдина–Чэндлер, 2018). В исследовании институциональной среды 65 стран мира, обеспечивающих 90% мирового ВВП показано, что на территориях с относительно благоприятными климатическими условиями (оптимальная температура воздуха, низкий уровень осадков, невысокие риски природных катастроф) складываются государства с доминированием демократических институциональных моделей с преобладанием конкурентных механизмов. В менее благоприятных природных условиях формируются административные институциональные модели.

Длительное историческое существование в конкретных природно-климатических условиях, разумеется, наряду с прочими факторами геоэкономического свойства задают комплекс технологических детерминант экономического развития. Комплекс данных вопросов, равно как и мирохозяйственные факторы развития изложены в многочисленных трудах академика РАН С.Ю. Глазьева, включая одну из последних работ, где обобщены текущие тенденции развития технологических и мирохозяйственных укладов (Глазьев и др., 2022).

Технологические факторы развития в инструментальном выражении изложены в монографии Е.В. Балацкого и Н.А. Екимовой (Балацкий, Екимова, 2022). Тем самым, в новой программе дисциплины экономическое развитие рассматривается не только в научно-популярном историко-описательном ключе, но и с привлечением строгого математического аппарата.

Кстати, отмеченная работа (Балацкий, Екимова, 2022) может рассматриваться и как учебное пособие по экономике развития, поскольку предлагает оригинальные авторские математические модели, касающиеся и других факторов развития. Например, чрезвычайно интересен формализованный авторский Базовый индекс институционального развития, позволяющий вычислить эффективность действия институтов гарантий и свобод, согласно концепции Д. Норта (Норт, 2010) о двойственной функции институтов, которые с одной стороны создают ограничения, а с другой – стимулы.

Комплекс факторов развития, представленных в теориях инноваций, человеческого капитала, культуры и доверия, социального капитала также нашли отражение в новой программе курса «Экономика развития». Разнообразные методологические подходы, заложенные в указанных теориях, могут быть редуцированы в математические модели, отраженные в вышеуказанной монографии Балацкого и Екимовой.

Наконец, завершающий раздел программы нового курса «Экономика развития» получил название «Поликаузальные концепции экономического развития». Данный раздел призван обобщить все предыдущие подходы и теории экономического развития, но таким образом, чтобы создать у обучающегося четкую схему логической последовательности и взаимодействия многообразных факторов экономического развития. В поликаузальной общей теории социального развития (Балацкий, 2021) экономический рост зависит от четырех групп факторов: технологий, институтов, культуры и благосостояния. В соответствии с принципом согласо-

ванности темпы экономического роста положительно зависят от высокой согласованности в уровне развития перечисленных четырех групп факторов и от степени синхронизации их совместной динамики.

Таким образом, новый подход к экономике развития носит междисциплинарный характер, стремясь увязать все важнейшие факторы экономического развития и установить ключевые причинно-следственные связи. Именно такой методологический подход в русле предлагаемой академиком РАН В.М. Полтеровичем общей теории социально-экономического развития (Полтерович, 2018) в наибольшей степени соответствует политико-экономическим принципам социального анализа в эпоху грандиозных исторических и геополитических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: Издательство АСТ, 2021. – 672 с.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Новые подходы к моделированию экономического развития. М: НИЦ ИНФРА-М, 2022. – 446 с.

Балацкий Е.В. Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 1. С. 36–52. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52>

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2020. – 752 с.

Глазьев С.Ю. и др. Циклические закономерности развития технологических и мирохозяйственных укладов / Монография под ред. С.Ю. Глазьева, Д.А. Митяева, С.А. Толкачев. М: Издательство КНОРУС, 2022. – 280 с.

Кирдина–Чэндлер С.Г. Западные и не–западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 73–88. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00005>

Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. – 512 с.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 256 с.

Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. Учебник. М.: ИНФРА-М, 2001. – 152 с.

Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. Учебник. Второе издание. М.: ИНФРА-М, 2015. – 640 с.

Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 1–22.

Тодаро М.П. Экономическое развитие: учебник. М.: Экономический факультет МГУ: ЮНИТИ, 1997. – 653 с.

Толкачев С.А., Комолов О.О. Марксизм и учение об эквивалентном обмене в контексте современного мирового кризиса // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 23–37. EDN: IDSKPY

Толкачев С.А., Левин С.Н., Макарова И.В. Новая экономика развития как методологическая и мировоззренческая дисциплина // Journal of Economic Regulation. 2024. Т. 15. № 1. С. 105–117. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.105-117>

- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: «Эксмо», 2007. – 864 с.
- Forsyth David, Huq Mozammel, Clunies-Ross Anthony.* Development Economics. 1st Edition. McGraw-Hill Education, 2009. – 773 p.
- Janvry Alain de, Sadoulet Elisabeth.* Development Economics. Second Edition. Theory and Practice. N.Y., Routledge, 2021. – 572 p.
- Ray Debraj.* Development Economics. 1st Ed. Edition. Princeton, N.J. Princeton University Press, 1998. – 872 p.
- Taylor J. Edward, Lybbert Travis J.* Essentials of Development Economics, Third Edition. University of California Press, 2020. – 376 p.
- Todaro M.P., Smith S.C.* Economic Development, 12th ed. Trans-Atlantic Publications, 2015. – 860 p.

Информация об авторе

Толкачев Сергей Александрович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Российской Федерация, Москва, Россия.

(E-mail: satolkachev@fa.ru) (elibrary AuthorID: 452576) (ORCID: 0000-0003-3766-2246)

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. M.: AST Publishing House, 2021. – 672 p. (In Russ.)
- Balatsky E.V., Ekimova N.A.* New approaches to modelling economic development. M.: SIC INFRA-M, 2022. – 446 p. (In Russ.)
- Balatsky E.V.* The principle of consistency in the theory of social development. Terra Economicus. 2021;1(19):36-52. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52> (In Russ.)
- Diamond J.* Guns, Germs and Steel. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. M.: AST, 2020. – 752 p. (In Russ.)
- Forsyth David, Huq Mozammel, Clunies-Ross Anthony.* Development Economics. 1st Edition. McGraw-Hill Education, 2009. – 773 p.
- Glazyev S. Yu. et al.* Cyclical Regularities in the Development of Technological and World Economic Patterns: a monograph edited by S.Y. Glazyev, D.A. Mityaev, S.A. Tolkahev. M.: Publishers KNORUS, 2022. – 280 p. (In Russ.)
- Janvry Alain de, Sadoulet Elisabeth.* Development Economics. Second Edition. Theory and Practice. N.Y., Routledge, 2021. – 572 p.
- Kirdina-Chandler, S.G.* Western and non-Western institutional models in time and space. Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki=Issues of Economic Theory. 2018;(1):73-88. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00005> (In Russ.)
- Lvov D.S.* Economics of development. M.: Exam, 2002. - 512 p. (in Russ).
- North D.* Understanding the Process of Economic Change. M.: Izd. dom GU-HSE, 2010. – 256 p. (in Russ).
- Nureyev R.M.* Development Economics: Models of Market Economy Formation. Textbook. M.: INFRA-M, 2001. – 152 p. (in Russ).

Nureev R.M. Economics of development: models of market economy formation. Textbook. Second edition. M.: INFRA-M, 2015. – 640 p. (in Russ).

Polterovich V.M. Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture? *Voprosy ekonomiki*. 2018;(11):1-22. (in Russ).

Ray Debraj. Development Economics. 1st Ed. Edition. Princeton, N.J. Princeton University Press, 1998. – 872 p.

Schumpeter J. Theory of Economic Development. M.: «Eksmo», 2007. – 864 p. (in Russ.)

Taylor J. Edward, Lybbert Travis J. Essentials of Development Economics, Third Edition. University of California Press, 2020. – 376 p.

Todaro M.P. Economic development: textbook. Moscow: Faculty of Economics. Moscow State University: UNITI, 1997. – 653 p. (in Russ).

Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development, 12th ed. Trans-Atlantic Publications, 2015. – 860p.

Tolkachev S.A., Komolov O.O. Marxism and the doctrine of equivalent exchange in the context of the modern world crisis. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2019;(2):23-37. (in Russ).

Tolkachev S.A., Levin S.N., Makarova I.V. New development economics as a methodological and worldview discipline. *Journal of Economic Regulation*. 2024;1(15):105-117. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.105-117> (in Russ).

Information about the author

Sergey A. Tolkachev – Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory Financial University under the Government of the Russian Federation Russian Federation, Moscow, Russia.

(E-mail: satolkachev@fa.ru) (elibrary AuthorID: 452576) (ORCID: 0000-0003-3766-2246)

Статья поступила в редакцию: 05.07.2024; одобрена после рецензирования: 04.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

УДК: 338.1

DOI: 10.5281/zenodo.13895691 <https://zenodo.org/record/13895691>

КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Хубиев Кайсын Азретович¹

Доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (khubiev48@mail.ru), (ORCID: 0000 0001 7285 1136)

Ключевые слова: *экономический рост, экономическое развитие, циклический рост, восстановительный рост, государственное участие в экономике, инвестиции в основной капитал, инфраструктурные инвестиции, экономика предложения*

Для цитирования: Хубиев К.А. Качественные и количественные характеристики экономического роста // Вопросы политической экономики. 2024. № 3(39). С. 124-135.

QUALITATIVE AND QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF ECONOMIC GROWTH

Kaisyn A. Khubiev

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (khubiev48@mail.ru), (ORCID: 0000 0001 7285 1136)

Keyword: *economic growth, economic development, cyclical growth, recovery growth, state participation in the economy, fixed capital investment, infrastructure investment, supply-side economics*

For citation: Khubiev K.A. Qualitative and quantitative characteristics of economic growth. Problems in Political Economy. 2024;3(39):124-135.

JEL codes: E01; O40

Введение

Экономический рост и связанная с ним проблематика является традиционной для экономической науки, приобретая в разные периоды особые направления, диктуемые конкретно-историческими обстоятельствами. Основная цель статьи состоит в определении специфики экономической динамики России. Для этого потребовалось уточнить качественные и количественные параметры и факторы, разграничить содержание понятий «восстановительный рост» и «циклический рост». Введено и обосновано понятие «бюджетный рост». Тема соотношения роста

¹ © Хубиев К.А., 2024

и развития относится к числу традиционно актуальных для экономической теории. В частности, эта тема обсуждалась на конференции экономического факультета МГУ в 2003 году в рамках Ломоносовских чтений. По итогам конференции были изданы материалы (Экономический рост..., 2004); (Бузгалин и др., 2021, с. 16-44), где первый раздел назывался «Экономический рост и экономическое развитие». Турбулентная быстротечность современности ставит новые актуальные вопросы, в том числе и в рамках заявленной общей темы. Можно утверждать, что традиционно актуальная и фундаментальная проблема экономического роста российской экономики в современных условиях приобретает жизненно важное значение. От ее результативности зависит сохранение страны и сбережение ее народа. Это обстоятельство объясняет как выбор темы и методологии ее исследования, так и содержание нормативных рекомендаций.

Изменения, происходящие в экономике, характеризуются множеством показателей, включая циклические, охватывающие длительный период. Наиболее общим *количественным* показателем считается экономический рост, экономический спад. Измеряется, как правило, ВВП в абсолютном выражении и в расчете на душу населения. Качественный экономический рост отражает изменение основных факторов экономической системы: средств производства и технологий предметов труда (сырья и материалов), трудового ресурса. К качественным акторам экономической динамики относится организация и управление. Количественные изменения в экономике при прежнем качестве ресурсов называются экстенсивными. Экономическая динамика, основанная на качественном изменении факторов, называется интенсивной. Устойчивые изменения, основанные на качественных характеристиках экономической динамики можно назвать экономическим развитием. Соответственно можно разделить экономический рост и экономическое развитие по критериям количественных и качественных характеристик. Каталогизацию качественных и количественных характеристик экономической динамики можно продолжить, но для целей настоящей статьи мы ограничимся приведенными объяснениями.

Тенденции российской экономики

Противоречивые тенденции экономической динамики являются характерными для современной России. С одной стороны, в стагнационном режиме она находится более десятилетия: средние темпы прироста ВВП (который длился с 2012 по 2023 гг.) составляют около 1%, что в 3 раза ниже среднемировых показателей. Это происходит на основе нарастающего отставания в области высоких технологий. Сохраняются глубокие межрегиональные диспропорции и высокий уровень социально-экономического неравенства населения. Коэффициент Джини составил: в Словакии – 23,2, Чехии – 26,2, Индии – 34,2, Финляндии – 27,1, Китае – 37,1, Сербии – 25,0. В России он несколько снизился с 41,2 в 2019 г. до 36,0 в 2021 г., но остался на высоком уровне². Несмотря на некоторое снижение, он все еще показывает высокую степень поляризации населения России.

Вместе с тем, Россия стала и остается одним из центров трансформационных процессов в мировом геополитэкономическом пространстве, обладая запасами энергоресурсов мирового значения, оставаясь одним из лидеров по космическим

² Gini index 2023. URL: <https://countryeconomy.com/demography/gini-index> (дата обращения: 07.07.2024).

технологиям, производству вооружений, атомной энергетике и др. В области геополитики Россия оказалась в центре борьбы за цивилизационные ценности.

Экономическое развитие России не в полной мере соответствует роли в мировой экономике. Это противоречие будет искать и находить свое разрешение. Диалектическое разрешение данного противоречия не должно означать его устранение, а предполагает воспроизводство на новом уровне. Анализ состояния и перспектив экономики России должен учитывать ее обремененность последствиями коронакризиса, обострение мирового соперничества за ресурсы и рынки, продолжение СВО. Все более отчетливые формы принимают конфликты цивилизационного уровня, где Россия противостоит коалиции развитых стран мира. Для выживания в этой ситуации, а тем более победы в этом глобальном противостоянии требуется задействовать все источники и стимулы экономического роста. Среди внутренних источников роста можно выделить стратегические, краткосрочные, долгосрочные.

В чем проявляются более конкретно противоречивые черты российской экономики? На первый взгляд довольно перспективно выглядят экономические результаты 2023 г. с ростом ВВП в 3,6%. Еще оптимистичней показатели первого квартала 2024 г. с ростом в 5,6%. Ими опровергаются все прогнозы, как зарубежные, так и отечественные, которые предрекали крах российской экономики под интенсивным давлением санкций. Но было бы ошибочно предаваться оптимизму, а тем более эйфории. Необходимо проанализировать характер и источники роста. Прежде всего преобладали признаки экстенсивного роста. Он проявился в остром дефиците рабочей силы, особенно квалифицированных кадров, в связи с чем обсуждается переход к «экономике высоких зарплат» и подорожании рабочей силы. Кроме того, он обеспечен за счет существующих средств производства прежнего качества. Что означает эта ситуация, с позиций заявленной темы, какие выводы и рекомендации из этого следуют?

Во-первых: эта ситуация свидетельствует об экстенсивном экономическом росте при отсутствии технологического развития. Более того, проявляется отставание от технологий даже третьей промышленной революции, не говоря о нынешней, четвертой НТР. По глобальному инновационному рейтингу Россия занимает 51 место³. Россия сильно отстает в применении робототехники, автоматизации производственных процессов. Количество роботов на 10 000 работников промышленности в 2018 г. характеризовались следующими данными. Среднее по миру – 114. Среднее по Европе – 91. Сингапур – 831. Южная Корея – 774. Германия – 338. Япония – 327. Швеция – 247. Дания – 240. США – 217. Италия – 200. Бельгия – 188. Нидерланды – 182. Австрия – 175. Словения – 174. Канада – 172. Испания – 168. Словакия – 165. Франция – 154. Швейцария – 146. Финляндия – 140. Китай – 140. Чехия – 135. Россия – 5⁴. Это разительное отставание не преодолено. Для преодоления отставания остро требуются инвестиции в технологии третьей и четвертой промышленной революции. Но инвестиционная динамика наталкивается на новые ограничения – высокую стоимость инвестиционных ресурсов, которая определяется уровнем учетной ставки. Кратное превышение рыночной стоимости инвестиционных ресурсов нормы прибыли в реальном секторе оказывается фактором ограничений капиталъ-

³ URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2023/article_0011.html

⁴ Подробнее на econs.online: <https://econs.online/articles/details/gde-bolshe-vsego-robotov/> (дата обращения: 22.08.2024).

ных вложений, о чем свидетельствует позиция предпринимательства. При жестком ограничении внешних источников инвестиций в условиях санкций и трудной доступности внутренних источников консервируется технологическая стагнация и напряженность на рынке труда. Технологической стагнацией обусловлена и неблагоприятная динамика производительности труда. Техническая вооруженность труда в России в четыре раза отстает от стран ЕС, а производительность труда отстает в два раза⁵. Рост заработной платы, опережающий производительность труда, будет закономерно превращаться в фактор инфляции. Но этот фактор инфляции не является монетарным, поэтому и борьба с ней монетарным методом со стороны ЦБ не может дать эффективной результат. Экономика оказывается в замкнутом круге ограничений и возникает необходимость прорывного выхода из него. Это обстоятельство не позволяет предаваться оптимизму по поводу показателей количественного роста. Его суть не является результатом инвестиционной активности производителей благ. Выход из сложившейся ситуации ищет экономическое сообщество и экономические власти. Предложения по этому поводу были озвучены на последнем Санкт-Петербургском экономическом форуме. Их суть можно кратко сформулировать как переход к модели *экономики предложения*, как альтернативы экономики, основанной на стимулировании спроса⁶.

Рост по модели «Экономика предложения»

Если оставить в стороне чисто теоретические вопросы, ее суть состоит в следующем: усилия правительства, сопровождаемые ресурсами и стимулирующей бюджетно-налоговой политикой, сосредотачиваются на поддержке производителей товаров и услуг в реальном секторе. Экономический рост, который будет происходить в реальном секторе, вызовет рост доходов. Рост доходов, в свою очередь, повлияет на конечный спрос, который существенно будет отличаться от первичного спроса, особенно поддерживаемого монетарными методами. Этот механизм представляется более эффективным, чем прямое стимулирование экономики первичным спросом. При всей привлекательности данного подхода, условием ее реализации является мощный поток инвестиций в реальный сектор. В противном случае, данный механизм даст сбой уже в исходном пункте. Важнейшее условие запуска данного подхода и данной инициативы в сложившемся инвестиционном климате не просматривается. Рассчитывать на сильную бюджетную поддержку при ее нынешней напряженности не приходится. Указанные трудности требуют поиска других путей, более реализуемых вариантов с доступными источниками роста.

«Бюджетный» экономический рост

В текущем периоде российскую экономику всколыхнул специфический рост, источником которого являются преимущественно бюджетные расходы (условно бюджетный рост). Обратимся к расчетам. В литературе обсуждался рост расходной части бюджета в 2024 г. почти на четверть. Запланированный прирост расходов

⁵ Доклад А.И. Колганова на Международном политэкономическом конгрессе 16 мая 2024 года. URL: <https://youtu.be/RGx-ty5jzBl?si=CaTkTtD5U5rUKatw> (Видео с данного конгресса можно посмотреть с применением VPN) (дата обращения: 22.08.2024).

⁶ Ее суть 08.05.2024 г. изложил Андрей Белоусов на пленарной сессии Дня национальных приоритетов «Эффективная и конкурентная экономика». URL: <http://government.ru/news/51554/> (дата обращения: 11.07.2024).

федерального бюджета в 2024 году по сравнению с 2023 г. составил 6,5 трлн рублей. Можно предположить, что эти средства будут направлены на производство и закупку вооружений и имущества военного назначения. Значит ВВП вырастет по статье госзакупок. ВВП 2023 г. составил 171 трлн руб. Поделив первое число на второе получим 3,8%. Это прирост ВВП в 2024 г., который должен быть получен за счет прироста бюджетных расходов, имея в виду, что дополнительные расходы бюджета будут направлены на госзаказ в реальном секторе. Если наши предположения о направлении бюджетных расходов верны, то в 2024 г. рост ВВП за счет них составит около 4%. Следует еще иметь в виду, что если в двух секретных статьях бюджета тоже имеется прирост в 2024 г., не включающий те дополнительные 6,5 трлн руб., то и они проявятся в дополнительном росте ВВП также на основе бюджетных расходов. Полагаться на «бюджетную» модель роста в долгосрочной перспективе нельзя по разным причинам. Повторение «бюджетного» роста чревато высокой инфляцией, что будет подталкивать ставку ЦБ к еще большему повышению и вытеснению частных инвестиций. Таким образом, расширенно воспроизводится инфляционная спираль.

Необходимость изменений на уровне экономической модели

Для существенного развития экономики надо признать необходимость изменения неэффективной экономической системы, которая образовалась в результате разрушительных реформ. Изменениями должны быть затронуты основы экономической модели, иначе не произойдет существенного сдвига. Приступать к фундаментальным изменениям следует из неоднократно обоснованного факта, что существующая экономическая модель не имеет внутренних источников роста, а внешние не доступны. Не произойдет существенных изменений, если даже случится переход на экономику предложения при неизменной в ее основах экономической системе. Изменения в экономике и экономической политике, если они не затронут основы модели, показавшей свою неэффективность на протяжении длительного времени, не принесут существенных результатов. Наши предложения обращены на изменения в основах экономической модели России, сформировавшейся за пореформенный период для перехода к более эффективному использованию ресурсов в краткосрочном периоде и структурным изменениям в долгосрочном периоде.

Для получения быстрых результатов следует на конкурентных условиях перераспределить ресурсы: сырьевые, инфраструктурные, имущественные с целью их более эффективного применения, поскольку прошедшие три десятилетия показали их крайне неэффективное использование в целом. Для этого ресурсы надо соединить с человеческим потенциалом эффективного предпринимательства самого высокого уровня. За истекшее время вырос новый слой предпринимателей, которые не были связаны с приватизацией и доказали высокую эффективность своей предпринимательской деятельности. Прежние владельцы за три десятилетия убедительно показали неэффективное их применение кратным отставанием экономики России от средних показателей мирового экономического роста. Перераспределение ресурсов затронет очень острую и чувствительную область общественных отношений – отношения собственности. Поэтому предлагаемые изменения должны быть осуществлены на основе принципов справедливости,

конкурентности, экономической эффективности. Выдержать названные принципы можно переводом важных ресурсов: сырьевых, инфраструктурных и имущественных, включая имущество ранее приватизированных предприятий, в объекты инвестиционных конкурсов. Главной целью является отбор на основе конкурентной состоятельности. Объекты собственности должны перейти к самым эффективным предпринимателям, доказавшим свою состоятельность в период последних десятилетий успешной реализацией проектов, без какого-либо участия в приватизации государственных ресурсов и имущества. В конкурсах могут участвовать как прежние собственники, так и новые претенденты, не исключая государство и иных отечественных резидентов. Если прежние владельцы в результате конкурса окажутся проигравшими, им должна быть предусмотрена компенсация средств, которые они потратили при приватизации, с учетом накопленных инвестиций и амортизации. Тогда исключительно на рыночных, условиях ресурсы, имущество и инфраструктура перейдут в режим эффективного применения и превратятся в дополнительный внутренний источник роста. Реализация этой реформы позволит получить импульсы экономического роста уже в краткосрочном периоде, что поддержит экономику и явится основой для дальнейшего наращивания потенциала. В долгосрочном периоде предлагается провести масштабную структурную перестройку, направленную на электронизацию российской экономики и иных достижений НТР, подобно довоенной индустриализации. С учетом напряженного положения в текущее время, требуется начать со срочного создания внутренних источников роста уже в краткосрочном периоде.

Это основные направления роста. Они должны осуществляться в рамках действующей экономической политики, которая тоже должна перейти в симметричный режим наиболее эффективного функционирования и явиться дополнительным источником роста.

Рост восстановительный и циклический

С вопросом о качественном и количественном росте связаны два очень актуальных вопроса, которые требуют обсуждения. Во-первых, – это рост восстановительный и рост циклический. Во-вторых, источники роста – чрезвычайные краткосрочные и перспективные. Начнем с первого.

На Санкт-Петербургском экономическом форуме 2023 года было озвучено, что Россия вышла на траекторию циклического роста. Потом эта формула несколько раз повторялась на других публичных форумах. Напомним, что специфика именно циклического роста состоит в том, что он происходит при массовом обновлении основного капитала и переходе на новую технологическую основу.

В отличие от циклического, восстановительный рост происходит на базе прежних по качеству и количеству факторов производства. Исходя из теории и практики возникает вопрос: происходит ли в России массовый переход на новые технологии. Если российская экономика находится в фазе циклического роста, то должны бурно развиваться технологии и происходить массовое обновление основного капитала. А на практике этого не происходит и наблюдается технологическое отставание, низкая техновооруженность труда и, как следствие, относительно низкая производительность труда.

В глобальном индексе инновационного развития Россия занимает 51 место⁷. Обратной стороной данного положения является факт большого дефицита рабочей силы, особенно квалифицированной, о котором говорилось и на последнем съезде РСПП. Объясняется это тем, что до нас еще не доходят результаты нового технологического прогресса (по Швабу четвертой технологической революции). Мы еще и третью как следует не освоили. В частности, Россия сильно отстает в применении робототехники, которая относится к технологиям прошлого поколения.

Нынешний кадровый голод объясняется тем, что у нас не происходит массового обновления основного капитала на новой технологической основе, мы застряли на технологиях предыдущих поколений, не развернув и не освоив их полностью. Это очень важный теоретический и практический вопрос. Если уже сейчас у нас признается циклический рост, то выдается очень желаемое за действительность. Происходит неадекватная оценка ситуации, поэтому вопрос о восстановительном и циклическом росте сейчас представляется актуальнее в практическом отношении вопроса о соотношении роста или развития, хотя эти вопросы тесно связаны между собой. Восстановительный рост – это рост без развития, а циклический рост – это развитие на новой технологической основе.

Следующий очень важный вопрос – источники роста. Помимо восстановительного и циклического роста на практике образуется новая, специфическая форма роста, которая может быть названа бюджетным ростом.

Уже приводились официальные данные, которые свидетельствуют о том, что российская экономика выросла на 3,6% в 2023 году, а в первом полугодии 2024 года на 5,2%.

Как оценить этот рост? В 2023 году рост произошел за счет того, что в 2022 году накопили огромные валютные средства за счет высоких цен на газ и тратили их в 2023 году. Эти накопления расходовались в 2023 году, за счет чего и происходил преимущественно бюджетный рост. На 2024 год в бюджет заложен невероятно высокий прирост расходов – более 24%. Это тоже бюджетный источник роста, но уже дефицитный. Рост происходит не потому, что случаются какие-то иностранные инвестиции или предпринимательские инвестиции резко растут. Это рост за счет бюджетных расходов. Это специфический рост. Есть ли при этом развитие? Едва ли, к сожалению, направление тех расходов неизвестны. К тому же есть сведения о том, что есть две засекреченные статьи бюджета. Научной базой для того, чтобы бюджетные расходы считать источником роста ВВП, является методика расчета ВВП по расходам. Это статья государственных закупок.

Об источниках роста

Как бы мы ни трактовали экономическую динамику как рост или развитие, Россия сейчас оказалась в той ситуации, где ей жизненно важными оказались источни-

⁷ GII 2022 results The GII reveals the most innovative economies in the world, ranking the innovation performance of 132 economies. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-section3-engii-2022-results-global-innovation-index-2022-15th-edition> (дата обращения: 26.07.2024). Эксперты Ростелекома определяют отдельные направления, по которым у России более предпочтительные позиции, например, в использовании цифровых технологий в медицине. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/61522-grossiya-popala-v-top-stran-po-urovnyu-tehnologicheskogo-razvitiya/>. По учету количества патентов, научных работ и инвестиций во всех техносферах Россия, по данным аналитиков Ростелекома, Россия заняла 15 место.

ки роста. Этот вопрос, кажется, является первейшим вопросом. Каковы источники внутреннего роста в условиях, когда все источники внешние обрублены?

Мы видим ближайший чрезвычайный источник роста в перераспределении ресурсов. Его механизм и принципы были рассмотрены выше. Добавим некоторые моменты. Три десятилетия назад ресурсы России от государства перешли в частную собственность под названием «приватизация». Новый режим собственности, который пришел на смену «неэффективной» государственной, дал за 30 лет нам 24% роста (по некоторым, весьма авторитетным оценкам – 17%). Это меньше 1% в среднем за год. Это то, что дала новая «эффективная» форма, которой были переданы ресурсы. Вот их и надо перераспределить хотя бы в пользу тех предпринимателей, которые за эти 30 лет выросли самостоятельно и могут дотянуться до среднемировых темпов развития. Это предложение не могло не затронуть интересы тех, кто составил личное состояние на фоне общего провала. Против этого предложения выступил А. Шохин, председатель РСПП. Изложенную позицию он представил как предложение все отнять и поделить. Конечно, это недобросовестное изменение нашей позиции. На самом деле мы предлагаем исключительно рыночно-конкурентную меру.

Вопрос этот настолько острый, что его обсуждение имело продолжение на съезде РСПП. Предпринимателей очень волновал вопрос: будет ли деприватизация. Вопрос этот задавался и Президенту. От него был получен ответ о том, что никаких деприватизаций или переприватизаций не будет. Но предприниматели не унимались, и А. Шохин говорил о том, что люди приватизировали государственное имущество по Федеральным законам, являются добросовестными приобретателями и не должны отвечать за их применение. Вопрос о том, кто и в чьих интересах эти законы принимал и как они применялись не поднимался. Так же не поднимался вопрос о том: как это имущество применялось сообществом предпринимателей за эти 30 лет. А был очень хороший случай эти вопросы обсудить прежде, чем делать вывод об эффективном режиме собственности.

Что касается источников роста в краткосрочном периоде – никаких у России других нет, кроме как перераспределить ресурсы в более эффективные руки. Разговоры о том, что мы предлагаем все отнять и поделить – недобросовестны. Они отражают интересы тех, кто когда-то получил ресурсы государства, использование которых их устраивает. То, что новый режим собственности дает меньше 1% роста экономики в год, в три раза отставая от мирового среднего развития, их не волнует, поскольку для них личное важнее общественного.

Что касается долгосрочного периода. В долгосрочной перспективе, очевидно, что России нужно совершить нечто подобное в индустриализации, но она может быть теперь названа электронификацией России. Но такой проект займет, очевидно, не менее 7 лет. Для этого потребуются другое время и другие ресурсы. Но начать надо с того, о чем уже было сказано – в ближайшей перспективе перераспределить доступные России и имеющиеся у нее ресурсы для более эффективного использования. Механизм мы предложили. При этом мы не абсолютизируем свою точку зрения. Ее можно рассматривать как призыв, или даже вызов с тем, чтобы были предложены другие варианты. Конкурентность в данном случае полезней любой монополии.

Роль государства

Наконец, рассмотрим вопрос о роли государства в обеспечении экономического роста. Роль государства в экономике вообще и экономическом росте, в частности, относится к традиционно обсуждаемым проблемам в экономической теории со времен А. Смита, но конкретно – исторические условия ставят новые проблемы. В экономической науке XX века определились два теоретических направления: кейнсианское и монетаристское (либеральное). Последнее последовательно выступает за минимальное участие государства в экономике, в том числе и в обеспечении условий экономического роста. В России, где экономические реформы имели явно выраженную радикально-либеральную направленность, монетаристское направление получило благодатную почву. Она обильно подпитывала специальные исследования, направленные на доказательство обратной зависимости темпов экономического роста от уровня государственного вмешательства в экономику⁸. При этом фактические аргументы черпались из мировой практики, правда, с оригинальным способом их статистической обработки и интерпретации так, что существенно искажалась суть исходного материала. Придерживаясь иных позиций, мы в данном случае тоже будем использовать зарубежный опыт и уже имеющиеся зарубежные исследования по этому вопросу. В учебнике по макроэкономике очень известного автора содержатся материалы полувекового наблюдения (1938-1988), где доказывается, что в XX веке роль государства в экономике существенно возросла. В развитых странах она в среднем удвоилась. Приведена специальная таблица, где показано, что в США, Франции, Нидерландах государственные расходы по отношению к ВВП удвоилась (Сакс, Ларрен, 1996, с. 224-225). Некоторые авторы, в том числе и только что упомянутые, прилагали огромные усилия, чтобы доказать обратное, опираясь на тот же самый мировой опыт.

Зарубежные коллеги наблюдали эти тенденции, изучали их, искали этому объяснение, но не пытались опровергать доказанное. Некоторые исследователи видели причину в том, что государственные услуги считались высококачественным благом при высокой эластичности спроса на них со стороны фирм и домашних хозяйств. Последовательная и выраженная тенденция роста госрасходов по мере роста ВВП получила название Закона Вагнера, по имени немецкого экономиста, проследившего эту тенденцию в конце XIX века. В соответствии с ним, увеличению национального дохода соответствует тенденция роста государственных расходов. Попытка доказать обратное, обходя имеющийся на этот счет исследования, выглядят не очень корректными в научном отношении.

⁸ Приведем лишь наиболее заметные публикации данного направления: Илларионов А., Пивоварова Н. Размеры государства и экономический рост. Вопросы экономики. 2002. № 9; Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие. Вопросы экономики. 2000. № 1; Илларионов А. Экономическая свобода и благосостояние народов. Вопросы экономики. 2000. № 4.; Ясин Е. Бремя государства и экономическая политика. (либеральная альтернатива). Вопросы экономики. 2003. № 1; Ясин Е. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста. М.: ВШЭ. 2002. № 2; Ясин Е. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ. 2002. – 437 с.; Ясин Е. Функции государства в рыночной экономике. Вопросы экономики. 1997. № 6; Ясин Е. Поражение или отступление? Вопросы экономики. 1999. № 2.; Модернизация российской экономики. В 2-х кн. Отв. редактор Е. Ясин. Кн. 1. М.: ГУ ВШЭ. 2002. – 326 с.; Гайдар Е. Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику. Вопросы экономики. 1998. № 4; Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы длинного развития. Вопросы экономики. 2002. № 7.

Представляет интерес и другие исследования в данном направлении. Американский экономист Д. Ашауер выявил взаимосвязь между замедлением темпов экономического роста в США и сокращением расходов на инфраструктуру. По его расчетам (в разные периоды) ежегодным государственным инвестициям в инфраструктуру в 2,3% от ВВП соответствовала норма прибыли, превышающая 13%. А снижению таких инвестиции до 0,41% соответствовала понизившаяся норма прибыли до 7,9%.

Так же прослежена прямая связь между динамикой производительности труда и государственными расходами на развитие инфраструктуры. Наибольшим государственным расходом на инфраструктуру в Японии соответствовала самая высокая производительность труда. Такая же тенденция прослеживается упомянутым автором во Франции, ФРГ, Канаде, Великобритании. Более низкие темпы производительности труда в США в сопоставимый период связываются с относительно меньшими государственными расходами в инфраструктуру. По итогам проведенных исследований и выявленных тенденций Д. Ашауер делает общий вывод о том, что активное государственное участие в развитии производственной инфраструктуры повышает конкурентоспособность национального производства на мировом рынке (Макконнелл, Брю, 1992, с. 394-395).

Описанная выше роль государства в экономическом росте и развитии экономики основана на опыте самых развитых стран, который должен быть ориентиром для менее развитых стран. «Запуску» роста и развития экономики в России служат государственные программы, среди которых приоритетное значение имеют «майские» Указы Президента РФ.

Самым «свежим» всплеском обсуждения роли государства в экономике явилось вторжение в научно-экономическое пространство догмы о 71% участия государства в создании ВВП. Появилась эта цифра в докладе Антимонопольного комитета в 2014 году и получила широкое распространение в среде ученых, политиков, руководителей. На наше обращение в ведомство о методике расчета конкретный ответ получен не был, но выяснилось, что таковой просто нет в ведомстве. Исследование первоисточника оказалось непростым, но определение ошибочности не составляет большого труда. Для экономиста любого уровня ясно, что ВВП создается трудом и капиталом. Официальные статистические издания ежегодно публикуют долю основного капитала, принадлежащего государству и долю занятых, приходящихся на госсектор. Есть результаты специального исследования – через определение доли государства в ВВП, через полную принадлежность государству предприятий и государственного владения долями в компаниях. Полученные данные не очень разнятся со статистическими данными по доле труда и капитала, принадлежащего государству. Подробно эти вопросы отражены в специальных публикациях (Хубиев, 2016, с. 7-23; 2017, с. 26-35). Здесь же обратим внимание на цель и смыслы подобных, не очень добросовестных заблуждений.

Со ссылкой на 71%-е участие государства в экономике утверждается о беспрецедентном давлении государства на экономику и в этом усматривается основная причина низкой эффективности российской экономической модели. Отсюда делается вывод о необходимости «второй волны» приватизации. Состав объектов этой новой волны не конкретизируется. Возможно, это откладывается до принятия политического решения. Важность исследования истоков и очевидной ошибочности

этой догмы в том и состоит, чтобы искомые политические решения не состоялись. А соискатели «второй волны» приватизации должны сперва ответить за результаты первой волны. Три десятилетия достаточный срок. И тогда основным аргументом была «неэффективность» государственной собственности. Небезосновательно, со ссылкой на экономическую историю, утверждалось о прогрессивном потенциале частного интереса, инициативы, конкуренции, которые поднимут экономику России на уровень развитых стран, а благосостояние и благополучие ее граждан до высоких стандартов. А в итоге экономика провалилась ниже показателей «великой депрессии» и достигла в 1998 году уровня разгромленной Германии 1945 года. Благосостояние граждан упало до проявлений эффекта Гиффена, население сократилось более, чем на 10 млн. Теперь предлагается повторно пройти тем же путем, на основе той же идеологии, не утруждая себя сколько-нибудь глубоким анализом причин провала и даже сочинением новой идеологии и новых аргументов. Имеются достаточные основания для того, чтобы искать альтернативные пути развития. Наша позиция была кратко изложена выше, более подробно она описана в иных публикациях (Хубиев, Теняков, 2022, с. 22-39).

ЛИТЕРАТУРА

Бузгалин А.В., Хубиев К.А., Теняков И.М., Заздравных А.В. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели // Общество и экономика. 2021. № 12. С. 16-44. DOI: 10.31857/S020736760017821-2

Макконнелл К., Брю С. Экономикс. Т. 1. М.: Республика, 1992. – 399 с.

Сакс Д., Ларрен Б. Макроэкономика. М.: Дело, 1996. – 848 с.

Хубиев К.А. Актуальная роль государства в экономическом развитии // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016. Том 8. № 4. С. 7-23. EDN: ZROITL

Хубиев К.А. О роли государства в экономическом развитии // Экономист. 2017. № 2. С. 26-35.

Экономический рост и вектор развития современной России. Под редакцией К.А. Хубиева. М.: ТЕИС, 2004. – 726 с. EDN: WZRLNL

Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономии. 2022. № 2. С. 22-39. DOI:10.5281/zenodo.6881149

Информация об авторе

Хубиев Кайсын Азретович – доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. (khubiev48@mail.ru) (elibrary AuthorID: 817714) (ORCID: 0000 0001 7285 1136)

REFERENCES

Buzgalin A.V., Khubiev K.A., Tenyakov I.M., Zazdravnykh A.V. Growth and/or development: specificity of the Russian economic model. *Obshchestvo i ekonomika=Society and economy*. 2021;(12):16-44. DOI: 10.31857/S020736760017821-2 (In Russ.)

McConnell C., Brue S. Economics. Vol. 1. M.: Republic, 1992. – 399 p.

Sachs D., Larrain B. Macroeconomics. M.: Delo, 1996. – 848 p.

Khubiev K.A. Passionarity of the role of the state in economic development. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal. 2016;8(4):7-23. EDN: ZROITL (In Russ.)

Khubiev K.A. On the role of the state in economic development. Ekonomist. 2017;(2):26-35. (In Russ.)

Economic growth and vector of development of modern Russia. Edited by K.A. Khubiev. Moscow: TEIS, 2004. – 726 p. EDN: WZRLNL

Khubiev K.A., Tenyakov I.M. The fractured vector of development of the Russian economy. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2022;(2):22-39. DOI:10.5281/zenodo.6881149 (In Russ.)

Information about the author

Kaisyn A. Khubiev – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(khubiev48@mail.ru) (elibrary AuthorID: 817714) (ORCID: 0000 0001 7285 1136)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024; одобрена после рецензирования: 14.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

УДК: 330:330.3

DOI: 10.5281/zenodo.13895699 <https://zenodo.org/record/13895699>

О ДИАЛЕКТИКЕ РОСТА И РАЗВИТИЯ И НЕОБХОДИМЫХ И ДОСТАТОЧНЫХ УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Эпштейн Давид Беркович¹

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Санкт-Петербург, Россия, (epsteindb@gmail.com), (ORCID 0000-0002-1164-6291)

Ключевые слова: *экономический рост, экономическое развитие, прогресс, инновации, менталитет, институты, отвечающие менталитету народа*

Для цитирования: Эпштейн Д.Б. О диалектике роста и развития и необходимых и достаточных условиях экономического развития // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 136-149.

ON THE DIALECTICS OF GROWTH AND DEVELOPMENT, AS WELL AS ON NECESSARY AND SUFFICIENT CONDITIONS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

David B. Epshtein

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, (epsteindb@gmail.com), (ORCID 0000-0002-1164-6291)

Keywords: *economic growth, economic development, progress, innovation, mentality, institutions that meet the mentality of the people*

For citation: Epstein D.B. On the dialectics of growth and development, as well as on necessary and sufficient conditions of economic development. Problems in Political Economy. 2024;3(39):136-149.

JEL codes: O10, O38, O43

Введение. Рост: объект и измерение

Рассматривая вопрос о взаимоотношении роста и развития, важно определиться с объектом, ибо рост и развитие, например, в биологии, геологии или экономике отдельного предприятия – это существенно разные понятия. При этом мы все же будем по мере необходимости обращаться к более общему смыслу этих важных понятий.

¹ © Эпштейн Д.Б., 2024

Мы будем рассматривать в качестве объекта государство, точнее экономику государства, регулируемую рыночную экономику, но не плановую директивную экономику типа СССР, так как мы хотели бы в результате нашего анализа попытаться сформулировать необходимые и достаточные условия развития, а у директивной плановой экономики эти условия были несколько иные. И в заключение мне придется остановиться на особенностях ситуации с экономическим развитием Россией.

Начнем с самого простого определения: экономический рост – это увеличение (в результате производства) общих, суммарных показателей производства благ. Растут общие показатели, следовательно, мы имеем экономический рост (по определению), хотя показатели на душу населения страны (или анализируемого региона) могут и не расти. Для сравнения используются, как правило, показатели по годам, а также, в случае существенных колебаний этих показателей, за определенный период, чтобы сгладить эти колебания, например, сравнение по пятилеткам. Для оценки динамики в течение года статистические ведомства и предприятия используют показатели объемов производства по кварталам и по месяцам.

О конкретных показателях экономического роста можно говорить и спорить отдельно. Но в качестве первого приближения вполне можно взять ВВП или национальный доход, или добавленную стоимость, притом, что у каждого из показателей могут быть свои недостатки. Но важно, чтобы применяемые стоимостные показатели исчислялись для оценки роста в одинаковых ценах или, точнее, в одинаковом уровне цен, чтобы фактор изменения цен не влиял на оценки роста. Кажущийся самым простым вариант методики расчета – это помножить количество каждого произведенного блага на его стоимостную оценку (иначе говоря, цену) и сложить полученное по всем благам (то есть по всем материальным продуктам и всем видам услуг). Но здесь сразу возникают два вопроса: не будет ли происходить при этом повторный счет, ибо какие-то блага в этом периоде (в году) будут использоваться для производства других благ, а те – для третьих и т.д. Например, сельхозпроизводители отчитаются производством мяса, это мясо в этом же году пойдет на производство колбас, сосисок, фарша и т.д., а из фарша «домовые кухни и рестораны» наделают котлет, гамбургеров и т.п. И при подсчете, если брать стоимость каждого вида продукции, то стоимость мяса войдет в итоговую сумму трижды. То же и по сугубо промышленным товарам и услугам. Поэтому стараются уменьшить влияние повторного счета. Это делается путем вычитания стоимости промежуточного, то есть потребляемого в производстве в текущем году продукта (чтобы получить тем самым величину конечного продукта). Второй вопрос – как учесть реальное множество материальных благ и услуг, ведь это очень большое число, и каждый год создаются сотни, если не тысячи новых наименований. И для этих новых видов благ нет прежних цен, поэтому они в определенном смысле не сопоставимы с прежними, которые за многие годы производства существенно снизились в цене... Но на этом мы остановимся в рассуждениях о способах оценки роста экономики. Важно видеть, что это отдельная и весьма важная, при этом непростая отрасль экономической науки.

Перейдем к вопросу о том, что такое развитие.

Развитие и его измерение

Что же такое развитие? Без некоторого определения и здесь не обойтись, так как развитие – это сложное философское понятие, отнюдь не только экономическое.

Если идти от этимологии русского слова, то развитие (корень этого слова происходит из слова вить, виться) это «разматывание», раскручивание чего-то, ранее свернутого или потенциально содержащегося в том, что позже развивается. В биологии такое понимание имеет смысл как «раскручивание» свойств и потенциала, заложенных в генах.

По-немецки также развитие – *Entwicklung* – это существительное от глагола *wickeln* (свертывать, заматывать, обматывать) с приставкой *ent*, означающей раз..., рас... в смысле развертывать, раскручивать. То есть и в немецком есть аналогичное происхождение, но Интернет указывает на Этимологический словарь Шанского², в котором говорится, что это слово – прямая калька с немецкого³.

Английское слово *development*, на первый взгляд, не демонстрирует ясное его происхождение, так как, если отбросить *de*, то остается *velop*, что означает бежать, а также и разрабатывать. Но если взять глагол *envelop*, то оно тоже как раз означает охватывать, обволакивать, окружать. Если учесть, что приставка *de* означает изменение смысла (и движения, действия) слова на противоположное, то *deenvelop* означало бы раскручивать, развертывать, а *deenvelopment* – раскручивание, развертывание. Но в языке двойное *e* могло слиться в одно, а *n* – просто уйти, исчезнуть при длительном употреблении. Я не лингвист, но такая гипотеза происхождения слова *развитие* как «раскручивание, развертывание» имеет право на существование.

Также трактовка слова *развитие* как развертывание некоторых свойств, как чего-то, заложенного в зачатке, отвечает диалектическому толкованию развития как движения, возникающего из единства и противоречия противоположностей в объекте, развития, которое и снимает прежние противоречия, и воспроизводит их на новом уровне.

Интернет, ссылаясь на Толковый словарь Ожегова⁴, дает такое определение развития: «Процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему». Вот этот переход к более совершенному, к лучшему в каких-то отношениях состоянию представляется нам наиболее правильным в толковании *развития* по отношению к экономическим процессам и объектам. Оно также отвечает определению толкового словаря «Политика» под редакцией Андерхилла Д., Барретта С. и др., где под развитием понимается «Многомерный процесс, обычно подразумевающий изменение состояния от менее удовлетворительного к более удовлетворительному»⁵.

² URL: <https://gufo.me/dict/shansky> (дата обращения 15.06.2024).

³ См. <https://gufo.me/dict/dal/%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5> (дата обращения 15.06.2024).

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/197062> (дата обращения: 12.06.2024).

⁵ Андерхилл Д., Барретт С. и др. Политика. Толковый словарь. 2001. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/4134/%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%92%D0%98%D0%A2%D0%98%D0%95> (дата обращения 12.06.2024).

Брать в качестве критерия экономического (и социального) развития переход к более сложному было бы, на наш взгляд, неправильно, ибо более сложное – это отнюдь не всегда есть совершенствование, прогресс, улучшение. Например, появление новых (военных) отраслей и новых видов продукции – это усложнение, но оно не обязательно сопровождается ростом производительности труда, потребления, снижения бедности и т.д. Еще один пример: усложнение государственного управления... далеко не всегда означает улучшение, прогресс.

Обратимся также к тому, что противостоит развитию с точки зрения логики и диалектики. Это отнюдь не рост, а регресс, деградация, ухудшение! И наоборот – регрессу и ухудшению противостоит прогресс, улучшение. Развитие, таким образом, – это, прежде всего, прогресс, улучшение.

Исходя из этого, видимо, под развитием человеческого общества, экономики следует понимать их улучшение, прогресс, совершенствование... с учетом социальных требований к тому, что такое улучшение.

Классовая противоречивость «улучшения» как характеристики развития и роль суверенности классов

Понятно, что именно учет социальных аспектов любых экономических изменений демонстрирует исходную противоречивость понятий улучшения, прогресса как главных характеристик развития. В самом деле: общество состоит из классов и социальных групп, имеющих различные интересы, в том числе и разнонаправленные, в определенных ситуациях антагонистические. Рост производительности труда, несущий рост прибыли фирмам, если он не сопровождается ростом доходов и благосостояния основной массы трудящихся, очевидно, не является для них улучшением, но является таковым для успешных фирм. Является ли такой «односторонний» рост производительности труда развитием? На наш взгляд, в данном случае да, ибо, как минимум, рост производительности общественного труда создает необходимую базу для роста благосостояния всего населения. Но, очевидно, что критерии улучшения (и, следовательно, развития) не являются абсолютными, едиными для «всех времен и народов», они носят общественный и даже классовый характер.

Встает вопрос, можно ли в конкретной стране для определенного периода выработать конкретные требования к пониманию улучшения так, чтобы они отвечали интересам всех классов и слоев населения, как минимум, всех некриминализованных слоев? Поскольку такие критерии будут отражать определенное соотношение интересов и политических сил различных классов и групп, то есть определенный результат классовой борьбы и классового взаимодействия, то они будут зависеть (и в жизни реально зависят) от политической и экономической силы, политического влияния классов, то есть, выражаясь языком Канта, Гегеля и Маркса, от того, в какой мере каждый из классов вырос «из класса в себе в класс для себя». Иначе говоря, конкретные требования к прогрессу и их соответствие интересам различных классов общества зависят от того, в какой мере каждый из классов (и крупных социальных групп) способен, с одной стороны, понимать, выражать и защищать свои интересы, *то есть, как говорят в России последние годы, быть суверенным*, но, с другой стороны, насколько он способен к компромиссам, учитывая то, что реально объединяет данное общество, делает его обществом.

Отсюда следует, что по мере развития той или иной страны и, что очень важно, развития производительных сил, в каждой стране (это необходимое условие) должно постепенно происходить как накопление определенного исторического опыта каждым из классов, в том числе опыта борьбы, учета аналогичных процессов в наиболее развитых странах, так и закрепление этого опыта и результатов борьбы в повышении способностей классов учитывать интересы друг друга. В этом можно видеть позитивные перспективы исторического развития мира и постепенного, хотя и нелинейного преодоления классовых антагонизмов.

Развитие – это и рост!

Может ли быть развитие без изменения количественных показателей?

А развитие в смысле улучшения возможно без растущих количественных показателей? Если ни один экономический или социальный параметр не растет, то это трудно назвать развитием! Под социальными параметрами я понимаю в данном случае количественно измеряемые соотношения между классами и различными социальными группами населения. Если в принципе нельзя количественно измерить параметры некоторого развития и увидеть позитивное изменение этих параметров, то трудно говорить, что это развитие... в смысле улучшения. Конечно, улучшение может означать не только увеличение, но и уменьшение каких-то параметров, если они измеряют характеристики, расцениваемые обществом как отрицательные, негативные, например, степень загрязнения природы, степень эксплуатации, меру неравенства в доходах и т.д.

Улучшение может означать появление новых и/или увеличение количества доступности известных благ, снижение затрат на их производство, рост производительности труда (важнейший показатель развития производства, если этот рост устойчивый) или, что еще более важно, позитивное количественное изменение определенных социальных показателей (это очень важно для марксистов) – социального неравенства в разных аспектах, степени эксплуатации, участия в управлении, степени демократичности общества и т.д.

То есть у развития всегда есть экономическое и социальное измерение. Без оценки количественных параметров (показателей) (их увеличения или уменьшения) при анализе и оценке развития не обойтись. Если ни один экономический или социальный параметр не растет, то это невозможно назвать развитием.

Это означает, что развитие – это тоже рост, в том числе и количественный рост, то есть непроходимой пропасти между развитием и ростом в данном направлении – от развития к росту – нет. Во всяком случае, нет развития без роста... хотя бы в некотором отношении. Но ведь одно переходит в другое. Видимо, и рост на определенном этапе переходит в развитие, ибо «количественные изменения переходят в качественные» (один из законов диалектики). Длительный рост, даже просто масштабирование, например, в виде строительства новых предприятий прежней производительности, когда есть соответствующие резервы рабочей силы, ведет к экономическому прогрессу и усилению экономики, то есть означает развитие!

То есть рост и развитие противостоят друг другу не антагонистически, а как две стороны, количественная и качественная, одного и того же процесса, который в целом оправданно называется развитием, ибо это название выражает качественное содержание процесса.

Ряд экономистов, опираясь на математические модели и существующие тенденции, аргументируют наличие пределов роста населения и потребления человечества на Земле в силу, прежде всего, достижения экологических пределов⁶. Поставим, в связи с этим вопрос: будет ли прогрессом ситуация, когда общего экономического роста нет и нет роста численности населения, но растет производительность общественного труда. Тогда количество благ, создаваемых на душу населения, оказывается тем же самым, но число людей, занятых в производстве, сокращается. Если при этом удастся высвобождаемых работников направлять *при сокращении рабочего времени* на другие производства, то это было бы общественным прогрессом, так как росло бы свободное время – важнейшее из благ современного человеческого общества. О таких моделях приходится думать, учитывая тенденции сокращения численности населения во многих странах на фоне ухудшения экологии. «Нулевой рост» может оказаться реальностью для не очень далеких поколений. Если рост производительности достаточно большой, он потенциально позволит снижать рабочее время и увеличивать время свободное.

В целом, хотя это может показаться странным, экономическое развитие (в смысле определенного улучшения, измеряемого прогресса экономики) тоже не следует абсолютизировать, ибо прогресс может быть весьма частичным и вызывать быстро нарастающие противоречия. Вспомним, что кризисы, как правило, следуют за периодами бурного роста и развития, при котором растет производительность труда, общий объем экономики, капиталовложения. Можно вспомнить капиталистическое развитие Европы в XIX веке и России до Первой мировой войны, которые в существенной степени происходили за счет усиления эксплуатации рабочих и нарастания острейших социальных противоречий. Развитие экономики в ряде развитых стран сопровождается многолетней стагнацией доходов больших слоев населения. Наконец, экономическое развитие может сопровождаться и нередко сопровождается нарастающим загрязнением окружающей среды, ухудшением экологии.

Следовательно, учитывая множество социальных параметров общественного состояния, а также ограниченность воспроизводительного потенциала природы, мы (человеческое общество) должны в XXI веке стремиться весьма внимательно отслеживать не только экономические, но основные социальные (в том числе и экологические) параметры развития и роста и, соответственно, корректировать экономическую политику.

Всякое ли общее улучшение означает прогресс, развитие человека и человечества?

Вопрос о том, что такое улучшение как признак развития, тоже не столь прост, как может показаться. Например, количественное увеличение для всех людей (в этом смысле – общее) доступа к тем благам, которые составляют потребности людей (отдых, достаточное и качественное потребление, освобождение от тяже-

⁶ «В настоящий момент видны пределы консюмеризма как главного драйвера экономики, а также налицо уменьшение роли роста населения в совокупном спросе в связи с падением рождаемости и увеличением количества пожилых людей. Эти проблемы, однако, не являются ведущими в развивающихся странах, которые еще не достигли достаточного уровня потребления. В любом случае встает задача изменения модели потребления общества и индивидов в развитых странах при учете недопотребления в развивающихся странах и проблемы климата» (Садовничий, Акаев, 2022, с. 130).

лого труда, от чрезмерных волнений, свободное время и т.д.) до какого-то уровня, видимо, есть улучшение. Но такое развитие не может быть беспредельным, ибо, во-первых, ресурсы Земли (пока человечество не освоило космос) далеко не безграничны, они ставят пределы улучшению и развитию, понимаемому как увеличение потребления. Но есть и более серьезные обстоятельства: способна ли выдерживать человеческая природа постоянное и бесконечное «улучшение» в смысле все большего удовлетворения потребностей?

Известен эксперимент на мышах, которых кормили столько, сколько они хотели. В итоге они ...перестают размножаться и погибают⁷. Этот эксперимент можно критиковать с разных позиций: мышей сначала было всего четыре пары, то есть размножение в существенной части представляло собой кровосмешение. Кроме того, принципиальным условием была проверка влияния жестко ограниченного пространства для мышей. Их помещали на площади два на два метра при высоте бака полтора метра⁸. И т.п. Но этот пример, пусть и не совершенный, позволяет увидеть по-новому некоторые черты современного общества в развитых странах. Уже сегодня проявляются тенденции оглупления общества и движения к смерти, к самоуничтожению. Я не буду приводить много примеров этого, но вспомним о наиболее массовых и бросающихся в глаза: ЛГБТ-движение, растущая тенденция искусственной смены полов, подогреваемая правительствами стран, стремление выделиться («самореализоваться») посредством яркой окраски волос, пирсинга, татуировок и т.п.).

Или иной пример негативных последствий некоторых «улучшений» – слишком быстрое «слияние цивилизаций», при котором волны мигрантов захлестывают европейские государства, возникают угрозы безопасности и существованию этих государств. На первый взгляд – это социальное улучшение, это расширение возможностей представителям отстающих пока в экономическом развитии стран повысить свой уровень жизни и приобщиться к более высокой общественной культуре. Но результаты получаются иными – сближение этносов и культур не происходит, возникают потери для обоих обществ – и для «принимающей стороны», и для мигрантов.

То есть имеются признаки того, что «улучшения» в смысле количественного роста благосостояния не беспредельны не только в силу ограниченности ресурсов Земли, но и потому что на этом пути встает человеческая природа: без серьезного труда, то есть осмысленного, полезного, напряженного труда, причем не только умственного, человечество с большой вероятностью начнет вымирать! Вспомним предание: «В поте лица своего будете добывать хлеб свой». И эта необходимость *напряженного* труда, ставящая определенный предел прогрессу, на мой взгляд, является благом.

Социальные направления прогресса также требуют диалектического подхода

Что же такое улучшение экономики? Может быть, однозначно позитивными, универсальными являются социальные требования, например, избавление от неравенства в развитии государств, иного социального неравенства?

⁷ Хужина Я. Утопия для мышей: 53 года эксперименту «Вселенная-25». Научная Россия. 09.07.2021. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/utopiya-dlya-myshej-53-goda-eksperimentu-vsennaya-25> (дата обращения: 12.06.2024).

⁸ Карманов Р. Мышиный рай – эксперимент «Вселенная-25». 2017. URL: <https://www.atraining.ru/trainers/karmanov/universe-25-fake/> (дата обращения: 12.06.2024).

Казалось бы, неравенство в развитии государств, их борьба и конкуренция – это определенно плохо, от этого надо избавляться... Но, с другой стороны, именно конкуренция цивилизаций, наций, государств и так же конкуренция личностей являлись и являются важным фактором общественного прогресса. То же и с социальным неравенством. До определенной степени оно необходимо как стимул для личного развития.

Вывод: определяя направления развития, то есть улучшения, прогресса экономики, неправильно ставить цели «полного материального изобилия», избавления от всех видов социального неравенства и т.п. В этих пунктах также нужна своя мера!

Поставим вопрос несколько в иной, но тоже в «количественной плоскости»: как правильно формулировать цели развития – увеличивать «объемы хорошего» или сокращать «пространство плохого», борясь против существенных ухудшений в определенных сферах, например, в социальной, экологической и т.д.?

По-видимому, нужно сочетание и тех, и других формулировок, улучшения и уменьшения, например, рост объемов потребления качественных продуктов питания и сокращение производства и потребления опасных для здоровья продуктов питания. Или рост доходов и уменьшение бедности. В качестве примера можно привести 17 целей (ЦУР), принятых ООН, где есть и «расширение объемов благ», и «уменьшение объемов негативного на Земле» (бедности, загрязнения, голода и т.д.)⁹. Там собраны весьма разумные цели, по сути, очень близкие к социалистическим! Однако и их реализация требует для каждой страны тщательного планирования, учитывающего особенности каждой из стран. Дело в том, что каждая из целей требует выделения ресурсов, и они в этом смысле конкурируют между собой, при этом по каждому из направлений каждая из стран находится на своем уровне развития и имеет свои специфические возможности.

О необходимых и достаточных условиях стабильного экономического развития

Безусловно, главным фактором и необходимым условием улучшения (развития) экономики является рост производительности труда, а он, в свою очередь, достигается за счет научно-технического прогресса. Или инноваций, говоря более современным языком.

А для их появления и широкого внедрения, в свою очередь, необходимы, с одной стороны, наука и качественное образование, а с другой, определенная величина капиталовложений и соответствующая государственная экономическая политика (поддерживающая инновации). Являются ли эти необходимые условия и достаточными для стабильного развития? На первый взгляд – всего хватает. Если обратиться к примеру России, которая, как известно, в отношении степени инновационности в экономике и объемов внедрения инноваций находится на пятидесятих местах в мире, то со всеми этими факторами у нас дела обстоят плохо, да и рост экономики в среднем – 1% в год (Аганбегян, 2023). Это можно объяснить тем, что у нас определенные проблемы по всем названным факторам: наука и образование финансируются по остаточному принципу, зарплата кандидатов и докторов наук во многих отраслях науки и образования ниже зарплаты кассира в гастроно-

⁹ Повестка дня в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 15.06.2024).

ме; наука управляется бюрократической системой, руководимой кандидатом наук, а в системе образования идут непрерывные перестройки, также бюрократического свойства, она то занята копированием европейского опыта, то отказом от него. Капиталовложения явно недостаточны не только для инновационного развития, но и для поддержания ежегодных темпов роста хотя бы на уровне 2%. И государственная политика поддержки инноваций у нас встречает сопротивление финансовых органов и Центробанка, удерживающих «денежное наполнение» экономики и кредитование предприятий на недопустимо низком уровне. Этот разрыв в работе различных органов власти наводит на мысль о необходимости координации всех звеньев управленческой системы и системного государственного планирования.

Действительно, государственное планирование как одна из компонент успешной государственной экономической политики для решения экономических и социальных задач общества – один из необходимых факторов НТП и развития. Но лишь до определенной степени охвата и директивности, не снижающих возможности предпринимательства самых разных масштабов. Не следует идеализировать, как показал опыт СССР, централизованное директивное планирование. Оно способно успешно решать задачи лишь сравнительно небольшого уровня сложности. Это – во-первых, а во-вторых, без соответствующих противовесов оно может выливаться в гегемонизм, в управление обществом посредством насилия.

Все названные выше меры являются необходимыми условиями для стабильного экономического развития. Но будут ли они достаточными для перехода к развитию России на основе стабильного экономического инновационного роста? На наш взгляд нет! Чего же не хватает? Дело в том, что все названные выше в качестве необходимых факторы относятся к мерам государственного управления, то есть направленными «сверху вниз». А отвечает ли им соответствующий поток предпринимательской инициативы «снизу вверх»? Видимо, нет, если инновационность экономики столь низка. А что рекомендует «экономикс» как необходимые и достаточные условия экономического развития?

Необходимые и достаточные условия экономического развития по «экономикс»

Стандартная сегодняшняя цепочка обеспечения прогресса, улучшения экономики (в смысле роста производительности труда), рекомендуемая «экономикс» и фактически нацеливающая на широкое развитие инновационного предпринимательства, выглядит так: «*инновации*» + «*человеческий капитал*» + «*знания*» + «*социальный капитал*»¹⁰ (Мэнкью, 2013, с. 452-481); (Нуреев, Латов, 2010). Обращает на себя внимание отсутствие в этой формуле государственного управления и всей непростой системы реализующих его институтов, качество которого, на самом деле, является одним из немногих решающих факторов успеха¹¹.

Что нам говорит эта классическая модель в отношении России? В конечном итоге, нас должна интересовать наша страна! То, что у нас проблемы и по выработке инноваций, и по качеству образования, и по величине финансирования науки,

¹⁰ Речь идет о социальном капитале в смысле взаимного доверия, готовности поддерживать других людей, действовать в интересах общества.

¹¹ Интересно, что Мэнкью в своем учебнике уделит государственному управлению буквально несколько строк. Правда, они весьма справедливы: «Многие экономисты считают, что без качественного управления экономическое развитие вряд ли возможно» (Мэнкью, 2013, с. 473).

и с ее самостоятельностью – это хорошо известно (Аганбегян, 2023). Что касается «человеческого капитала», то он создается не только и не столько образованием, сколько практическим опытом на рабочих местах (Лукас, 2013, с. 27). И понятно, что если страна отстает по инновационному развитию, то это негативно сказывается и на динамике «человеческого капитала», а она, в свою очередь, вновь дает дополнительный импульс отставанию.

Весьма авторитетные исследователи утверждают, что у нас нет качественно государственного управления (Глазьев, Сухарев, 2024, с. 8), а если есть некачественное, то это уменьшает, а не увеличивает шансы на стабильное инновационное развитие.

И.М. Теняков справедливо связывает недостатки в экономическом развитии России с «...доминированием компрадорской собственности и принесением национальных интересов в жертву интересам частного капитала!» (Теняков, 2016, с. 164-185). Пути устранения этих недостатков он усматривает в «...переходе к национально-ориентированному пути развития, ликвидации компрадорского характера российского капитализма» (Там же, 2016, с. 164-185).

Социальный капитал мал в РФ – говорят социологи. То есть степень взаимного доверия у нас низкая. Но это причина наших проблем или ее следствие? Мы меньше доверяем друг другу из-за того, что мы по природе недоверчивы, или наш жизненный опыт в условиях олигархического капитализма за последние лет 35-40 приучил нас к осторожности по части доверия...?

Нет ли еще каких-то чисто российских причин, которые стоят на пути инновационности, предпринимательства и, следовательно, экономического развития?

Обратимся к истории. Можно назвать негативные (по отношению к экономическому развитию страны) признаки российского менталитета, выходящие за пределы 40 лет и даже 100 лет. У нас исторически дела обстояли так: хороший, добрый и умный вождь или царь – неплохо живем, развиваемся..., плохой или слабый царь – имеем слабую экономику, массовое насилие, втягиваемся в конфликты... или даже разваливаемся, хотя в стране есть, казалось бы, наука, неплохое образование, авторитетное государство. Видимо, указанная выше общая формула – не общая, она не учитывает некоторые факторы, например, историю, менталитет народа, его организованность, социальную активность и т.п.

Есть исследования, констатирующие различия, существенные ментальные различия у различных народов, например, известные модели типов институциональных матриц народов X и Y у Кирдиной С.Г. (Кирдина, 2014), концепция Д.Ю. Миропольского о европейской и евро-азиатской политэкономиях (Максимцев, Миропольский, 2016) и другие. Народы и государства существенно отличаются менталитетом и институтами, ибо разный менталитет проявляется в различии институтов и они, в свою очередь, оказывают существенное влияние на институты, то есть писаные, закрепленные юридически, и неписаные, но закрепленные в образцах поведения правила и типовые отношения к соблюдению и нарушению правил. Например, для русских характерен коллективизм, стремление действовать совместно, получив согласие общества. Такое поведение не способствует предпринимательству, которое предполагает стремление выделиться, успеть раньше других.

Еще одна очевидная историческая особенность менталитета России – уже названная, неизжитая склонность к «царистскому характеру властей», культуре лично-

сти официального руководителя страны. На это можно посмотреть, как на исторически временное явление. У нас (из-за слабого развития капитализма) не успели сложиться слои, не зависящие материально от власти. Это своего рода средневековая черта. А сильная материальная зависимость порождает подчиненное отношение и готовность ожидать «команды к самостоятельности» и поддержки или даже получения всех благ от властей, склонность к патернализму. Является ли наличие таких слоев, не зависящих от власти и достаточно многочисленных, необходимым условием для стабильного экономического развития? Видимо, их наличие, как минимум, способствует инициативе и предпринимательству.

Посмотрим в этой связи на вопрос о связи личности высшего руководителя и наличия слоя, способного отражать интересы страны подробнее. В самом деле: ведь личности высшего по рангу руководителя страны и его ближайшего окружения не появляются из ниоткуда. Они лишь венчают определенную пирамиду из нескольких сотен и даже тысяч людей, составляющих верхнюю часть «управленческого слоя». Является ли этот слой гарантией подлинной суверенности управления Россией? Казалось бы, те, кто в него входят, наиболее заинтересованы в том, чтобы управление Россией осуществлялось качественно и именно в ее интересах. Но опыт показал, что это не так. Положение верхнего управляющего слоя зависит от решений руководителя, и он может менять состав этого слоя и обеспечить ему высокое материальное положение на длительную перспективу вопреки подлинным интересам страны, как это было, например, при Ельцине. В период горбачевской перестройки верхний слой номенклатуры слишком поздно заметил, что деятельность Генерального секретаря идет вразрез с интересами страны, и ничего не смог предпринять для его адекватной замены¹².

Наиболее сильно от суверенности курса страны и качества управления ею зависит как раз положение не верхних слоев, а большинства народа. Но он, даже при самой развитой представительной демократии, весьма слабо способен влиять на состав высшего руководства страны.

Потенциально между высшим управленческим слоем и большинством трудящихся должен быть еще один слой достаточно образованных и достаточно состоятельных людей, чья жизнь и судьба напрямую связана именно с суверенностью курса страны и качеством управления. Казалось бы, именно капитализм должен создавать такой слой предпринимателей, ученых, военных, чей успех наиболее зависит от достижений экономики и политики России. Но богатство ресурсов России и традиции их экспорта создают большой слой тех, чье положение не в меньшей степени зависит от мировой конъюнктуры, от отношений с развитыми и развивающимися странами и т.п., и этот слой способен выдвигать инициативы, противоречащие суверенному курсу страны¹³.

¹² При этом, на наш взгляд, период примерно с 1960 по 1986 год управление СССР было в целом качественным, системным и суверенным, но, к сожалению, оно оказалось не способным преодолеть догму о несовместимости социализма и рынка.

¹³ В 2020 году мы писали: «В основе поведения бюрократии в нашей стране лежит тот факт, что имеется сектор экономики с рентабельностью активов, существенно большей, чем процент за кредит, и большей, чем в обрабатывающей промышленности, поставщик валюты. Речь идет о добывающем секторе и секторе, экспортирующем ресурсы, а также поставляющем их внутри страны. Эти взаимосвязанные сектора нуждаются в инновационном развитии отнюдь не всей экономики (так как это вело бы к снижению потребности в добываемых ими ресурсах), а лишь тех, которые помогли бы ему долгосрочно сохранять повышенную рентабельность в стране и в мире» (Эпштейн, 2020, с. 96).

В целом, успокаивающего решения для России, гарантирующего суверенность ее курса, пока не видно. И есть пример, опровергающий вывод о необходимости указанных выше материально независимых слоев: так, указанная ранее «царистская» черта есть и у Китая..., в котором капитализм развивался до реформ Дэн Сяопина еще меньше, чем в России. Но Китай, под руководством КПК, то есть не отказываясь от этой «царистской» черты, успешно развивается уже 50 лет, причем по уровню инноваций догоняет США. Это загадка! Именно руководители номенклатуры Китая пошли на большой риск, но смогли пересмотреть догмы о вреде рынка социализму и пойти на развитие рынка, частной собственности, государственного капитализма, сохраняя при этом курс на социализм, но «с китайской спецификой». Можно, оказывается, не отказываться от своего исторического своеобразия, а успешно его использовать, причем весьма существенный, длительный период. Конечно, этот период не будет бесконечным для Китая. Надо признать, что ни один период экономического роста и развития не может быть бесконечным в силу изменчивости как внешних (мировых), так и внутренних условий. И для Китая этот период был в большой степени связан с благоприятствованием его росту и развитию со стороны США. Следовательно, если «окна возможностей» роста и развития возникают, их надо стремиться максимально использовать, не надеясь, что условия для роста и развития будут благоприятными всегда.

Заключение. Чего не хватает в формуле «экономикс»

Что же надо добавить в формулу необходимых и достаточных условий стабильного развития? По-видимому, в общей формуле необходимых и достаточных условий стабильного экономического развития, чтобы они стали таковыми, то есть и достаточными, надо добавить институты, способствующие суверенному экономическому развитию, отвечающие историческим особенностям данного общества, включая, разумеется, в эти институты и государственное управление. Вот какую формулу необходимых и достаточных условий стабильного инновационного развития мы тогда получаем:

«институты, способствующие суверенному экономическому развитию, отвечающие менталитету народа» + «инновации» + «человеческий капитал» + «знания» + «социальный капитал».

Если такие институты, способствующие экономическому развитию и отвечающие менталитету народа, сложились, то хорошо. А если нет? Как добиться изменений, например, в современной России, когда органы власти, отвечающие за финансово-денежную политику, стабильно тормозят стабильное развитие, и их никто не поправляет с необходимой энергией? Кто-то думает, что усиление реальной многопартийности, реальной демократии могло бы исправить это положение.

У России есть опыт резкого усиления многопартийности, проведенной Горбачевым в надежде на то, что она поможет провести необходимые экономические реформы и уменьшить сопротивление бюрократической номенклатуры. Но получилось наоборот: при слабом руководителе демократизация оказалась инструментом разрушения государства. Приходится признать, что для того, чтобы демократия тоже стала институтом, отвечающим менталитету народа, она должна вводиться поэтапно, с учетом важнейших особенностей исторического момента и достигнутого социального развития.

ЛИТЕРАТУРА

Аганбегян А.Г. Россия: от отсталого государственно-олигархического капитализма к передовому социальному государству с развитым рынком и научно-технологическими инновациями // Вопросы политической экономии. 2023. № 3. С. 29-58. DOI: 10.5281/zenodo.8319974

Глазьев С.Ю., Сухарев О.С. Экономический рост России и структурная модернизация: проектный подход // Российский экономический журнал. 2024. № 2. С. 4-30. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_2_4

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.

Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 288 с.

Максимцев И.А., Миропольский Д.Ю., Тарасевич Л.С. Евразийская политическая экономика: учебник. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.

Мэнкью Н., Тэйлор М. Экономикс. 2-е издание. СПб.: Питер, 2013. – 656 с.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Человеческий и социальный капитал как основа современной экономики // ЭТАП. 2010. №5. С. 139-154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-i-sotsialnyy-kapital-kak-osnova-sovremennoy-ekonomiki> (дата обращения: 13.06.2024).

Садовничий В.А., Акаев А.А., Ильин И.В., Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Тренды развития мир-системы с позиции макроисторического подхода: краткий анализ // История и современность. 2022. № 2 (44). С. 124-138.

Теняков И.М. Национальное развитие и экономический рост: теория и российская специфика. Учебное пособие для студентов магистратуры экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС-Пресс, 2016. – 181 с.

Эпштейн Д.Б. Российская стагнация как результат влияния производственных отношений на производительные силы // Вопросы политической экономии. 2020. № 1. С. 84-104. DOI: 10.5281/zenodo.3753338

Информация об авторе

Эпштейн Давид Беркович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Санкт-Петербург, Россия.

(E-mail: epsteindb@gmail.com) (elibrary AuthorID: 496209) (ORCID 0000-0002-1164-6291)

REFERENCES

Aganbegyan A.G. Russia: from backward state-oligarchic capitalism to an advanced social state with a developed market and scientific and technological innovations. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2023;(3):29-58. DOI: 10.5281/zenodo.8319974 (In Russ.)

Epstein D.B. Russian stagnation as a result of the influence of industrial relations on productive forces. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2020;(1):84-104. DOI: 10.5281/zenodo.3753338 (In Russ.)

Glazeyev S.Y., Sukharev O.S. Economic growth of Russia and structural modernization. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal=Russian Economic Journal. 2024;(2):4-30. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2024_2_4 (In Russ.)

Kirdina S.G. Institutional matrices and the development of Russia: an introduction to X Y theory. St. Petersburg: Nestor-History, 2014. – 468 p. (In Russ.)

Lucas R.E. Lectures on economic growth. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2013. – 288 p. (In Russ.)

Maksimtsev I.A., Miropolsky D.Yu., Tarasevich L.S. Eurasian political economy: textbook. St. Petersburg: Publishing House of SPbGEU, 2016. – 767 p. (In Russ.)

Mankiw N., Taylor M. Economics. 2nd edition. St. Petersburg: Peter, 2013. – 656 p. (In Russ.)

Nureyev R.M., Latov Yu.V. Human and social capital as the basis of the modern economy. STAGE. 2010;(5):139-154. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-i-sotsialnyy-kapital-kak-osnova-sovremennoy-ekonomiki> (accessed 12.06.2024). (In Russ.)

Sadovnichy V.A., Akaev A.A., Ilyin I.V., Malkov S.Yu., Grinin L.E., Korotaev A.V. Trends in the development of the world system from the perspective of a macro-historical approach: a brief analysis. Istoriya I sovremennost'=History and modernity. 2022;2(44):124-138. (In Russ.)

Tenyakov I.M. National development and economic growth: Theory and Russian specifics. Textbook for graduate students of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. M.: MAKSPress, 2016. – 181 p. (In Russ.)

Information about the author

David B. Epstein – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

(E-mail: epsteindb@gmail.com) (elibrary AuthorID: 496209) (ORCID 0000-0002-1164-6291)

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024; одобрена после рецензирования: 11.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.1

DOI: 10.5281/zenodo.13895711 <https://zenodo.org/record/13895711>

О РОЛИ КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА В ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА

Гречко Михаил Викторович¹

Кандидат экономических наук, доцент, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия, (mvgrechko@inbox.ru), (ORCID 0000-0002-8196-3807)

Плешивцева Анна Алексеевна²

Кандидат экономических наук, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия, (pleshivtseva_anna@mail.ru), (ORCID 0000-0001-7200-6100)

Ключевые слова: *творчество, креативный работник, креативный класс, производительные силы, производственные отношения, социально-классовый анализ*

Для цитирования: Гречко М.В., Плешивцева А.А. О роли креативного работника в экономике XXI века // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 150-168.

ON THE ROLE OF THE CREATIVE WORKER IN THE ECONOMY OF THE XXI CENTURY

Mikhail V. Grechko

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Tourism, Service and Creative Industries. Federal state Autonomous educational institution of higher education «Southern Federal University», Rostov-on-Don, Russia, (mvgrechko@inbox.ru.), (ORCID 0000-0002-8196-3807)

Anna A. Pleshivtseva

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Institute of Tourism, Service and Creative Industries. Federal state Autonomous educational institution of higher education «Southern Federal University», Rostov-on-Don, Russia, (pleshivtseva_anna@mail.ru), (ORCID 0000-0001-7200-6100)

Keywords: *creativity, creative worker, creative class, productive forces, production relations, social class analysis*

For citation: Grechko M.V., Pleshivtseva A.A. On the role of the creative worker in the economy of the XXI century. Problems in Political Economy. 2024;3(39):150-168.

JEL codes: B20, B22, B41

¹ © Гречко М.В., 2024

² © Плешивцева А.А., 2024

Пролог: введение в контекст исследования

Как известно, существующий на определенный исторический момент тип общественно-экономической системы формирует соответствующие, тождественные ему производительные силы (технологический базис) и производственные отношения (существующие связи). В XXI веке мы являемся свидетелями качественного скачка в системе технологического развития; на авансцену выходят т.н. «новые» производительные силы, основой которых выступает творческий труд и креативный работник. Непосредственно генезис (пост)индустриальной экономики трансформирует и социальную структуру общества, обусловленную развитием класса «интеллектуалов», как основного носителя инновационного и творческого потенциала. Некоторые из исследователей (например, В.Л. Иноземцев) предрекают им в будущем роль господствующего класса. С другой стороны, некоторые марксисты (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов и др.), опираясь на познавательный потенциал марксистско-классового анализа, указывают на формировании нового элемента в пирамиде эксплуатации труда капиталом – эксплуатации креативного труда. Несмотря на то, что большая часть сказанного относится к области гипотез и априорных заключений, одно несомненно точно – переход к технологиям, основанным на использовании творческого труда, требует более глубокого переосмысления роли и значения креативного работника как первичной «клеточки» соответствующего класса, в системе общественного воспроизводства в структурном разрезе. В этой связи исследование роли и значения креативного работника – как основной производительной силы (пост)индустриальной модели развития экономики, представляет собой качественно значимую и достаточно слабо специфицированную исследовательскую проблему в современном поле общественных наук, требующую всесторонней проработки и конкретизации.

Методология исследования и изученность темы

Строго выбор научного метода в исследовательской практике должен соответствовать и быть адекватен содержанию поставленной задачи. Опираясь на представленную логику, а также на характер заявленной научной проблемы, сначала определим цель, объект и предмет исследования, и лишь затем приведем соответствующие доводы и замечания касаясь востребованной методологии.

Согласно обозначенной в вводной части актуальности, а также заявленной в теме работы проблеме, цель настоящего исследования – в первичном приближении может состоять в выявлении роли, а также обосновании качественных характеристик и особенностей креативного работника, как основной производительной силы в (пост)индустриальной модели развития экономики XXI века, опираясь на познавательный потенциал социально-классового анализа.

В рамках предложенной гносеологической конструкции, предмет исследования включает в себя качественное представление конституирующих характеристик креативного работника как основного элемента системы прогрессивных производительных сил, и соответствующего класса в рамках перехода к (пост)индустриальной экономике, его места в социальной структуре общества и дальнейших перспективах воспроизводства и развития.

Объект исследования – выражается посредством соответствующего предмета науки. В нашем случае это (пост)индустриальная экономическая система XXI века в своей онтологии и перспективе.

Методологическая палитра представленного исследования представлена следующими инструментами. Остановимся на их представлении более детально.

Диалектический метод, востребованный для качественного представления эволюционной динамики генезиса креативного класса, позволяющий понять логику общественных (классовых) изменений. Диалектика основана на (1) исследовании *процесса* (т.е. движении и изменении), а не «вещи в себе», а также (2) *понимании* вещей в их взаимосвязи.

Социально-классовый анализ структуры общества, основанный на марксистской познавательной доктрине, по праву считается наиболее разработанной методологической системой. Он воплощает в себе значительный эвристический потенциал, т.к. позволяет выявить законы движения классовых обществ, их борьбу и другие флуктуации. Его познавательные потенции, по отношению к нашему предмету исследования позволяют качественно определить основные характеристики креативного работника, как основного элемента креативного класса, его место в координатах системы общественного производства, постиндустриальных производственных отношений, социальном и общественном процессе.

Метод научной абстракции – в системе общественных наук позволяет, в частности, системно представлять соответствующие категории в их развитии. В нашем случае, в качестве подобной абстракции выступает с одной стороны «творческий труд» как преодоление отчуждения и «распредмечивания» субъекта, с другой стороны – «креативный работник» как основная производительная сила новой постиндустриальной экономики и новый элемент в пирамиде эксплуатации труда капиталом.

Обзор литературы по проблеме исследования. Впервые в системе наук об общественном устройстве однородные социальные группы были описаны в работах представителей французской историко-философской школы Ф. Гизо, Ф. Минье и А. Тьера в XIX веке. В частности, показано различие классовых противоречий, потребностей; представлен исторический характер классовой борьбы и экономическая анатомия классов. Аргументировано, что экономическое положение является базисом для формирования политико-культурной надстройки (А. Сен-Симон).

Наиболее всесторонне разработанной считается теория социально-классовой структуры общества, предложенная К. Марксом (Маркс, 1960) и Ф. Энгельсом, vznikшая как продолжение и развитие идей величайших представителей философии (Гегель, 2005), политической экономии (А. Смит (Смит, 2020), Д. Рикардо) и социализма (П.-Ж. Прудон, А. Сен-Симон). По их мнению, капиталистическому обществу присуща социально-классовая структура, с соответствующей классовой дифференциацией интересов. В 1882 г. Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке» пишет, что «...вся прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов...» (Энгельс, 1937, с. 51). Представитель немецкой школы марксизма К. Каутский в качестве основных критериев классовой дифференциации выделял такие экономические показатели, как размер доходов и источники их распределения. В работах К. Маркса мы также можем встретить размышления о роли творческого труда, как инструмента перехода от мира отчуждения и эксплуатации³ к миру, где основная ценность – Человек.

³ *Справка:* именно при помощи категорий «отчуждение» и «эксплуатация» К. Маркс дает формальное представление феномена рабства и соответствующих отношений им детерминированных.

Позднее, существенный вклад в развитие марксистской теории об эволюции общества внесли советские философы-марксисты и обществоведы (например, М.Н. Покровский (Покровский, 1969), Н.В. Хессин, К.П. Тронеv (Тронеv, 1966) и др.), среди которых особо следует выделить В.И. Ленина (Ленин, 1970). Результатом их научного поиска явилось выявление основных причин классовой дифференциации – экономических⁴, обусловленных разделением труда и приведших к социально-общественному неравенству, отношениям классовой эксплуатации, а также к появлению особым образом организованного института капиталистической общественно-экономической системы – государства. Также можно отметить значительный вклад в теорию социально-классовой структуры общества представителей западной школы исторического марксизма, например, Э. Райт (Райт, 1980), который полагал, что в основе классовой дифференциации находятся совместные «классовые интересы» членов общества, выводимые из совместного опыта.

Современные представители школы критического марксизма, среди которых Н.А. Цаголов (Цаголов, 2017), А.В. Бuzгалин, А.И. Колганов (Бuzгалин, Колганов, 2018), М.И. Воейков (Воейков, 2015), свой исследовательский фокус направляют как на практическое приложение познавательного потенциала марксистско-классовой теории к анализу современного социально-общественного ландшафта, так и на исследование проблем отчуждения человека в эпоху постмодерна, формированию контуров т.н. «царства свободы» и определения в нем места Человека. Г.А. Маслов, как представитель ортодоксальной марксистской традиции, проводит разграничение между креативным и простым квалифицированным трудом, выделяя их системные характеристики (Маслов, 2018).

Представляют также интерес актуальные работы В.Н. Рогожниковой, полагающей, что творческий продуктивный труд, есть «... неисчерпаемый ресурс адаптации к непредсказуемым ... изменениям» (Рогожникова, 2023).

Нельзя также не упомянуть представителей институциональной школы и показать их вклад в исследование роли творческого труда, а также т.н. «неэкономических» факторов развития в постиндустриальной модели хозяйствования. Среди них В.М. Полтерович (Полтерович, 1998), А.А. Аузан (Аузан, 2023), Д.Л. Данилов, А.В. Савватеев, С. Хантингтон, Г. Хофстеде, Р. Инглхарат (Инглхарт, 2011), Я. Алган, П. Каю и др. В частности, А.А. Аузан полагает, что развитие креативных индустрий является необходимым условием для развития национальной экономики в рамках новой реальности. В качестве примеров продуктов отечественной креативной индустрии им выделены отечественные программные разработки, мультипликационные и анимационные фильмы.

Что касается авторского вклада в исследуемую проблему, то он представлен в ряде предшествующих публикаций (Гречко, Алавердов, 2023), (Стасев, Гречко, 2023), (Arkhipov et al., 2023), выполненных в рамках марксистского подхода, системного анализа, диалектического метода с опорой на отдельные элементы инструментария поведенческих наук в экономической теории.

⁴ *Справка:* в основе материалистического понимания истории лежит положение, согласно которому производство и обмен товаров составляют базис всего общественного строя. Конечной причиной всех общественных трансформаций выступает способ (читай, технология) производства товаров и их последующего обмена, детерминирующий впоследствии изменение производственных отношений. Именно по этой причине *корень всех общественных трансформаций лежит в экономической плоскости.*

Результаты исследования

Как было сказано в вводной части, экономическая анатомия классового устройства общества, начала формироваться в домарковский период в трудах буржуазных экономистов. Любая теория, по мнению Ф. Энгельса, должна исходить из накопленного ранее идейного материала. Все это можно с полным основанием отнести и к социально-классовому анализу, в рамках разработанной К. Марксом и его последователями теории классовой борьбы. Приведем соответствующие аргументы, представив их в виде системы тезисов.

Во-первых, по мнению К. Маркса, капиталистическому обществу присуща социально-классовая структура, с соответствующей классовой дифференциацией интересов. В этой связи капитализму имманентно присущи эндогенные противоречия; к примеру, между общественным характером производства и частной формой присвоения результатов. Важнейшими основаниями для выделения классов, является то место, которое они занимают в следующих координатах системы: общественного производства, производственных отношений, политическом и общественном процессе, культуре.

Во-вторых, разделение общества на группы с устойчивыми интересами – классы – происходит вследствие различия в распределении общественного продукта. *Общественные классы* – это продукт экономических отношений, адекватных в качественном аспекте своей эпохе. Так, в период феодального Средневековья, начал формироваться класс буржуазии, поначалу существовавшей в форме феодального сословия. Как уже было сказано, в 1882 г. Ф. Энгельс напишет, что «...вся прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов...» (Энгельс, 1937, с. 51). При этом и буржуазия, и пролетариат как классы были порождены развитием крупной промышленности.

В-третьих, возникновение частной собственности в исторической ретроспективе не является результатом политики принуждения. Наоборот, частная собственность формируется как следствие трансформации производительных сил и производственных отношений, т.е. по *экономическим* причинам. Изменение хозяйственного положения неизменно порождает изменения политического строя, т.е. надстройки. В рамках капиталистического способа производства господствующие производительные силы вошли в непреодолимое противоречие с самим способом производства, что привело к необходимости развития качественно иных их форм производства – социалистических, стоящих на более высокой ступени развития. Промышленное производство, во время индустриального капитализма, обладая более прогрессивными производительными силами, имеет и потенциал, для разрешения конфликта между этими производительными силами и формами обмена.

В-четвертых, противоречие между *общественным производством* и *капиталистическим присвоением* являются антагонистическими классовыми противоречиями между пролетариатом и буржуазией, которые наиболее сильно проявляются в период кризисов. Производительные силы, выражаясь марксовым языком, «восстают» против способа производства, как качественно не соответствующего, и стремятся его «уничтожить», разрешить противоречие, тем самым перейти к признанию общественного характера их проявления⁵.

⁵ Справка: у Маркса представление взаимосвязи классов с историческими фазами развития производств ведет к неизбежности формирования бесклассового общественного устройства.

В XXI веке новые производительные силы⁶, опосредованные логикой и содержанием НТР переросли позднекапиталистическую форму их воплощения (способ производства). В частности, происходит замещение т.н. «живого» труда «овеществленным», естественного интеллекта – искусственным. Соответственно возникает *объективное противоречие* между посткапиталистическими производительными силами и существующим способом производства и распределения, которое должно быть разрешено диалектически для формирования новой (пост)индустриальной системы общественного устройства, что потребует в перспективе соответствующего теоретического оформления. Подобные эволюционные переходы приводят к качественным трансформациям, выраженным в форме *скачка* (Рисунок 1).

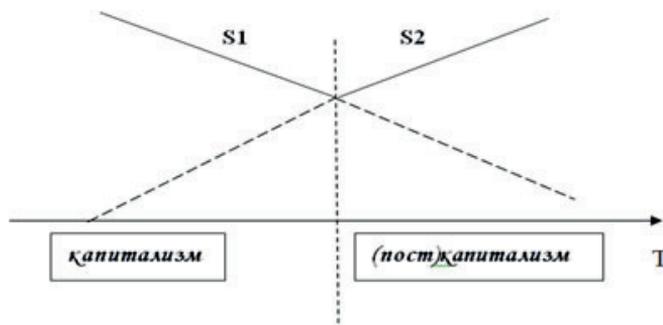

Рисунок 1. Скачкообразный характер эволюции капиталистической системы (S_1) во времени (Т) и переход ее в новое качество (S_2): редукция

Источник: разработано авторами, по (Бузгалин, Колганов, 2018).

Как мы видим из Рисунка 1, в основе процесса развития системы S_1 лежит явление чего-то *качественно более прогрессивного*, либо новой *формы* существующего объекта. Тем самым развитие не тождественно простому изменению. Процессу развития присущ фазный поступательный характер изменений, о чем будет сказано далее.

Отметим, что сегодня в научном поле законченной модели (пост)индустриальной экономики будущего не существует. Подобная модель есть всегда результат общественного консенсуса и объективных законов развития исторического процесса. Вместе с тем содержательно экономическая модель XXI века представляет собой макрообъект, который историчен и имеет конкретные пространственно-временные границы⁷, а также соответствующие формы воплощения. В основе ее структу-

⁶ *Справка:* в настоящее время основным драйвером экономической динамики является развитие цифровых технологий, микроэлектроники и систем искусственного интеллекта. Так, наиболее конкурентоспособные страны мира (например, США) достигают порядка 90% прироста ВВП за счет научно-технической сферы и высокотехнологичных отраслей. Показательна при этом статистика, согласно которой доля расходов на НИОКР США и Китая, по данным PPI Radically Pragmatic, в 2022 году составляет 1316 млрд долл. и около 50% мировых расходов. Что касается отечественной экономики, то, в соответствии с приведенными А.Г. Аганбегяном данными по состоянию на 2022 г. наблюдается существенное отставание по показателям инновационности не только от стран капиталистического ядра, но и от среднеразвитых стран капиталистической периферии.

⁷ *Справка:* отметим, в философии категория «пространство» содержательно характеризует прежде всего наличие места, в котором существуют (сосуществуют) «вещи» (объекты, предметы) и явления. Соответственно, экономическая система существует только в определенном пространстве. Кроме того, →

ры находятся соответствующим образом организованные производительные силы и производственные отношения, составляющие базис.

В основе эволюции экономических систем лежат логистические законы развития и колебательный характер процессов экономического развития, который описывают S-образные кривые. Колебательные процессы в эволюционной динамике экономических систем формализуются посредством теории циклического развития и детерминированы замещением доминантного фактора в структуре производительных сил. Графически логика эволюции экономических систем представлена на Рисунке 2.

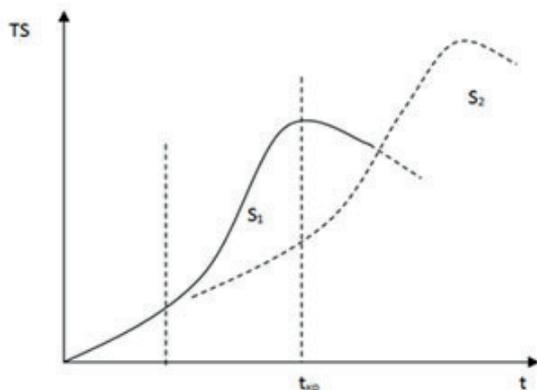

Рисунок 2. Графическое представление смены экономических систем ($S_1 \rightarrow S_2$) в их эволюционном развитии

Источник: авторская разработка.

Как представлено на Рисунке 2, любая макросистема (S_1), с присущим ей уровнем и характером развития производительных сил и производственных отношений, поступательно эволюционирует и эффективно развивается до некоторого момента времени ($t_{кр}$) в соответствии с обозначенными фазами (от фазы I – генезиса к фазе III – заката). Происходит формирование соответствующего типа производственных отношений, адекватных новому технологическому базису. Трансформирующаяся система объективных общественных отношений ведет в свою очередь к изменению типа общественного устройства (институты, структуры и т.д.). В фазе II доля новых технологий, качественно замещающих устаревшие, становится критической. Именно такого рода восхождение в конечном итоге и предопределяет диалектическую логику процесса смены системы S_1 качественно иной системой (S_2), одномоментно сосуществующей с ней. Более содержательно фазная динамика и диалектика эволюции экономических систем раскрыта в предшествующих авторских работах (Arkhipov at al., 2023).

→ экономические системы, являясь макрообъектами историчны и конкретны (принцип историзма), т.е. существует только конкретная качественно определенная система (например, доиндустриальная, индустриальная и т.д.). Так, генезис индустриального капитализма и его последующее развитие происходит в соответствующих пространственных границах – на территории Европы. К. Маркс в Т. 1 «Капитала», описав генетически всеобщие характеристики капитализма вообще, показал его родовые черты, опираясь на современный (ему) индустриальный капитализм в Англии.

В пространственно-временных границах экономической модели XXI века одномоментно сосуществуют разнокачественные системы, находящиеся в различных фазных состояниях эволюционной динамики; причем обозначенные системы связаны между собой диалектически. Так, индустриальная система находится в фазе своего регресса, а (пост)индустриальная – в границах фазной трансформации – смены фазы генезиса, фазой активного развития, сопровождающейся сменой качества *производственных отношений* (Рисунок 3).

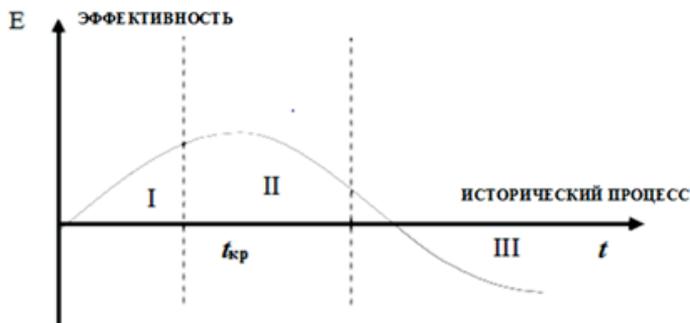

Рисунок 3. Графическое представление фаз эволюции экономических систем в координатах исторического процесса и эффективности

Источник: авторская разработка.

На Рисунке 3, как мы видим, часть кривой ниже оси абсцисс (фаза III) характеризует часть цикла, в которой использование имеющихся в наличии производительных сил теряет экономический смысл и происходит постепенное их технологическое замещение.

Кроме того, в рамках фазы (III) – регресса индустриальной экономической системы происходит процесс дивергенции и диффузии основных социальных классов. Наблюдается также обусловленное логикой эволюции системы, усложнение социально-классовой структуры⁸. Сам капитализм также претерпевает различного рода мутации и видоизменения⁹. Напомним, что социальная структура капиталистической системы представляет собой пространственный срез социальных структур капитализма в его ретроспективе: от мануфактуры до (пост)индустрии. Также отмечается трансформация технологических основ капитализма – происходит генезис и последующее развитие (пост)индустриальных технологических укладов, основанных на развитии цифровых технологий, микроэлектроники и систем искусственного интеллекта¹⁰.

⁸ Справка: например, появление прекариата Г. Стэндинга, креаклов Р. Флориды, лиц творческих профессий, представителей т.н. «свободных профессий» и т.д.

⁹ Справка: профессор Д. Лейн выделяет две модели капитализма: либеральная рыночная экономика (применяется в англосаксонских странах) и организованная рыночная экономика (Германия, Дания, Франция, Япония).

¹⁰ Справка: в представленном ключе наиболее интересна идея, предложенная автором концепции мир-системного анализа И. Валлерстайном, согласно которой он связывал логику развития длинных волн циклов Н. Кондратьева (45-60 лет) с процессами накопления капитала и нормы прибыли. Показательно также выделение в рамках длинных волн отдельных фаз развития: А-фазы (нововведения, инвестиции) и Б-фазы (замещение неэффективных производительных сил). При этом И. Валлерстайн сознательно уходит от оценки представленных фаз как «положительной» и «отрицательной».

В фазе (III) – регресса экономической системы мы можем наблюдать достаточно широкую и слабо специфицированную палитру социальных слоев. Непосредственно генезис (пост)индустриальной экономики трансформирует социальную структуру общества, обусловленную зарождением и последующим развитием класса креативных работников, как основного носителя инновационного и творческого потенциала.

Некоторые исследователи-марксисты (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов и др.), опираясь на познавательный потенциал марксистско-классового анализа, выделяют следующую классовую иерархию в рамках системы позднего капитализма: люмпены, класс наемных работников, крестьянство, работники кооперативных и колхозных предприятий, лица творческих профессий (креативный класс), мелкие частные собственники (представители «свободных профессий»), класс буржуазии. Т.к. в качестве предмета нашего исследования находится креативный работник соответственно, то далее представляется логичным дать ему качественную характеристику как элементу обозначенной социальной группы, выделив т.н. «родовые» особенности, попутно содержательно определив соответствующую институцию – креативную индустрию, служащую основным местом его сосредоточения и воспроизводства.

Как известно, экономическая система XXI века по преимуществу отождествляется с рынком, т.к. именно в неоклассике, приобретшей статус экономического mainstream, проявляется методологическая «вульгарность» по отношению к политэкономической исследовательской программе¹¹. Сегодня, кажется, что между рынком и экономикой стерты все границы. Очень часто термин «рыночная экономика» используется как эрзац «капитализма». Дело в том, что рыночная модель перераспределения гораздо старше капиталистического способа производства, который является одной из фаз ее развития. Соответственно, подобные тождества не имеют оснований.

В конце XX – начале XXI вв. рынок становится тотальным (А.И. Неклесса, Л.А. Булавка-Бузгалина и др.)¹², охватывая и проникая во все сферы общественной жизни (например, товарный фетишизм, «отношения (отчуждения) вне рынка», культура также превращается в рынок), и формируя власть над всеми общественными отношениями и социальными группами. Рынок изолированных и обособленных производителей в эпоху позднего капитализма трансформируется в тотальный рынок сетей, контролируемый глобальным капиталом и ТНК.

Однако именно в этих условиях креативный работник выходит на авансцену и становится основной производительной силой с присущими ему специфическими чертами и местом в системе общественного производства. Дальше наша задача заключается в эскизной прорисовке «портрета» креативного работника и представлении его качественных характеристик.

¹¹ *Справка:* «вульгарным» направлением экономической мысли считается поверхностное толкование исследуемых явлений; доминирование внешней формы над сутью. Так, И.Г. Блюмин различия «вульгарной» экономики от классической политэкономии видит в том, что неоклассика не ставит своей целью исследование внутренней сущности явлений, ограничиваясь внешними зависимостями. Такой позиции придерживаются, в частности, профессор МГУ В.Н. Черковец, профессор ИЭ РАН Н.В. Сычев и др.

¹² *Справка:* некоторые авторы даже пишут о рыночной тоталитарности, тотальном рынке сетей (Дж. Сорос, Н. Райт, Г. Маркузе, Д.К. Стожко и др.).

Во-первых, креативный работник – это основная «клеточка», основной элемент соответствующего социального класса «ядра» (пост)индустриальной экономики XXI века¹³. Так, высокотехнологичное производство требует определенного уровня организации науки и инноваций¹⁴, а также наличия системы расширенного воспроизводства работников, обладающих высоким уровнем креатива. Генезис и последующее распространение передовых технологий происходит в странах посткапиталистического «ядра», по логике способствуя росту совокупной производительности труда, в то время как менее прогрессивные производительные силы вытесняются в страны периферии, где еще сохраняется возможность их применения за счет эксплуатации дешевого труда. Соответственно, посткапиталистическая периферия, становится преимущественно территорией развития индустриального труда, где он активно воспроизводится.

Во-вторых, в XXI веке для креативного работника происходит качественная трансформация содержания его труда – он становится потребностью, а не необходимостью, требующей соответствующих ресурсов для удовлетворения. Для творческой деятельности нет границы между рабочим временем и досугом. Свободное время выступает одновременно и как мотив и как ресурс. Кроме того, в продуктивной деятельности, в акте творчества, происходит т.н. прогрессивная, возрастающая отдача потенциала работника. Известно, что в процессе творческой деятельности, активизируются соответствующие нейроны головного мозга, отвечающие за этот процесс, вызывающие выброс т.н. «гормонов счастья». Таким образом, в основе творческой деятельности находится самомотивация, т.е. желание делать то, от чего ты получаешь удовольствие. Именно на этой основе и возникают феномены «ответственного труда» и «ответственного потребления».

В-третьих, основной ресурс креативного работника – его личные качества – теперь не могут быть подвергнуты отчуждению. Все дело в том, что труд креативного работника не может быть подчинен реально, т.к. результат труда находится в области продуктивной деятельности, следовательно, собственник капитала вынужден покупать и «личность». Все это формирует новый элемент в пирамиде эксплуатации труда капиталом в XXI веке.

В-четвертых, формирование новых отношений эксплуатации требуют соответствующих институциональных механизмов их оформления. В качестве подобного инструмента выступает долгосрочный, а иногда и пожизненный контракт, т.к. конечный результат труда (культурный феномен, благо и т.д.) сложно прогнозировать. Отсюда востребованы новые эффективные капитальные комбинации, когда креативному работнику выплачивается часть рентного дохода. В итоге креативный работник становится сотворцом создания общественного богатства, превращенно в интеллектуальную ренту, с достаточно широким диапазоном значений.

Опираясь на вышесказанное, мы можем вычлениить т.н. «центр притяжения» или системный элемент в структуре труда креативного работника. Им выступает творческий потенциал личности (или творчество). Именно творческий потенциал

¹³ *Справка:* профессор Белорусского государственного университета П.С. Лемещенко приводит статистику, согласно которой страны G7 контролируют порядка 90% рынка патентной продукции и компьютерной техники.

¹⁴ *Справка:* по данным Global Innovation Index Database, Cornell, INSEAD and WIPO за 2021 год США возглавляют рейтинг стран по показателю качества инноваций. Экономика Китая занимает 16 место, а РФ – 28.

креативного работника является одним из системных условий развития экономики и общества, становясь важнейшей характеристикой поведения экономических агентов. Творчество в экономике является результатом объективизации, одной из качественных характеристик трудового поведения личности, ее продуктивной деятельности, попутно являясь качественной характеристикой экономики XXI века. Так, В.Н. Рогожникова, доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, выделяет основные характеристики современного этапа развития экономики и общества и пишет, что «Процессы передачи информации все более обуславливают развитие общества. С новой ролью знаний обусловлено и изменение социальной структуры общества» (Рогожникова, 2023). Старший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований ИЭ РАН Г.А. Маслов (Маслов, 2018), проводит разграничение между креативным и простым квалифицированным трудом. Это различие состоит в том, что квалифицированный труд, требующий определенного уровня и качества образования, вместе с тем допускает определенную степень рутинизации. Одним из обстоятельств, сдерживающих развитие творческой и креативной деятельности, является существующий разрыв между актами производства и потребления, вследствие формирования еще одного вектора человеческой деятельности – центростремительного (Павлов, 2024).

Важно отметить, что творческий потенциал личности это не просто «фигура речи». Это содержательная характеристика, которая выражается (или объективизируется) в структуре мыслей креативного работника. Так В.В. Вересаев в публичной лекции для литературной студии «Что нужно для того, чтобы быть писателем?» указывает, что творческий процесс не тождественен умственной деятельности. Он намного сложнее. Творческий процесс позволяет не только проявить свое личное «Я», посредством воспроизводства культурного феномена, но и представить соответствующие классовые детерминанты. Тем самым создается классовый стиль, проявляющий себя в общественной практике (например, стиль в культуре советского периода). Кроме того, воспроизводство творческого потенциала личности в феномене культуры позволяет преодолеть (или *снять*) т.н. «отчуждение» Человека. Напомним, по мнению К. Маркса «отчуждение» представляет собой процесс овеществления природы Человека, когда вещь обладает статусом существования и начинает господствовать над своим творцом, определяя его социальное положение и статус.

Таким образом, подводя некий промежуточный итог под сказанным выше, следует заметить, что творческий потенциал креативного работника имманентно воплощен в качественных характеристиках как рабочей силы, так и возникающих в процессе взаимодействия трудовых отношений. Он проявляется в межличностном доверии, солидарности, ответственном потреблении (потреблять то, что нужно для эффективного воспроизводства Личности) экономических агентов, а также в функционировании национальных институтов, одним из которых является культура¹⁵;

¹⁵ *Справка:* экспертная группа компании *InterMedia* провели исследование на тему «Экономика культуры РФ 2018–2023». По результатам исследования в 2023 г. оборот индустрии культуры составит 4,425 трлн руб., что на 6,8% больше аналогичного показателя прошлого года. Показательно, что индустрия культуры становится коммерчески привлекательной. Так, доходы от коммерческой деятельности в 2023 г. выросли на 31% по отношению к 2022 г. Это явно позитивный сигнал, т.к. общественная элита, ставящая своей целью развитие государства, традиционно инвестировала в культуру. При этом бюджетное финансирование индустрии культуры меньше 1% ВВП, что явно недостаточно для опережающего развития. Стратегическое выстраивание т.н. «экономики культуры» напрямую зависит от идеологии и национальной идеи.

при этом, что показательно, именно рынок сдерживает их опережающее развитие, формируя соответствующие «мутации» и «превращения»¹⁶ для продления бытия капиталистической индустрии.

В социальном аспекте работники креативных индустрий формируют соответствующий общественный слой – класс, которому присуща своя ниша в структуре общественного производства и организации. При этом можно предположить, что в креативную эпоху, классовая принадлежность определяется не отношением к средствам производства, а *посредством характера деятельности* человека. У представителей креативного класса, характер деятельности, характеризуется высокой долей креатива, т.е. творчества, воплощенного в соответствующем потенциале личности.

В начале XXI века понятие креативного класса в научный оборот системы общественных наук было введено Р. Флоридой (Флорида, 2016). Указывается, что классу креативных работников присущи такие качественные особенности как: инновационное мышление, высокий творческий потенциал, склонность к рискам и нестандартным решениям и т.д.¹⁷ Креативное развитие происходит в определенных «центрах» креативности, соответствующим «принципу 3Т» – технологии, талант, толерантность. Так, например, креативный класс Китая гетерогенен и имеет тенденцию к концентрации лишь в определенных локусах страны. К этому заключению приходят в своих исследованиях отдельные китайские специалисты (Yu W., Tan X., 2022).

Применительно к нашей стране, доля креативного класса в структуре экономики РФ, согласно методологии определения численности креативных работников как занятых в креативных индустриях, составляет порядка 5% от общей численности занятых (около 3,4 млн человек по данным за 2021 г. (Боос и др., 2023, с. 24)). Структура креативного класса характеризуется высоким уровнем неоднородности. Так, практически половину всех представителей креативного класса (около 43,4%) составляют специалисты по рекламе, маркетингу и разработчики программного обеспечения.

Что касается социального «портрета» типичного представителя среднего класса, то по актуальным данным ЦМИЧП ВШЭ 2023, это высокообразованный (специалитет или магистратура) мужчина 25-35 лет (около 40% от общей численности), преимущественно работающий не по гибкому графику (обусловлено структурой креативной индустрии) и обладающий продвинутыми профессионально-техническими (цифровыми) навыками, а также использованием профессиональной документации. Что касается обладания «мягкими» навыками, то они следующие: умение принимать быстрые и нестандартные решения, многозадачность, стрессоустойчивость и т.д.

¹⁶ *Справка:* как известно, одной такой «превращенной» формой власти, искажающей истинное содержание объекта, является власть бюрократии, выпукло проявившая себя во времена позднего СССР. Метафизика бюрократии, мораль власти, служащей своим интересам, выпукло проявляется в формуле, которую вывел в романе «Бесы» Ф.М. Достоевский: правовые сдержки и противовесы проявляются и исчезают, когда это надо власти (элитам). Позднее, практически спустя полвека, на III съезде комсомола В.И. Ленин скажет, что полезно пролетарской революции, то и нравственно.

¹⁷ *Справка:* также следует сказать, что Р. Флориду критики обвиняют в чрезмерной оптимистичности, касаясь контуров формируемого им будущего. Критикуется абсолютизация «креативности», справедливо отмечается, что должна увеличиваться доля заработной платы в структуре дохода. Но этого не происходит.

«Ядро» креативного класса составляют представители т.н. высокотехнологичных сфер, «традиционного» креативного сектора (искусство, культура, шоу-бизнес, медиа культура и т.д.), а также обладатели смежных творческих специальностей (см. классификатор креативных индустрий). Представители креативного класса локализованы преимущественно в городских агломерациях (около 80% занятых по данным ЦМИЧП ВШЭ¹⁸), т.к. именно там бизнес-индустрии выступают в роли драйвера экономического развития. Объясняется это тем, что современная городская среда в рамках (пост)индустриальной системы развития производительных сил в соответствии с концепцией «зеленой» экономики¹⁹ представляет собой пространство, определяемое как био- и гео- ценоз с такими перспективами развития как: кросс-секторальное взаимодействие, повышенная мобильность креативных работников, технологичность (NBIC – технологии) и т.д.

Следует заметить, что развитие на основе био- и геоценозов радикально меняет все технологии. Происходит качественный скачок в системе производительных сил, и роль креативных индустрий в этом процессе сложно переоценить. Напомним, что еще у К. Маркса будущее историческое развитие заключается в уничтожении репродуктивного труда и переходе к продуктивной деятельности.

Как известно, исторический процесс имеет объективные характеристики и соответствующую логику воспроизводства. Исторический процесс развития позднего капитализма (III фаза – регресса) наглядно свидетельствует, что существуют классовые противоречия между интересами сложно дифференцированного труда креативного работника и интересами глобального капитала, которые выражаются в том, что труд креативного работника (как предельная абстракция) не может быть подчинен *реально*. Капиталист вынужден покупать «личность». Все это формирует новый элемент в пирамиде эксплуатации – эксплуатацию труда креативного работника. Зачастую сейчас подобного рода противоречия в социальной плоскости переносятся из капиталистического центра и воспроизводятся на периферии (конфликты в Сирии, Украине и т.д.)²⁰. Как уже говорилось, обозначенные противоречия могут быть разрешены только диалектически.

Критическая масса креативных работников сосредоточена в соответствующих институтах, именуемых креативными индустриями, которые наряду с цифровыми платформами составляют каркас построения экономики (пост)индустрии, которую некоторые исследователи еще называют цифровой²¹. Так, в XXI веке, соответствующие информационные технологии обеспечивают порядка 75% добавленной стоимости в странах капиталистического ядра. И эта доля имеет потенциал для дальнейшего роста. По оценкам UNESCO в 2022 году вклад креативного сектора в глобальный ВВП оценивался на уровне 3%, а доля занятых 6,2%.

¹⁸ *Справка:* https://www.hse.ru/data/2023/11/08/2053532913/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue_1_Russia_Creative_Class_02-2022.pdf (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁹ *Справка:* касаясь концепции «зеленой» экономики отметим, что некоторые исследователи (например, М. Хазин) полагают, что это новая колониальная модель. Экономика «оплаты» за выбросы в окружающую среду, основанная на переносе «грязных» производств на периферию.

²⁰ *Справка:* по данным ООН в 2022 году в мире насчитывалось порядка 108,4 миллиона человек, перемещенных в результате войн, преследований, насилия, нарушений прав человека или стихийных бедствий.

²¹ *Справка:* по мнению авторов, цифровую экономику в первичном приближении можно определить как специфический способ хозяйственной деятельности, основанный на соответствующих производительных силах (технологиях) V техноуклада – автоматизация, робототехника, IT – устройства и т.д.

В работах ряда исследователей, посвященных феномену креативных индустрий, указывается, что «...представления об этих индустриях касаются медиакультуры, связи культурной продукции и экономических инноваций, а также общественных культурных институтов» и описываются при помощи ряда моделей (Potts, Cunningham, 2008). Вместе с тем указывается и на существенные разночтения в толковании (Рубан, 2023). Так, в западных экономических системах, для определения принадлежности хозяйствующего субъекта к «креативной индустрии» пользуются системой критериев, приведенных в «Оксфордском справочнике креативных индустрий». Помимо традиционных сфер (искусство, культура, шоу-бизнес, медиа и др.) к креативным также относят всех занятых творческим трудом в промышленном производстве, а также на вспомогательных работах. Некоторые исследователи (Müller et al., 2009) также выделяют три признака идентификации предприятий, относящихся к креативным индустриям:

- (1) постоянное воспроизводство инноваций и новых продуктов;
- (2) являются поставщиками инновационных разработок и соответствующих продуктов смежным предприятиям;
- (3) активно приобретают, внедряют и продвигают на рынок цифровые технологии.

Соответственно, опираясь на вышесказанное, можно выделить два системных признака отнесения хозяйствующих субъектов к т.н. креативной индустрии:

Во-первых, характер деятельности (она должна быть креативной, или иначе – творческой).

Во-вторых, сотрудникам организации должен быть присущ высокий уровень творческой составляющей в структуре личности.

Таким образом, креативные индустрии могут быть классифицированы как некие *хозяйственные системы, объединенные общим компонентом – повышенной долей творческой составляющей в структуре создаваемого продукта*. В основе креативных индустрий лежит интеллект (в различных формах) и соответствующие инструменты его продуцирующие. Драйвером развития данной сферы являются цифровые технологии. Показательна статистика Российского экспортного центра (РЭЦ), согласно которой в 2018 году капитализация предприятий соответствующих индустрий около 2,3 трлн долл. США и свыше 30 млн занятых. По последним данным Digital TV Research, капитализация рынка цифровых контент-платформ и видео-тримминга в некоторых странах т.н. «капиталистического ядра» (например, в экономике США) к 2024 г. достигнет уровня 24,5 млрд долл., превысив аналогичные показатели за 2018 год примерно на 250%. Также говорится, что темпы роста мирового сегмента данного рынка составляют порядка 15% в год (при объеме в 104 трлн долл.)²².

Что касается нашей страны, то в России примерно 2% ВВП приходится на креативные индустрии²³, в то время как среднемировое значение находится на уровне 6% от ВВП. Численность занятых в креативном секторе составляет 3,4 млн человек – 4.8% (Рисунок 4).

²² Справка: <https://nris.ru/blog/chto-takoe-kreativnye-industrii/> (дата обращения: 07.06.2024).

²³ Справка: по оценкам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ составил 2,64%.

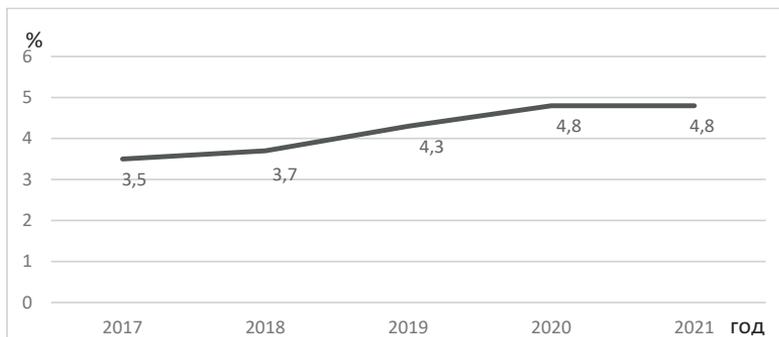

Рисунок 4. Динамика доли занятых в креативном секторе экономики России (в %)

Источник: составлено по данным Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/807190597.html> (Дата обращения: 05. 06. 2024).

По мнению некоторых авторов, «...в целом в настоящее время креативная индустрия в России находится на стадии активного развития. В 2019 г. объем рынка креативных индустрий составил 3,8 трлн руб. Среди наиболее развитых отраслей можно выделить кино, музыку, телевидение, рекламу и дизайн» (Курочкин, 2023).

Резюмируя сказанное, мы видим, что в аспекте перехода к т.н. (пост)индустриальной экономической модели XXI века основной производительной силой становится креативный работник, составляющий основу соответствующего класса (находящегося в фазе генезиса), а креативные корпорации становятся основной формой организации капитала. Именно наличие критической массы работников, обладающих высоким творческим потенциалом востребовано для перехода к т.н. «новой индустриализации», которая по мнению некоторых исследователей (С.Д. Бодрунов, А.В. Бузгалин и др.), предполагает пересмотр отношения к труду человека и переходе от модели *homo economicus* к *homo creator*. В этой связи особо востребовано также опережающее развитие качеств человека, доминирование интеллекта над технологиями.

Заключение

Проведенное исследование позволило получить следующие выводы, отраженные в представленных ниже положениях:

Во-первых, в тексте содержательно определена экономическая модель XXI века, которая представляет собой макрообъект, с присущими конкретными пространственно-временными границами и соответствующими формами воплощения. В основе ее структуры находятся соответствующим образом организованные производительные силы и производственные отношения, составляющие базис. Отмечено, что законченной модели (пост)индустриальной экономики будущего не существует; она всегда результат общественного консенсуса и объективных законов развития исторического процесса.

Во-вторых, аргументировано, что в XXI веке новые производительные силы переросли позднекапиталистическую форму их воплощения (способ производства). В рамках фазы (III) – регресса индустриальной экономической системы происхо-

дит процесс дивергенции и диффузии основных социальных классов. Основной производительной силой становится креативный работник, составляющий основу соответствующего класса, а креативные корпорации становятся основной формой организации капитала.

В-третьих, опираясь на познавательный потенциал социально-классового анализа, дана качественная характеристика креативного работника как осевого элемента обозначенной социальной группы; выделены т.н. его «родовые» особенности.

В-четвертых, высказана мысль, о том, что творческий потенциал креативного работника имманентно воплощен в его качественных характеристиках как рабочей силы, так и возникающих в процессе взаимодействия трудовых отношений. Он проявляется в межличностном доверии, солидарности, ответственности, поведении экономических агентов, а также в функционировании национальных институтов, одним из которых является культура.

ЛИТЕРАТУРА

Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Издательство АСТ, 2023. – 160 стр.

Боос В.О. и др. Рейтинг креативных регионов России // Научный дайджест. Спецвыпуск. / Отв. ред.: О.В. Ворон. М.: НИУ ВШЭ. 2023. № 3. С. 1–34.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: ЛЕНАНД, 2018. – 904 с.

Воейков М.И. Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 126-139.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 2005. – 799 с.

Гречко М.В., Алавердов В.В. Творческий труд в эпоху циркулярной экономики. В сборнике: цифровая экосистема экономики. Сборник статей по итогам X-й международной научно-практической онлайн-конференции. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2023. – 312 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

Курочкин В.Н. Креативная индустрия в экономике России: реальность и потенциал в сервисной деятельности // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 5. С. 69-77. DOI: 10.5281/zenodo.10425637

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. – 623 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 920 с.

Маслов Г.А. Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 93-109. DOI: 10.5281/zenodo.8320052

Павлов М.Ю. География постэкономики: Родовые поместья как вектор будущего // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 116-132.

Покровский М.Н. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Под редакцией А.М. Прохорова. Том 17. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 615 с.

Полтерович В.М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. № 3. Стр. 2-37.

Райт Э. Марксистские концепции классовой структуры // Politics & Society. 1980. № 3. Стр. 23-370.

Рогожникова В.Н. Понятие творчества в современной экономической науке // Вопросы политической экономии. 2023. № 3(35). С. 174-187. DOI: 10.5281/zenodo.8320052

Рубан Д.А. Туризм и креативные индустрии в свете международного исследовательского опыта: географический обзор // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 5. С. 59-68. DOI: 10.5281/zenodo.10423085

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Перевод с английского П. Ключкина. М.: Эксмо, 2020. – 1056 с.

Стасев М.А., Гречко М.В. Представление структурно-логической модели процесса повышения конкурентоспособности специалистов креативной индустрии (на примере сферы услуг) // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 5. С. 31-44. DOI: 10.5281/zenodo.10420682

Тронеv К.П. Экономические основы динамики реальных доходов трудящихся при социализме. М.: Издательство Московского университета, 1966. – 83 с.

Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Миф, 2016. – 384 с.

Цаголов Г.Н. Революция и экономика // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 204. № 2. 267-272.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М.: Издательство молодая гвардия, 1937. – 111 с.

A.Y. Arkhipov at all. Dialectics of the evolution of economic systems // International Journal of Trade and Global Markets. 2023;18(2-3):143–158. DOI: 10.1504/IJ-TGM.2023.135615

Müller K. at all. The role of creative industries in industrial innovations. Innovation: Organization & Management. 2009;11(2):148-168. doi: 10.5172/impp.11.2.148

Potts J., Cunningham S. Four models of the creative industries. International Journal of Cultural Policy. 2008;(14):233-247.

Yu W., Tan X. The creative class in China: Heterogeneity and its regional determinants // Managerial and Decision Economics. 2022;(43):3466-3478.

Информация об авторах

Гречко Михаил Викторович – кандидат экономических наук, доцент, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

(E-mail: mvgrechko@inbox.ru) (elibrary AuthorID: 303065) (ORCID 0000-0002-8196-3807)

Плешивцева Анна Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

(E-mail: pleshivtseva_anna@mail.ru) (elibrary AuthorID: 999584) (ORCID 0000-0001-7200-6100)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

REFERENCES

Arkhipov A.Y. at all. Dialectics of the evolution of economic systems. International Journal of Trade and Global Markets. 2023;18(2-3):143–158. DOI: 10.1504/IJT-GM.2023.135615

Auzan A.A. Cultural codes of the economy: How values influence competition, democracy and welfare of the people. M.: AST Publishing House, 2023. – 160 p. (In Russ.)

Boos V.O. at all. Rating of creative regions of Russia. Nauchnyj dajdzhest=Scientific digest. Special Issue. Editor-in-Chief: O.V. Voron. National research university higher school of economics. 2023;(3):1-34. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global capital. T. 2: Theory: Global hegemony of capital and its limits. M.: LENAND, 2018. – 904 p. (In Russ.)

Cagolov G.N. Revolution and economy. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii=Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2017;204(2):267-272. (In Russ.)

Engel's F. The development of socialism from utopia to science. M.: Young Guard, 1937. – 111 p. (In Russ.)

Florida R. Creative class. People who change the future. M.: Myth. 2016. – 384 p. (In Russ.)

Grechko M.V., Alaverdov V.V. Creative labor in the era of circular economy. In the collection: digital ecosystem of economy. Collection of articles based on the results of the X-th international scientific and practical online conference. Southern Federal University. Rostov-on-Don. 2023. – 312 p. (In Russ.)

Hegel G.V.F. Science of Logic. SPB: Science, 2005. – 799 p. (In Russ.)

Inglehart R., Welzel K. Modernization, Cultural Values and Democracy: The Sequence of Human Development. Moscow: New Publishing House, 2011. – 464 p. (In Russ.)

Kurochkin V.N. Creative industry in the Russian economy: reality and potential in service activity. Servis v Rossii i za rubezhom=Service in Russia and abroad. 2023;17(5):69-77. DOI: 10.5281/zenodo.10425637 (In Russ.)

Lenin V.I. Complete Works Collection. T. 39. M.: Publishing house of political literature, 1970. – 623 p. (In Russ.)

Marks K., Engel's F. Capital. T. 1. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 23. M.: State Publishing House of Political Literature, 1960. – 920 p. (In Russ.)

Maslov G.A. Creative labor: a prerequisite for theoretical revolution? Filosofiya hozyajstva=Philosophy of Economy. 2018;(2):93-109. DOI: 10.5281/zenodo.8320052 (In Russ.)

Müller K. at all. The role of creative industries in industrial innovations. Innovation: Organization & Management. 2009;11(2):148-168. DOI: 10.5172/impp.11.2.148.

Pavlov M.Yu. Geography of post-economics: Family estates as future vector. Filosofiya hozyajstva = Philosophy of Economy. 2024;(2):116-132. (In Russ.)

Pokrovsky M.N. The Big Soviet Encyclopedia: in 30 vol. Edited by A.M. Prokhorov. Vol. 17. 3-rd ed. M.: Soviet Encyclopedia, 1969. – 615 p. (In Russ.)

Polterovich V.M. Factors of corruption. Ekonomika i matematicheskie metody=Economical and mathematic method. 1998;34(3):2-37. (In Russ.)

Potts J., Cunningham S. Four models of the creative industries. International Journal of Cultural Policy. 2008;(14):233-247.

Rajt E. Marxist concepts of class structure. *Politika i obshchestvo=Politics & Society*. 1980;(3):23-370. (In Russ.)

Rogozhnikova V.N. The concept of creativity in modern economic science. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2023;3(35):174-187. DOI: 10.5281/zenodo.8320052 (In Russ.)

Ruban D.A. Tourism and creative industries in the light of international research experience: a geographical review. *Servis v Rossii i za rubezhom=Service in Russia and abroad*. 2023;17(5):59-68. DOI: 10.5281/zenodo.10423085 (In Russ.)

Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. Translated from English by P. Klyukin. M.: Eksmo, 2020. – 1056 p. (In Russ.)

Stasev M.A., Grechko M.V. Presentation of the structural and logical model of the process of increasing the competitiveness of creative industry specialists (by the example of the service sector). *Servis v Rossii i za rubezhom=Service in Russia and abroad*. 2023;17(5):31-44. DOI: 10.5281/zenodo.10420682 (In Russ.)

Tronnev K.P. Economical bases of dynamics of real incomes of workers under socialism. M.: Moscow University Publishing House, 1966. – 83 p. (In Russ.)

Voyeikov M.I. Forward to capitalism? To the question of the upcoming stage of socio-economic development of Russia. *Svobodnaya mysl'=Liberty Thought*. 2015;(4):126-139. (In Russ.)

Yu W., Tan X. The creative class in China: Heterogeneity and its regional determinants. *Managerial and Decision Economics*. 2022;(43):3466-3478.

Information about the authors

Mikhail V. Grechko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Tourism, Service and Creative Industries. Federal state Autonomous educational institution of higher education «Southern Federal University», Rostov-on-Don, Russia.

(E-mail: mvgrechko@inbox.ru) (elibrary AuthorID: 303065) (ORCID 0000-0002-8196-3807)

Anna A. Pleshivtseva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Institute of Tourism, Service and Creative Industries. Federal state Autonomous educational institution of higher education «Southern Federal University», Rostov-on-Don, Russia.

(E-mail: pleshivtseva_anna@mail.ru) (elibrary AuthorID: 999584) (ORCID 0000-0001-7200-6100)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 24.04.2024; одобрена после рецензирования: 25.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.8

DOI: 10.5281/zenodo.13895725 <https://zenodo.org/record/13895725>

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Розинская Наталия Анатольевна¹

Кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва Россия, (rozinskaya@econ.msu.ru), (ORCID: 0000-0002-6907-0440)

Ключевые слова: *аграрная революция, аграрный переворот, сельское хозяйство, плодосменный севооборот, обезземеливание крестьян, рынок земли*

Благодарности: Автор выражает глубокую признательность рецензентам за ценные советы и замечания.

Для цитирования: Розинская Н.А. Эволюция концепции «аграрной революции» // Вопросы политической экономии. 2024. № 3(39). С. 169-182.

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF "AGRARIAN REVOLUTION"

Natalia A. Rozinskaya

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of History of National Economy and Economic Thought, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (rozinskaya@econ.msu.ru), (ORCID: 0000-0002-6907-0440)

Keywords: *agrarian revolution, agrarian revolution, agriculture, crop rotation, landlessness of peasants, land market*

Acknowledgments: The author would like to express deep gratitude to the anonymous reviewers for their valuable advice and comments.

For citation: Rozinskaya N.A. The evolution of the concept of "agrarian revolution". Problems in Political Economy. 2024;3(39):169-182.

JEL codes: N13, N53

Введение

Вопрос о причинах и механизмах перехода к обществу современного экономического роста², которое также в отдельных теоретических системах называют –

¹ © Розинская Н.А., 2024

² Термин «общество современного экономического роста» был введен С. Кузнецом в качестве противопоставления традиционному обществу, под которым понимались все некапиталистические социально-экономические системы (Kuznets, 1966).

капиталистическое общество, индустриальное общество, является одним из центральных в экономической истории.

На эту тему написано множество работ. Это, прежде всего, работы таких выдающихся мыслителей как К. Маркс, Т. Веблен, К. Поланьи, С. Кузнец, Д. Норт и др. Проблема перехода к обществу современного экономического роста, как правило, поднимается в работах, посвященных стадиям экономического развития.

В этих теориях особенное внимание уделяется механизму перехода от одного этапа к другому. Но так как при переходе к современной социально-экономической системе наиболее видимые изменения происходили в индустриальном, торговом, финансовом секторах, то наибольшее внимание экономисты уделяли именно этим сферам экономики.

В данной работе предлагается сместить фокус с процессов, связанных с развитием промышленного и торгового секторов на процессы, имевшие место в аграрном секторе при переходе к обществу современного экономического роста, так как именно эти процессы и их последствия, с точки зрения многих экономистов, создали необходимые условия для изменений в других секторах экономики. В работе рассматриваются концепции, авторы которых концентрировались на процессе трансформации аграрного сектора, процессе, который получил в англоязычной литературе название «аграрной революции», а в русскоязычной «аграрный переворот»³. В статье эти термины будут использоваться как взаимозаменяемые.

Эволюция концепций аграрной трансформации в 19-начале 20 в.

Одним из первых, кто описал переход к интенсивному земледелию и связал это с общественным прогрессом, был немецкий экономист Иоганн Генрих фон Тюнен. Он «...первым выделил паровое трехполье, травосеяние и плодосмен как три последовательных ступени прогресса, направленного к интенсификации земледелия» (Гловели, 2017, с. 40).

В России в конце XVIII–XIX также поднимался вопрос о переходе к интенсивному земледелию. Прежде всего здесь стоит назвать агрономов-экономистов А.Т. Болотова, И.М. Комова, К.А. Левшина и практиков сельского хозяйства Д.М. Полторацкого, И.И. Самарина, которые первыми поставили в России вопрос о различных системах земледелия (Крохалев, 1958, с. 5). Также и в дореформенный, и особенно пореформенный периоды учеными аграриями (М.Г. Павлов, М.П. Преображенский, Я.А. Линовский, С.М. Усов) и представителями сельскохозяйственной экономики (А.П. Людоговский, А.Н. Шишкин, А.С. Ермолов, И.А. Стебут, А.И. Скворцов, А.В. Фортунатов) активно разрабатывались такие вопросы, как этапы аграрного развития, экономическая эффективность систем земледелия в различных природных и экономических условиях и др. (Там же, с. 13-15).

³ В советской историографии вслед за Лениным под «аграрной революцией» понимался переход земель от помещиков к обрабатывающим эту землю крестьянам. То есть «аграрная революция» в данном контексте – это прежде всего изменения в системе землевладения. Данное понимание, не уделявшее должного внимания росту эффективности аграрного сектора, привело к тому, что в русскоязычной историографии не сложилось общепринятого мнения относительно того, что такое «аграрная революция» и, соответственно, не было дано однозначного ответа на вопрос: произошла ли эта революция в России и, если да, то когда (Першин П.Н. Аграрная революция в России. В 2 т. М., 1966; Кабанов В.В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 10; Кузнецов, И.А. Аграрная революция 1917 года в России: стоит ли изучать экономическую историю, забыв о печальном конце? // Крестьяноведение (RUSSIAN PEASANT STUDIES), 2019. Т. 4. № 1. С. 22-43). Данная проблема стала одной из причин написания этой статьи.

Подход Тюнена и русских ученых можно охарактеризовать как технологический, в то время как многих исследователей в тот период интересовали прежде всего социально-экономические отношения. Первым мыслителем, давшим развернутое социально-экономическое обоснование изменениям в сельском хозяйстве был К. Маркс. Процесс перехода к капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве он назвал «аграрной революцией» и показал механизм этого перехода на примере Англии – страны, где впервые этот переход совершился. В работах Маркса можно проследить эволюцию данного термина.

В работах 1840-х годов термин «аграрная революция» использовался для обозначения смены помещичье-феодальных отношений буржуазными, отмены крепостничества. Первая страна, которую Маркс и Энгельс рассматривают с точки зрения возможности аграрной революции – это Польша. В «Дебатах по польскому вопросу» Маркс пишет: «Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем могут избавиться от патриархально-феодального варварства только посредством аграрной революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями [frohnpflichtigen] крестьян в свободных землевладельцев...» (Маркс, Энгельс, 1956, с. 352). Но в работах 1850-х они уже видят в этой роли Россию: «Чем больше я размышляю над историей, тем яснее мне становится, что поляки – une nation foutue**, которая нужна, как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию...» – пишет Энгельс в письме Марксу (Маркс, Энгельс, 1962, с. 241).

Развернутое описание механизма аграрной революции Маркс дает в «Капитале», где аграрной революции уделяется большое внимание и как самостоятельному явлению, и как историческому и логическому предшественнику переворота промышленного. В «Капитале» Маркс обращает внимание на то, что первоначальной причиной изменений является изменение в правах собственности: «Приблизительно к 1750 г. исчезают йомены, а в последние десятилетия XVIII столетия исчезают всякие следы общинной собственности земледельцев. Мы оставляем здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные рычаги. Во время реставрации Стюартов земельные собственники провели в законодательном порядке ту узурпацию, которая на континенте совершилась везде без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т.е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «компенсировали» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право...» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 734). То есть появление частной собственности в сельском хозяйстве стало отправной точкой последующих изменений, о которых Маркс пишет дальше: «Земля, несмотря на уменьшение числа лиц, обрабатывающих ее, приносила теперь столько же или даже еще больше продукта, чем раньше, так как революция в отношениях земельной собственности сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т.д. и так как сельскохозяйственные наемные рабочие не только принуждались к более интенсивному труду, но и все более и более сокращалась та область производства, в которой они работали на самих себя. Таким образом с высвобождением части сельского населения высвобождаются также его прежние средства существования» (Там же, с. 755).

Таким образом Маркс показал, что в основе аграрной революции лежали изменения прав собственности, которые, несмотря на тяжелые последствия для крестьян, в конечном счете ведут к повышению эффективности в сельском хозяйстве, формированию рынка труда, что создает условия для промышленной революции.

Последователи Маркса сконцентрировали свое внимание на социальной составляющей аграрной революции – на процессе обезземеливания крестьян, в результате которого исчезает слой крестьянства и появляются фермеры и наемные рабочие. Работы в этом направлении имели скорее политический, чем теоретический характер. Исключением здесь можно назвать работу К. Каутского, которая была написана, во-первых, для выработки отношения к появляющимся аграрным программам и, во-вторых, чтобы на фактическом материале доказать правоту Маркса. Он объяснял свое обращение к проблемам аграрного сектора необходимостью выработки теоретических положений в этой области: «...развитие сельского хозяйства обнаружило такие явления, которые кажутся несовместимыми с учением Маркса. Таким образом, аграрный вопрос стал представлять высокий интерес и с теоретической точки зрения» (Каутский, 1900, с. 1). В своей работе германский социал-демократ ставит целью показать «основные тенденции управляющие внешними явлениями», при этом его особенно интересует «роль докапиталистических и некапиталистических форм сельского хозяйства, входящих в состав капиталистического общества» (Там же, с. 2). На основе данных по Англии, Германии, Франции и США Каутский анализирует изменения, происходящие в тот период в аграрном секторе этих стран. Он выделяет как технологические изменения – переход от трехполья к плодосменному севообороту, внедрение машин, так и экономические – углубление капиталистических отношений, появление конкурентов на мировых рынках. Но главными, с его точки зрения, последствиями, так же как и у Маркса, являются социальные, касающиеся судьбы крестьянства: «Таким образом, совершающийся в сельском хозяйстве переворот освящает для них всех травлю, в которой они подвергаются беспощадному преследованию до тех пор, пока все не попадают от изнеможения, за исключением немногих безжалостных счастливыхцев, которым по трупам погибших удастся пробраться в ряды преследующих, в ряды крупных капиталистов» (Там же, с. 248).

Во второй половине XIX в. в России также появляются мыслители, которые увязывают этапы в развитии аграрного сектора с социально-экономическими институтами, в частности было показано, что именно пережитки крепостничества в российской деревне консервируют отсталые формы земледелия. Здесь, прежде всего, следует назвать А.В. Советова и А.Н. Энгельгарда, которые первыми в русской литературе обратили внимание на роль институциональных факторов. По словам советского историка Крохалева, А.В. Советов был первым, кто в своем труде 1867 г. «О системах земледелия» проследил связь изменения систем земледелия с общественно-экономическими условиями (Крохалев, 1958, с. 21). А.Н. Энгельгард был скорее практиком, чем теоретиком, но он также в опубликованной в 1888 г. работе «О хозяйстве в Северной России и применении в нем фосфоритов», обращает внимание на связь социально-экономических условий и систем земледелия (Крохалев, 1960, с. 162-163).

Если в работах Советова и Энгельгарда намечается взаимосвязь институционального и технологического подходов, то в работах представителей интересов

крупного землевладения наблюдается возврат к «тюненизму». Наиболее ярким представителем этого подхода был А.П. Людоговский, который на основе изучения эволюции аграрного сектора в Англии и Германии предложил следующую схему развития сельского хозяйства: 1. пастбищная система; 2. переложная система; 3. зерновая система; 4. улучшенная зерновая; 5. плодосменная; 6. вольное хозяйство (Там же, с. 203-204). А.П. Людоговский и его последователи конца XIX – начала XX вв. – И.А. Стебут, А.С. Ермолов, А.И. Скворцов и др. – своей задачей считали найти оптимальную форму хозяйствования с точки зрения повышения эффективности сельского хозяйства.

Значительный шаг в развитии теории систем хозяйствования в сельском хозяйстве был сделан российскими учеными аграриями Н.П. Огановским и А.Н. Челинцевым, которые пытались создать теорию аграрного развития, аграрной эволюции. Ни Огановский, ни Челинцев не использовали термин «аграрная революция», но, по сути, описали ее основные технико-экономические характеристики.

Огановский рассматривает две группы систем земледелия – экстенсивную и интенсивную. К экстенсивным системам относятся переложная (включающая залежную и подсечную), паровая зерновая (включающая двупольную и трехпольную), а также улучшенная зерновая с подсевом травы. Среди интенсивных систем земледелия можно выделить плодосменную, промышленную (включает культивирование огородных, технических и садовых культур) и вольную (Огановский, 1909, с. 177-178). Характеризуя различия между двумя группами, он писал: «1) В экстенсивных системах плодородие почвы восстанавливается естественным путем – путем отдыха почвы от посева. Чем экстенсивнее система, тем этот отдых продолжительнее, т.е. тем обширнее территория отдыхающей пашни (залежи, подсеки, пара). При нормальной переложной системе, только одна пятая часть пашни находится под посевом; четыре пятых отдыхают. Maximum посева при перелогe – третья часть пашни.

Когда этот maximum достигнут – начинается переход в следующую – двупольную систему полеводства, при которой отдыхающая площадь пашни уже равняется занятой посевами. В истории земледелия двуполье играет небольшую роль и быстро сменяется трехпольем, при котором уже две трети заняты посевом.

Наконец, когда начинается подсев трав, площадь отдыхающей пашни сокращается, minimum до одной четвертой...

Когда площадь отдыхающей пашни сокращается до minimum'a, наступает переход к интенсивным системам. При интенсивных системах плодородие почвы восстанавливается и развивается преимущественно искусственным путем – удобрением...

2) При экстенсивных системах в севообороте преобладают почти исключительно злаковые культуры. Переход к интенсивным системам составляет подсев кормовых трав... Плодосмен имеет целью, как и удобрение, развивать плодородие почвы.

Таким образом, экстенсивные системы отличаются от интенсивных отсутствием забот о плодородии почвы и однообразием культуры. Отсюда вытекает третье отличие, наиболее важное с точки зрения эволюции.

3) Экстенсивные системы развивают производительность земли вширь... Когда процесс развития производительности земли вширь закончен, ...начинается раз-

вите производительности земли вглубь, при помощи удобрений, т.е. стремление добиться увеличения продуктов посредством увеличения урожайности. И действительно, урожайность при интенсивных системах растет сравнительно очень быстро. Тогда как при перелоге и трехполье, на наиболее плодородных почвах она редко достигает высоты 50 пудов с десятины, нормальная урожайность европейских стран при плодосмене, круглым счетом, около 100 пудов, и эта урожайность постоянно и неуклонно повышается. Исчезают скачки урожайности, ее быстрые падения и подъемы, и вместе с ними исчезают и голодовки» (Огановский, 1909, с. 179-181).

Далее Огановский показывает, что интенсивные системы земледелия тесно связаны с интенсивными системами животноводства. «Но вот наступает эпоха интенсивных систем: пары и выгоны почти отсутствуют; вместо них человек засеивает кормовыми травами часть пашни, которые, вместе с отбросами других растений, преимущественно корнеплодов, дают богатую пищу скоту на круглый год... Скот запирается в стойло и вместе с тем начинается эра качественного улучшения скота. Улучшаются породы, увеличиваются мясистость, молочность и другие полезные качества... Подобно тому, как в экстенсивных системах полеводства человек заботится лишь об увеличении количества посевов, мало думая об увеличении урожайности, в экстенсивных системах скотоводства человек стремиться к увеличению количества скота, мало думая о его продуктивности. В интенсивных системах полеводства и скотоводства наоборот, главное внимание устремляется на урожайность земли и продуктивность скота» (Огановский, 1909, с. 181). Теперь закон «убывающего плодородия» человеку не страшен (Там же, с. 294).

Примерно также описывает эволюцию сельского хозяйства Челинцев. Он, как и Огановский, выделяет следующие критерии, которые лежат в основе разделения систем хозяйствования/стадий развития в аграрном секторе: «1) способы поддержания плодородия, изменения коих соединены с 2) с переменами в доле пахоты относительно естественных кормовых угодий и в использовании пахоты и с 3) положением, ролью и экономической формой нерабочего скотоводства. Нарастание соответствующих экономических перемен в местности ведет к такой смене этих признаков, что сельское хозяйство последовательно переживает свои системы: залежную, паровую, травопольную и вольную (считая плодосменную систему наиболее интенсивной разновидностью травопольной)» (Челинцев, 1910, с. 17).

В отличие от других авторов того периода, которые описывали системы хозяйствования (Бруцкус, 1909), работы Огановского и Челинцева интересны тем, что они анализируют причины перехода от экстенсивных форм хозяйствования к интенсивным, то есть причины аграрной революции. Оба автора одной из главных причин называют увеличение плотности населения, но по ряду других факторов, влияющих на процесс перехода, у авторов различные точки зрения. Огановский в качестве важнейшего фактора выделяет влияние природы (Огановский, 1909, с. 163-170), Челинцев же критикует эту точку зрения, пытается доказать, что решающими являются экономические факторы – плотность населения и уровень урбанизации, который способствует углублению разделения труда (Челинцев, 1910, с. 5-6). Относительно влияния разделения труда, Огановский обращает внимание на принципиальное отличие эволюции промышленности, где разделение труда играет ключевую роль, способствуя упрощению операций, от эволюции сельского хозяйства, где развитие связано с концентрацией различных видов деятель-

ности в одном хозяйстве и усложнением этих видов деятельности (Огановский 1909, с. 183).

При этом ни один из авторов не рассматривает права собственности, как институт, влияющий на мотивацию перехода к интенсивным формам. После Маркса вопрос об изменении прав собственности в качестве причины аграрной революции будет обсуждаться в западной литературе в послевоенный период.

Если предыдущие авторы пытались найти закономерности эволюции в рамках сельского хозяйства, то С.Н. Булгаков попытался найти связь между развитием аграрного сектора и индустриального. Он в своей работе «Капитализм и земледелие» на основе анализа развития сельского хозяйства в развитых в тот период странах приходит к выводу, что промышленному перевороту должны предшествовать кардинальные изменения в сельском хозяйстве (Булгаков, 1900). Более того, Булгаков считает, что без изменений в правах собственности на землю и вытеснения мелких собственников из аграрного сектора промышленный переворот в Англии был бы невозможен. В качестве подтверждения он приводит специфику развития Франции, где остались мелкие землевладельцы, что, с точки зрения Булгакова, тормозило промышленное развитие Франции: «В начале века отсутствие обширного пролетариата помешало Франции стать рядом с Англией и потягаться с нею за промышленную супрематию; через несколько десятков лет это было уже поздно. Та же самая причина в середине века не позволила выдержать более победоносно надвигающуюся конкуренцию Германии» (Там же, с. 180-181).

Помимо С.Н. Булгакова примерно в тот же период вопрос о связи аграрной революции и промышленного переворота поднимал французский историк Ж.П. Манту. В работе 1906 года, посвященной английской промышленной революции, он подробно останавливается на факторах, предшествующих промышленному перевороту, и, в частности, исследует социально-экономическую ситуацию в аграрном секторе, как предпосылки промышленного переворота (Манту, 2014, с. 105-149). Однако в отличие от Булгакова, Манту не приходит к однозначному выводу о том, что для промышленного переворота обязательно необходима трансформация в сельском хозяйстве. Он приводит пример Франции, как доказательство того, что без изменений в аграрном секторе крупная промышленность все равно бы развивалась, правда гораздо медленнее: «В стране, где масса земледельцев осталась бы привязанной к земле, подъем крупной промышленности происходил бы, несомненно, менее стремительно, но, тем не менее, он имел бы место: доказательством может служить пример Франции» (Там же, с. 148).

Эволюция концепций аграрной трансформации в 20–21 вв.

В западной историографии, так же как и классики марксизма, под аграрной революцией понимали процессы, которые имели место в Англии 16-18 веках. Но в отличие от Маркса авторы концентрировались не на социальных последствиях, а на институциональных, технологических и экономических. Поэтому в англоязычной литературе под термином «аграрная революция» понимается скачок в росте производительности труда, способствовавший росту урбанизации, развития рынка труда и, соответственно, индустриальной революции (Overton, 2002).

Несмотря на то, что авторы по-разному оценивали начало и конец аграрной революции, у них не было разногласий относительно ее механизма. С их точки

зрения, институциональные изменения, способствовавшие четкому определению прав собственности на землю⁴ (в Англии это были «революция йоменов» или «огораживания») вкупе с коммерциализацией крестьянских хозяйств вели к более эффективному использованию земли, то есть, иными словами, к росту факторной производительности (Розинская, 2015; 2016).

Главная характеристика и результат аграрной революции – рост выпуска продукции на человека (Allen, 1999, p. 211). Концепция аграрной революции означает не просто увеличение объема производства, но и повышение производительности факторов производства: труда и земли (Там же, p. 217).

Одним из важнейших последствий роста выпуска продукции с гектара земли является сокращение необходимого населения в аграрном секторе. «В целом можно говорить о том, что к 1800 г. обширным территориям Северной Европы удалось снизить объемы труда, требующиеся для производства одного гектолитра зерна, с 6-8 человеко-дней (что являлось нормой в XVI в.) до 4-5, в то время как собираемость урожая с одного гектара увеличилась с 8-10 гектолитров до 12-15... С начала XVI в. (в выращивании зерновых культур занято 50% населения) и до 1800 г. (в производстве зерна занято уже 30% населения) происходит снижение рабочего времени, уделяемого сельскому хозяйству, с 75% до примерно 50%, поскольку растет число ремесленников, промышленных и транспортных рабочих, трудящихся прочих категорий – они заполняют собой промежуточные звенья сельской экономической жизни, используют возможности, предоставляемые набирающей зрелость рыночной системой, и закладывают основы для промышленной революции, события, которое скорее продолжило собою процесс экономического роста Европы, а не инициировало его» (Allen, 1992, p. 14).

В Европе отмеченный «межотраслевой сдвиг» производственных ресурсов домохозяйств произошел вследствие рыночных изменений, открывших для этих домохозяйств новые благоприятные возможности. Произошел переход от практики *контактов* домохозяйств с рынком, когда имела место продажа производимой продукции в целях увеличения разнообразия потребляемых семьей товаров, к *ориентации* на рынок, при которой продажа производимой продукции и своего труда становится основой всей экономики домохозяйства. Де Фрис подчеркивал, что этот переход не был следствием принуждения со стороны каких-либо институтов, хотя и они время от времени играли достаточно важную роль в процессе изменений. В свою очередь, ориентация на рынок, приводившая к зависимости от него, вызвала изменения в потребительском поведении домохозяйств (Де Фрис, 2016, с. 143, 160-161).

Несколько упрощая, можно охарактеризовать подход англоязычных экономистов как экономико-технологический: при анализе аграрной революции делается акцент на изменениях в правах собственности, технологических сдвигах, росте производительности факторов – труда и земли (Allen, 1999); (Overton, 2002); (Thompson, 2010).

На настоящий момент в российской литературе нет консенсуса относительно того, что такое аграрный переворот и когда он произошел в России. Идеи Огановского и Челинцева, к сожалению, остались без развития, что во многом было связано с идеологизацией данного вопроса.

⁴ В Швеции, например, один из братьев мог выкупить долю других по заниженной цене (The Agrarian History..., 2011, p. 122).

Так же пока остается без ответа вопрос о том, насколько аграрный переворот является обязательной предпосылкой для индустриальной революции. В современной литературе наиболее глубоко этот вопрос исследовался в работах Б. Милановича, который обращал внимание на трудности перехода к обществу современного экономического роста без необходимых изменений в аграрном секторе. «В обществе, где 90 процентов населения живет в сельской местности, и все фермеры обрабатывают свои собственные (небольшие) землевладения, и нет безземелья, как вы проводите индустриализацию?» (Mijatović, Milanović, 2021) – задается вопросом исследователь. По его мнению, при отсутствии безземелья крестьяне вовсе не стремятся переезжать в города и работать за зарплату. Более того, политические партии, которые претендуют на представительство интересов крестьянства, склонны еще больше ограничивать мобильность рабочей силы, в законодательном порядке гарантируя крестьянам определенный минимум имущества (например, приусадебный участок, дом, скот и инвентарь), который нельзя было отчуждать ни в случае невозврата кредита, ни в случае просроченных налогов. Именно такая ситуация, отмечает сербско-американский исследователь, была типичной для стран Юго-Восточной Европы - Греции, Болгарии и Сербии. Эти аграрные страны характеризовались преобладанием небольших по размерам крестьянских хозяйств и, что очень важно, отсутствием безземелья. «Все они демонстрировали медленное или остановленное капиталистическое развитие и нерешительную урбанизацию. Причина была проста: у фермеров не было стимула переходить от самозанятости к наемному труду. И кто предпочел бы перейти от роли собственного босса и зависеть, возможно, только от стихий, чтобы стать наемным работником, работающим шесть дней в неделю круглый год на «сатанинских мельницах»? (Там же, 2021)⁵.

Ссылаясь на работу Фрэнсиса Фукуямы «Политический порядок и политический упадок», Б. Миланович задается вопросом о взаимосвязи промышленного развития и демократизации. По его мнению, Фукуяма, объяснявший замедленное промышленное развитие Греции политическим клиентелизмом, вызванным преждевременной демократизацией (переход к широкой электоральной демократии произошел в условиях, когда политические партии еще не были структурами, построенными на основе определенной идеологической программы, но представляли собой, как в средневековом городе, скорее объединения зависимых «клиентов» вокруг лидеров-«патронов»), не увидел главного: проблема на самом деле имеет экономическое происхождение и заключается в отсутствии у крестьян стимула для переезда в города.

В Англии, отмечает Б. Миланович, крестьян пришлось буквально прогонять с земли через огораживания; во Франции процесс был гораздо более затянутым и занял столетие; в Германии, Польше и Венгрии «помогли» крупные поместья, принадлежащие знати и последующее безземелье. Наконец, в России это произошло в результате насильственной коллективизации.

Предположим, вслед за Б. Милановичем, что Октябрь 1917 г. не произошел и что Россия после Февральской революции стала парламентской демократией. В этом гипотетическом сценарии парламентское большинство в послереволюци-

⁵ В российской историографии вопрос об инерционности крестьянского мышления по разным поводам писали Чайнов и Кондратьев (Чайнов, 1989); (Кондратьев, 1991). Правда ни тот, ни другой не ставили задачи проанализировать последствия этого феномена для экономики.

онный период принадлежало бы эсерам (напомним, именно эта партия получила большинство на реальных выборах в Учредительное собрание, впоследствии разогнанное большевиками). Эсеры реализовали бы свою аграрную программу, ориентированную на запросы крестьянства (в реальности, как известно, «за них» это сделали большевики). После раздела между крестьянами помещичьих и ряда других земель большинство крестьян стали бы мелкими земельными собственниками; проблема безземелья ушла бы с политической повестки (возможно, временно – в зависимости от комплекса экономических и особенно демографических факторов).

В условиях преобладания мелкой крестьянской земельной собственности и политической власти прокрестьянской партии (или коалиции таких партий – вспомним, что российские эсеры в 1917 году начали распадаться на правых и левых) индустриализация, с точки зрения Милановича, была бы *политически невозможна*. Крестьяне, пишет он, были бы «вполне счастливы оставаться на своей земле; эсеры, чье парламентское большинство зависит от крестьянства, могли бы принять законы, аналогичные тем, которые были приняты в Сербии в конце 19 века, гарантируя крестьянскую собственность от кредиторов или государства. Зачем в этих условиях крестьянам переезжать в Москву или Санкт-Петербург, чтобы стать наемными рабочими, если они не получают гораздо более высокую заработную плату – что крайне маловероятно – чем их чистая прибыль от ведения сельского хозяйства?.. Могут ли быть введены высокие экспортные пошлины на российское / украинское зерно, чтобы обеспечить экономию, которую можно было бы инвестировать в промышленное развитие (политика, которой придерживаются перонисты в Аргентине)? Трудно представить, что партия (эсеры), которая зависела бы не от промышленного пролетариата, а от крестьянства, сделала бы это... Для промышленного развития вам нужны безземельные крестьяне, ищущие работу в городе. Но в обществе, где крестьяне владеют фермами, а их партии контролируют правительство, нет ни стимула, ни желания переезжать в города»⁶.

Как было показано выше, подход Б. Милановича вполне согласуется с выводами, сделанными в начале XX века (то есть в тот самый период, альтернативную версию истории которого излагает сербско-американский ученый) С.Н. Булгаковым и Ж.П. Манту.

Если оценивать подход Милановича в терминах теорий развития, то на первый взгляд он описывает модель, полностью противоположную модели Льюиса, которая, как известно, основывается на посылке о бесконечном предложении рабочей силы. Миланович исходит из обратного: новое предложение рабочей силы из села стремится к нулю. Но важно отметить, что Миланович, как и Льюис, исходит из признания фундаментальной важности притока/отсутствия притока рабочей силы из села в город и вслед за Льюисом рассматривает факторы, влияющие на такой приток либо его отсутствие.

Таким образом, можно сделать несколько парадоксальный вывод, что западный экономист косвенно оправдывает аграрную политику периода коллективизации, фактически утверждая, что добровольно крестьяне от земли никогда бы не отказались и в промышленных рабочих не превратились, и более того, подтверждает

⁶ Миланович Б. Что делать, если крестьяне не хотят переезжать в города? URL: https://branko2f7.substack.com/p/the-plight-of-late-industrializers?utm_source=post-email-title&publication_id=371309&post_id=97120025&isFreemail=true (дата обращения: 27.03.2024).

этот тезис с помощью количественного анализа на данных Сербии. О том, что обилие земли тормозило модернизацию, писал и Огановский в уже упомянутой работе. Кроме того, он так же, как и Челинцев, считал, что похожий эффект имеет экспорт зерна (Rozinskaya, Arkhina, Artamonov 2024).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что существовало три различных теоретических подхода к определению аграрной революции: технологический, социальный и экономический.

Технологический был характерен в Европе для исследований Тюнена и его последователей, в том числе и в России, а также для Огановского и Челинцева. Схожесть подходов этих авторов можно объяснить тем, что в российском аграрном секторе во второй половине 19 века начались процессы трансформации сходные с теми, которые имели место в Германии в первой половине 19 века. Авторы отражали проблемы переходного периода, когда менялся технологический уклад, проблемы, которые необходимо было решать в тот период в данной стране, авторы указывали на прогрессивные изменения и их позитивные последствия.

Социальный подход связан прежде всего с именем Маркса и далее развивался его последователями. Технологические и институциональные изменения представителями данного подхода рассматривались через призму последствий этих процессов для трудящихся масс и прежде всего для крестьянства.

Экономический подход характерен для большинства современных западных экономистов и экономических историков, в том числе Аллан, Овертон, Томпсон. Последние, анализируя технологические, институциональные и социальные изменения в аграрном секторе, отдают приоритет анализу производительности труда, эффективности экономики, модернизационным процессам, которые стали, с их точки зрения, следствием трансформации аграрного сектора.

Среди последних особенно выделяются работы Милановича, который ставит очень важный вопрос, насколько индустриализация зависит от процессов, происходящих в сельском хозяйстве, то есть возможен ли значительный рост промышленности без аграрной революции. Сам Миланович на примере Сербии доказывает, что данная зависимость существует и что незаконченность аграрной революции тормозит развитие промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

Бруцкус Б.Д. К критике учений о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. № 9. С. 8-86.

Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Том 2. Санкт-Петербург: Типография и литография В. А. Тиханова, 1900. – 458 с.

Гловели Г.Дж. Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 38-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-2-131-148>

Де Фрис Ян. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 462 с.

- Каутский К. Аграрный вопрос. Харьков: Знание, 1900. – 256 с.
- Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, М.: Наука, 1991. – 486 с.
- Крохалев Ф.С. История учения о системах земледелия в России: автореферат дис. ... доктора экономических наук; [Место защиты: Московская ордена Ленина сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева]. Москва, 1958. – 40 с.
- Крохалев Ф.С. О системах земледелия. М.: Сельхозгиз, 1960. – 432 с.
- Манту П.Ж. Промышленная революция XVIII столетия в Англии: (опыт исследования). Стер. изд. 1937 г. М.: Директ-Медиа, 2014. – 440 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 5. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 643 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Энгельс – Марксу, 23 мая 1851 г. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – 695 с.
- Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909. – 308 с.
- Розинская Н.А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // Journal of Institutional Studies. 2015. Т. 7. № 3. С. 50-63. Doi: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.050-063
- Розинская Н.А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия // Экономическая история. 2016. № 2. С. 48-55.
- Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Моск. Рабочий, 1989. – 366 с.
- Челинцев А.Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономии. III. Сельско-хозяйственные районы Европейской России, как стадии сельско-хозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. Санкт-Петербург: тип. «Сел. вестн.», 1910. – 135 с.
- The Agrarian History of Sweden, 4000 BC to AD 2000. Edited by Janken Myrdal and Mats Morell. Lund: Nordic Academic Press, 2011. – 336 p.
- Allen R. Enclosure and the Yeoman, Oxford: Clarendon Press, 1992. – 376 p.
- Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // The Economic History Review, New Series, 1999. Vol. 52. № 2. Pp. 209-235. DOI: 10.1111/1468-0289.00123
- Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven and London: Yale University Press, 1966. – 529 p.
- Mijatović B., Milanović B. The real urban wage in an agricultural economy without landless farmers: Serbia, 1862–1910 // Economic History Review. 2021. Vol. 74. Issue 2. P. 424-448. <https://doi.org/10.1111/ehr.12998>
- Overton Mark. Agricultural Revolution in England 1500—1850. Cambridge: Cambridge univ. press., 2002. – 564 p.
- Rozinskaya N., Arkhina A., Artamonov D. Impact of grain export on the Russian Empire's industrial development in the late nineteenth and early twentieth centuries. Scandinavian Economic History Review, 2024, 1-20. <https://doi.org/10.1080/03585522.2024.2373759>

Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. // Journal of Globalization Studies, 2010. Vol. 1. № 1. P. 6-28.

Информация об авторе

Розинская Наталия Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва Россия.

(E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru) (Scopus Author ID: 57197764383) (ResearcherID: M-9471-2013) (SPIN-код автора в eLibrary: 6902-0585) (ORCID: 0000-0002-6907-0440)

REFERENCES

- Allen R.* Enclosure and the Yeoman. Oxford: Clarendon Press, 1992. – 376 p.
- Allen R.* Tracking the Agricultural Revolution in England. The Economic History Review, New Series. 1999;52(2):209–235. DOI: 10.1111/1468-0289.00123
- The Agrarian History of Sweden, 4000 BC to AD 2000. Edited by Janken Myrdal and Mats Morell. Lund: Nordic Academic Press, 2011. – 339 p.
- Brutskus B.D.* To the criticism of teachings about economic systems. Sel'skoye khozyaystvo i lesovodstvo=Agriculture and forestry. 1909;9:8-86. (In Russ.)
- Bulgakov S.N.* Capitalism and agriculture. Volume 2. St. Petersburg, 1900. – 458 p. (In Russ.)
- Chayanov A.V.* Organization of peasant farming. Chayanov A.V., Selected works. M.: Mosc. Worker, 1989. – 366 p. (In Russ.)
- Chelintsev A.N.* Essays on agricultural economics. III. Agricultural regions of European Russia, as stages of agricultural evolution, and the cultural level of agriculture in them. St. Petersburg, 1910. – 135 p. (In Russ.)
- De Vries J.* Revolution of hard work; consumer behavior and household economics from 1650 to the present day. M.: Publishing house «Delo» RANKHIGS, 2016. – 462 p. (In Russ.)
- Gloveli G.Dzh.* N.P. Oganovsky: the pattern of agrarian evolution and the gaps of the formational approach. Voprosy politicheskoi ehkonomii=Problems in Political Economy. 2017;(2):38-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-2-131-148> (In Russ.)
- Kautskii K.* Agrarian question. Kharkiv, 1900. – 256 p. (In Russ.)
- Kondrat'ev N.D.* The grain market and its regulation during war and revolution. M.: Nauka, 1991. – 486 p. (In Russ.)
- Krokhalev F.S.* History of the study of agricultural systems in Russia: abstract of thesis. ... Doctor of Economic Sciences; [Place of protection: Moscow Order of Lenin Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev]. - Moscow, 1958. – 40 p. (In Russ.)
- Krokhalev F.S.* About farming systems. M., 1960. – 432 p. (In Russ.)
- Kuznets S.* Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven and London: Yale University Press, 1966. – 529 p.
- Mantu P.J.* Industrial revolution of the 18th century in England: (research experience). P.J. Mantu. Erase. ed. 1937. M.: Direct-Media, 2014. – 440 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Debates on the Polish question in Frankfurt. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 5. М.: State Publishing House of Political Literature, 1956. – 643 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 23. М.: State Publishing House of Political Literature, 1960. – 907 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Engels to Marx, May 23, 1851. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 27. М.: State Publishing House of Political Literature, 1962. – 695 p. (In Russ.)

Mijatović B., Milanović B. The real urban wage in an agricultural economy without landless farmers: Serbia, 1862–1910. *Economic History Review*. 2021;74(2):424-448. <https://doi.org/10.1111/ehr.12998>

Oganovskii N.P. The pattern of agricultural evolution. Part 1. Theories of capitalist development. General course and phases of agrarian evolution. Saratov.1909. – 308 p. (In Russ.)

Overton Mark. Agricultural Revolution in England 1500-1850. Mark Overton. Cambridge, 2002. – 564 p.

Rozinskaya N.A. Origins of the modern economic system: England or Holland. *Journal of Institutional Studies*. 2015;7(3):50-63. Doi: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.050-063 (In Russ.)

Rozinskaya N.A. Origins of modern economic growth: Europe or Asia. *Ehkonomicheskaya istoriya=Economic history*. 2016;(2):48-55. (In Russ.)

Rozinskaya N., Arkhina A., Artamonov D. Impact of grain export on the Russian Empire's industrial development in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Scandinavian Economic History Review*, 2024, 1-20. <https://doi.org/10.1080/03585522.2024.2373759>

Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (from Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. *Journal of Globalization Studies*. 2010;1(1):6-28.

Information about the author

Natalia A. Rozinskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of History of National Economy and Economic Thought, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru) (Scopus Author ID: 57197764383) (ResearcherID: M-9471-2013) (SPIN-код автора в elibrary: 6902-0585) (ORCID: 0000-0002-6907-0440)

Статья поступила в редакцию: 14.04.2024; одобрена после рецензирования: 04.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.3

DOI: 10.5281/zenodo.13895733 <https://zenodo.org/record/13895733>

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ПОСКАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ: О ПЕРСПЕКТИВАХ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вархотов Тарас Александрович¹

Кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия, (varkhotov@gmail.com), (ORCID: 0000-0003-3363-7596)

Благодарности: автор выражает глубокую признательность светлой памяти А.В. Бузгалину, без участия которого этот текст никогда не был бы написан.

В связи с исследованием г. Сатка, некоторые результаты которого опубликованы в настоящей статье, автор выражает признательность группе компаний «Магнезит» и лично Президенту Группы «Магнезит» С.П. Коростелеву и члену Совета директоров ООО Группа «Магнезит» С.Н. Сырескину, администрации Саткинского района, «Фонду содействия развитию Саткинского района» за материально-техническую и организационную поддержку на всех этапах экспедиции, а также Депутату Собрания депутатов Саткинского муниципального района А.М. Гилязову и директору «Фонда содействия развитию Саткинского района» М.А. Додиной, за каждодневное содействие и помощь в ходе изучения города и общения с местными жителями. Также автор благодарит участников исследовательской группы – студентов магистерской программы «Моделирование социокультурных процессов» философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Арефьеву А.М., Гаврилову Ю.А., Круглова Г.Н., Михайлова И.С., Мулялкину М.А., Тужика М.Н. и студентку бакалавриата направления «Религиоведение» Д.В. Остапенко, работа которых легла в основу публикуемых в разделе 2 результатов.

Ключевые слова: *посткапитализм, политэкономические дискурсы, урбанизация, территориальное развитие, агломерация, корпорация*

Для цитирования: Вархотов Т.А. Территориальное развитие в поскопикалистическую эпоху: о перспективах урбанистической культуры // Вопросы политической экономики. 2024. № 3(39). С. 183-203.

TERRITORIAL DEVELOPMENT IN THE POST-CAPITALIST EPOCH: THE PROSPECTS OF URBANISTIC CULTURE

Taras A. Varkhotov

PhD, associate professor, acting Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (varkhotov@gmail.com), (ORCID: 0000-0003-3363-7596)

¹ © Вархотов Т.А., 2024.

Keywords: *post-capitalism, political economic discourses, urbanization, territorial development, agglomeration, corporation*

Acknowledgments: the author expresses deep gratitude to the blessed memory of A.V. Buzgalin, without whose participation this text would never have been written.

For the study of Satka town, which results are partly published in this article, the author expresses gratitude to the Magnezit Group and personally to its President S.P. Korostelev and member of the Board of Directors S.N. Syreskin, the administration of the Satka district, the «Foundation for Assistance to the Development of the Satka District» for material, technical and organizational support at all stages of the expedition, as well as the deputy of the Satka Municipal District A.M. Gilyazov and the director of the «Foundation for Assistance to the Development of the Satka District» M.A. Dodina, for their daily care and assistance in studying the town and communicating with local residents. The author also thanks the participants of the research group – students of the master’s program «Modeling of Sociocultural Processes» of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University A.M. Arefieva, Yu.A. Gavrilova, G.N. Kruglov, I.S. Mikhailov, M.A. Mulyalkina, M.N. Tuzhik and undergraduate student of the direction «Religious Studies» D.V. Ostapenko, whose work formed the basis for the results published in section 2.

For citation: Varkhotov T.A. Territorial development in the post-capitalist epoch: the prospects of urbanistic culture. *Problems in Political Economy*. 2024;3(39):183-203.

JEL codes: A13, E71, R00, R23

Введение: (пост)-капитализм и урбанизация

Вероятно, у каждого исторического времени есть свои навязчивые идеи, идолы и страхи, в непреходящем значении и всеобщности которых общество соответствующего времени разделяет наивную и безусловную уверенность. Среди важнейших предметов такого рода коллективной одержимости современного общества отчетливо выделяют три, о которых пойдет речь далее в этой статье: информация, связанные с ней – изрядно мифологизированные – технологии, мегаполисы и будущее.

Вера в прогресс и связанная с ней интуиция направленной динамики («развития») универсума в целом и его подсистем, восходящая к догматике авраамических религий, но получившая свою зрелую, привычную нам форму в культуре Нового времени, стала одной из самых прочных эпистемологических границ между «старой» (античной и средневековой) и «новой», сформировавшейся к эпохе Просвещения культурой, всегда жаждущей обновления, развития, новых достижений и преодоления наличного состояния, рассматриваемого в первую очередь как (всегда) временное ограничение. Не удивительно, что для такой культуры даже основой консерватизма становятся направленные изменения («сохранять и одновременно реформировать» (Бёрк, 1992, с. 258)),² а гипотетические пределы роста вызывают

² Еще немного из знаменитой работы Э. Бёрка: «Государство, лишенное средств к введению определенных изменений, не имеет и средств для самосохранения. Без таких средств ему грозит даже потеря той части конституции, каковую оно стремится благоговейно сохранить. Два этих принципа: сохранения и исправления – мощно действовали в продолжение двух критических периодов – Реставрации и Революции...» (Бёрк, 1992, 85). Весьма показательной является специфика консервативной политической философии Бёрка: сохранение устоев есть естественный ресурс для развития, поскольку консервативная установка позволяет понимать характер собственных ожиданий относительно будущего и не строить его без всякой основы на абстрактной и бессодержательной воли к обновлению как таковому – *прошлое есть мера* (образно-ценностная основа и набор критериев для модели) будущего.

не удовлетворение и умиротворенное «все-таки добрались!», а страх и беспокойное «и как же мы будем расти дальше?»³.

Рост не может прекращаться. Мы живем в *расширяющейся* вселенной, являемся частью *эволюционного* процесса и боремся за *устойчивое развитие*, – глубоко парадоксальная формулировка, подразумевающая такой тип стабильности, в котором стабильной (монотонной) становится сама нестабильность (изменение).

Восприятие мира как развивающегося предполагает процессуальную онтологию и опредмечивание будущего, поскольку постановка вопроса о характере изменений неизбежно отсылает именно туда: будущее оказывается критерием для наших усилий и исследуемых процессов, а темпоральная нестабильность действительности заставляет в равной мере надеяться на будущее и беспокоиться о нем. В обоих случаях будущее обзаводится некоторой содержательной онтологией – несмотря на то, что оно по определению *отсутствует* в настоящем, оно в некотором смысле *есть* или как минимум *должно быть*. Эта интуиция реализована в одержимости современной культуры прогнозами и футурологией в самом широком смысле этих терминов. При этом беспокойство о будущем принимает такие дискурсивные формы, которые предполагают его действительность и объективность, вплоть до реификации: от «будущее наступило... От будущего уже не скрыть-ся» (Урри, 2018, с. 9) до «Куда делось будущее?» (Срничек, Уильямс, 2019, с. 9).

Дискуссии о посткапитализме, активно идущие с 2010-х гг., в значительной степени инспирированы именно этим последним вопросом, в приведенной выше цитате позаимствованным из программной работы о предпочтительной конструктивной (в терминологии авторов – «изобретенной») модели будущего.

Посткапитализм, как это отмечают многие исследователи, «не относится к числу четко определенных терминов. Эта неопределенность не в последнюю очередь обусловлена расхождениями в понимании капитализма, на смену которому, как явствует уже из названия, приходит посткапитализм» (Алексеева, Алексеев, 2014, с. 15). Беспокойство о будущем в связи, с одной стороны, с хорошо заметными быстро идущими изменениями сложившейся на основе промышленного капитализма миросистемы, а с другой стороны, – с дискредитацией исторически известных альтернатив капитализму, обусловило относительную популярность дискурса о посткапитализме: «...Преимущество термина «посткапитализм» заключается в его нейтральности. Он избегает не только чрезмерно негативных, но и чрезмерно позитивных коннотаций терминов «социализм» и «коммунизм». В сущности, он как бы символизирует ситуацию неопределенности будущего» (Давыдов, 2020, с. 11).

Общим местом при этом является признание качественной новизны современного этапа социально-экономического развития, связанного с информационными технологиями и превращением информации в новый, – а по мнению таких теоретиков, как П. Друкер, даже ключевой, отодвигающий традиционную триаду «земля, труд, капитал» на второй план, – фактор производства. Как указывает один

³ Поставившие эту проблему в 1972 г. авторы знаменитого первого доклада Римского клуба, справедливости ради, как раз противопоставляли предпочтительную, по их мнению, модель «глобального равновесия» исследуемой ими фактически реализующейся глобальной политике роста. Однако контекст противопоставления предполагал *конструктивный* характер модели равновесия, для реализации которой требовались целенаправленные и идущие вразрез с господствующими политико-экономическими тенденциями усилия, в противоположность *естественному* инерционному – пусть безрассудному и неблагоприятному – сценарию роста (Медоуз и др., 1991).

из наиболее ярких и последовательных теоретиков посткапитализма П. Мейсон: «Информационные технологии подрывают нормальное функционирование ценового механизма» и «делают возможной нерыночную экономику и приводят к появлению людей, готовых преследовать свои эгоистические интересы при помощи нерыночных действий» (Мейсон, 2016, с. 176).

Хотя понятие «посткапитализма» принадлежит «левому» политико-экономическому дискурсу, все, не исключая и оппонентов «левых» из числа сторонников неоклассической экономической теории, (нео)либерализма и «традиционного» капитализма (см. обзоры в (Давыдов, 2020); (Мейсон, 2016); (Срничек, Уильямс, 2019)), согласны в том, что информация как фактор производства и как предмет потребления кардинально отличается от объектов традиционной рыночной экономики – она не исчерпывается при потреблении, копируется и доставляется потребителю со стремящимися к нулю предельными издержками, а также плохо поддается администрированию в режиме частной собственности, поскольку фактически (в том числе вопреки возможным юридическим запретам) легко передается неопределенному кругу лиц без утраты владения предшествующим собственником. У информации есть масса признаков неэкономического блага наряду с ключевой ролью в современной системе производства, потребления и социально-политического управления. Добавим к этому специфику творческой деятельности как процесса производства информации, которая не предполагает отчуждения, стирает границы между трудом и досугом и создает неограниченное с точки зрения объемов потребления, т.е. неэкономическое, а социальное благо, – и будет достаточно оснований подозревать основанную на информации экономику в своего рода естественном стремлении к преодолению основных институтов капитализма (частной собственности, социального неравенства, рынка труда и эксплуатации).

«Главным фактором прогресса экономики все больше становится творческий по содержанию труд, – подчеркивал А.В. Бузгалин, отмечая, что творчество есть «родовая сущность» человека, т.е. что обсуждаемый переход носит закономерный естественно-исторический характер. – Прогресс креативной деятельности создает возможность формирования производственных отношений, лежащих «по ту сторону» товарного производства и капитала, а именно – в сфере, где господствуют свободный труд и собственность каждого на все» (Бузгалин, 2017, с. 45). Растущая роль творческой деятельности (креатосфера, если использовать термин самого А.В. Бузгалина) и информации способствуют расширению «пространства общественной собственности», что в конечном счете ведет к «ограничению и подрыву отношений как рынка, так и капитала и продвижению к возникновению пострыночных и посткапиталистических отношений» (Бузгалин, Барашкова, 2023, с. 743). В то же время, цитируемые авторы признают, что пока остается открытым вопрос, «надо ли стратегически содействовать их экстенсивному и интенсивному развитию, ибо это путь прогресса, или же, наоборот, их пространство надо сокращать с целью обеспечения эффективного роста» (Бузгалин, Барашкова, 2023, с. 744).

П. Мейсон видит ситуацию проще и радикальнее, указывая на растущее противоречие между объективными экономическими изменениями и сопротивляющимся им институциональным социально-политическим порядком: «С технологической точки зрения мы движемся к товарам с нулевой стоимостью, к работе, которую невозможно измерить, к быстрому увеличению производительности и

к масштабной автоматизации физических процессов. С точки зрения социальной мы застряли в мире монополий и неэффективности, посреди развалин свободного рынка, где господствовали финансы, и все шире распространяющейся «бесполезной работы» (Мейсон, 2016, с. 207). Однако Мейсон тоже не решается предсказать исход этого конфликта, признавая потенциал обновленного «когнитивного капитализма» в борьбе с симпатичной ему одноранговой сетевой экономикой (Мейсон, 2016, с. 206-208). А коллеги Мейсона по обновлению «левой идеи» переводят вопрос в чисто политическую плоскость, лаконично формулируя цель дискуссии о посткапитализме: «Неолиберализм провалился, социал-демократия невозможна, и только альтернативное видение может привести нас к всеобщему процветанию и освобождению» (Срничек, Уильямс, 2019, с. 12).

Вне зависимости от того, насколько убедительным является посткапиталистический дискурс, едва ли можно усомниться в том, что урбанизация и доминирующие подходы к ее осмыслению теснейшим образом связаны с «традиционным» капитализмом. Город в его современном понимании – компактный, противопоставленный «сельской местности» и сельскохозяйственному производству, связанный с концентрацией трудовых ресурсов, потребления и инфраструктуры – является историческим детищем и социальным сердцем промышленного капитализма; последний выступает в качестве подразумеваемого, «естественного» условия в классических подходах к моделированию города (в работах чикагской школы, кибернетическом подходе Дж. Форрестера и др. (Трубина, 2011, с. 41-82)) и во многом сохраняет такое положение в подходах современных (Polèse, 2020); (Тамбовцев, Шерешева, 2018).

Авторы проводимого под эгидой ООН периодического «Всемирного исследования городов» ведут статический отсчет современной урбанизации с 1950 г., отмечая, что «глобальное городское население удвоилось с 25% в 1950 г. до около 50% в 2020 г. прогнозируется его дальнейший медленный рост до 58% в течении следующих 50 лет» (WCR, 2022, р. 32)⁴. Приблизительно с этого же времени (с 1945 г.) отсчитывается и история последней завершившейся «длинной волны» – экономического цикла Друкера-Шумпетера, в котором П. Мейсон видит подготовительный этап для формирования посткапиталистической экономики (Мейсон, 2016, с. 169-170). Учитывая тесную связь современного города с капитализмом, не является ли соответствующий период урбанизации прологом к радикальным изменениям в развитии городов и урбанистической культуры?

⁴ Авторы исследования определяют город (city) как населенный пункт с числом жителей от 50 тыс. чел. и плотностью населения от 1,5 тыс. чел./ кв. км; в диапазоне от 5 до 49,9 тыс. при плотности населения не менее 300 чел./ кв. км за пределами городов находятся малые города (towns) и полужаселенные районы (semi-dense areas); наконец, населенные пункты (grid cells) с числом жителей менее 5 тыс. при плотности населения менее 300 чел./кв. км либо более высокой плотности, но не являющиеся частью города или малого города, определяются как «сельская местность» (rural area). Заслуживает внимания, что в этой классификации различные формы социальной жизни (города, малый города и сельская местность) определены фактически исключительно через уровень концентрации и плотность населения – по сути речь идет о непрерывном социальном пространстве (areas), неравномерности в плотности которого служат основанием для выделения скоплений различного типа; при этом наличие границ вроде бы подразумевается используемой терминологией («ячейки», «за пределами» и т.д.), однако явным образом в определении не используются, что и обеспечивает отмеченную непрерывность социального (урбанистического) пространства.

Между мегаполисом и деревней: в поисках третьего пути территориального развития

Вплоть до 2020 г. вера в мегаполисы (супер-гига- и т.д. полисы) как естественный, безальтернативный и счастливый путь неотвратимой урбанизации оставалась практически безграничной, постепенно лишь набирая силу. Достаточно вспомнить манифест известных европейских футурологов «Urban Express: 15 правил нового мира, в котором главная роль у городов и женщин», авторы которого утверждали, что «жизнь концентрируется в городах» и «власть переходит от стран к городам» (Нордстрем, Шлингман, 2019, с. 267). «...Огромные агломерации ведут себя, как эти космические объекты: чем больше они становятся, тем с большей силой затягивают в себя и деньги, и людей, – пояснял российский политолог. – Потоки миграции движутся в крупнейшие глобальные города по вполне объяснимым причинам: больше рабочих мест, выше зарплата, лучше здравоохранение и образование»⁵. Растущие города создают условия для «турбокапитализма», повышая скорость всех процессов за счет увеличения компактности и плотности социальных сетей (Luttwak, 1999). Мегаполис является оптимальной пространственной формой эффективной социальной системы – как с политической, так и с экономической точки зрения, которые, впрочем, в неолиберализме не различаются, – поэтому ему нет и не может быть альтернативы.

После (а, вернее, во время) пандемии 2020 г. всеобщая вера в мегаполисы несколько пошатнулась (Поляков, Вархотов, 2021, с. 45), однако не надолго: «По нашим подсчетам, из Москвы на время самоизоляции уехали 2 млн горожан, но все они вернулись», – отмечал осенью 2020 г. М. Задорин, подчеркивая, что различные дезурбанизационные тренды существовали всегда, равно как и противоположное стремление людей перебраться в крупные города, и что пандемия никак на эту ситуацию по большому счету не повлияла⁶.

«Города никуда не денутся, и будущее человечества, несомненно, за городом: опыт первых дней пандемии COVID-19, когда некоторые жители покинули крупные города, был временной реакцией, которая фундаментально не изменит ход глобальной урбанизации, – так звучит первый вывод авторов «Всемирного исследования городов». – Мы являемся свидетелями того, как мир будет продолжать урбанизоваться в течение следующих трех десятилетий — с 56% в 2021 г. до 68% в 2050 г. Это приведет к увеличению численности городских жителей на 2,2 миллиарда, проживающих в основном в Африке и Азии. Ожидается, что все регионы мира станут более урбанизированными, хотя в высокоурбанизированных и более развитых регионах ожидается стабилизация или снижение темпов роста городов. Это однозначно говорит нам, что города останутся, и что человечество ожидает урбанистическое будущее, но не исключительно в крупнейших городских агломерациях [large metropolitan areas]» (WCR, 2022, p. XV).

Приведенная пространная цитата из политического, по сути своей, документа заслуживает пристального внимания – как в части тезиса, так и в части используемой терминологии и риторических характеристик. Основной тезис – о неотвратимости

⁵ Корзун А. Политолог Михаил Магид: «Города затягивают людей, как черные дыры». Аргументы и факты. 2018. №3. С. 18.

⁶ Почему люди живут в мегаполисах, даже если не хотят. Интерфакс-Недвижимость, 21.09.2020. URL: <https://www.interfax-russia.ru/realty/analytics/pochemu-lyudi-zhivut-v-megapolisah-dazhe-esli-ne-hotyat?yclid=lx7dno0j6z318211503> (дата обращения: 03.08.2024).

тимости урбанизации – сохранился, но смягчен и размыт: крупные города (cities) никуда не денутся, но это не единственная перспективная форма, и вообще «урбанизированное будущее» не обязательно будет сосредоточено в крупных и плотных централизованных агломерациях⁷. Авторы избегают термина «мегаполис» (значение которого коррелирует с используемым ими *metropolitan area* (Hutchison, 2010, p. 504-505)), предпочитая риторику условно-непрерывных «урбанизированных территорий» с переменной плотностью населения вместо точечных городских центров.

Эта смена риторики (и не только риторики) особенно красноречива на фоне ключевых тезисов предыдущего Всемирного исследования городов (WCR, 2020), главным героем которых были крупные города (cities): «города сохраняют центральную роль в проблематике устойчивого развития»; «важность городов закреплена в глобальной политике развития» (WCR, 2020, p. XV-XVI).

Наметившийся поворот в трактовке урбанизации и связанных с ней ожиданий – моделей потребного будущего – начал формироваться еще в 2010-х и был связан с попыткой понять, почему при всех рациональных преимуществах крупных городов, люди, хотя и едут в них, не очень хотят в них *жить* (Вархотов, 2021).

Авторы Всемирного исследования счастья, которое проводится под эгидой ООН с 2012 г., в докладе 2020 г. зафиксировали закономерность, названную ими «урбанистическим парадоксом» (График 1): в странах с наиболее высокими душевыми доходами жители малых городов и сельской местности ощущают себя «более счастливыми», чем обитатели крупных городов; в странах, не достигших высокого уровня благосостояния, все обстоит наоборот (WHR, 2020, p. 67); (Вархотов, 2021, с. 64-65).

При всей методологической неоднозначности исследований «уровня счастья», они вполне недвусмысленно подтверждают обоснованность сомнений в том, что крупные города являются «естественным» вектором развития урбанизации (Поляков, Вархотов, 2021, с. 113-117). При сопоставимых инфраструктурной обеспеченности территории и уровне доходов частный дом и малонаселенный район оказываются более предпочтительными, чем жилье в многоквартирном доме в густонаселенном городе (Вархотов, 2021, с. 65-66).

Параллельно с социально-психологической, подчеркивающей дивергенцию экзистенциально-экологических интересов человека и административно-экономического функционализма большого города⁸ критикой мегаполисной модели урбанизации, растут сомнения и в самоценности города и отмеченных выше перспек-

⁷ За отсутствием в русском языке аналога термина *metropolitan area*, мы описательно переводим его с использованием близкого по значению, но все же предполагающего иные смысловые акценты термина «агломерация». В оригинале *metropolitan area* акцентирует административно-демографическую характеристику территории, а не ее пространственную организацию, что существенно для понятия агломерации. Например, Комитет по рассмотрению стандартов мегаполиса Административно-бюджетного управления президентской администрации США определяет *metropolitan area* как «крупное популяционное ядро и примыкающие сообщества, имеющие высокую степень интеграции с этим ядром»; по состоянию на 2007 г. 85% населения США числилось проживающим в различных *metropolitan areas* (Hutchison, 2010, p. 505), что означает, что это понятие несколько шире, чем урбанизированные территории или городские агломерации, и может включать сельские районы.

⁸ Об антропологическом измерении городского пространства и различных предметных срезах пространственного развития с точки зрения построения оптимальной среды обитания человека см. третью главу в (Поляков, Вархотов, 2021, с. 105-163).

тивах замещения городами всех прочих форм социально-политических систем. Например, Й. Терборн указывает на ренессанс национальных государств, успешно сопротивляющихся сетевому глобальному капитализму и не намеренных уступать политическую власть мегаполисам: «Новая холодная война между США с НАТО, с одной стороны, и Россией – с другой, рост национальной напористости Китая и реакции на нее – все это говорит о мире геополитики национальных государств, а не о безгосударственной мировой экономике потоков капитала и бизнес-услуг» (Терборн, 2020, с. 463).

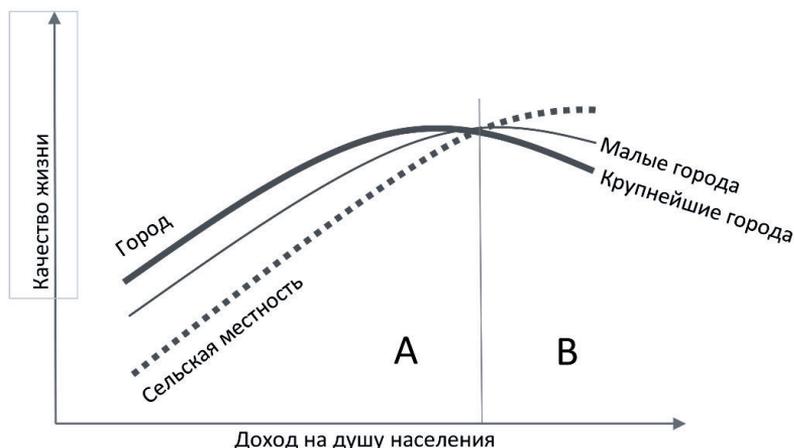

График 1. «Урбанистический парадокс»: соотношение динамики субъективной оценки качества жизни и уровня доходов

Источник: World Happiness Report 2020; адаптировано в (Вархотов, 2021).

Профессор Национального научно-исследовательский института университета Квебека М. Полезе и вовсе ставит под сомнение веру в города как главное условие прогресса социальных систем – по собственным словам, он «бросает вызов распространенному утверждению (самым ярким сторонником которого является Джейн Джейкобс) о том, что города являются основными движущими силами богатства наций. Эта книга переворачивает утверждение с ног на голову. Нации стоят на первом месте как хранители ценностей и институтов, которые делают возможным экономическое развитие», при этом «термин «нация» используется широко: население с определенной территорией, общей историей и отдельными институтами» (Polèse, 2020, p. 2). Успех или провал является результатом деятельности нации, понимаемой в указанном выше смысле, а не городов, последние – исторически изменчивая среда обитания, а не главная фокусная точка прогрессивной истории человечества; города приходят и уходят вместе с нациями, строящими или покидающими их. «В конце концов, восхваление экономических достоинств агломерации (городов в целом) не очень помогает в понимании создания богатства; оно не более полезно, чем взгляды первых физиократов на достоинства земли. Вопрос не в том, создает ли агломерация богатство (она может это сделать), а в том, чтобы гарантировать, что она это сделает; и это еще один способ сказать, что со-

здание богатства в городах – это больше, чем просто часть истории города» (Polèse, 2020, p. 74).

Последовательный отказ от культа города позволяет Полезе по-другому взглянуть на роль и перспективы малых городов, судьба которых в контексте программы урбанизации в логике глобальных сетей и потоков капитала выглядела печальной и предрешенной. Даже такой симпатизирующий малым городам и враждебный неолиберализму исследователь, как П. Коллиер, по большому счету не видел иного способа их спасения, чем фискальная политика и государственное перераспределение доходов (за счет агломерационного дохода на «ренту» экономических бенефициаров мегаполисов), обосновывая эти меры моральными (социальной справедливостью), а не экономическими соображениями (Коллиер, 2021, с. 215-261). В отличие от него, Полезе считает существование малых городов в современном мире полностью экономически оправданным и необходимым (Polèse, 2020, p. 73). С ним соглашается и Всемирное исследование городов, отмечая критическую значимость малых и средних городов в развитии стран с низким подушевым доходом (WCR, 2022, p. XX) и управление плотностью населения городов в качестве ключа к реализации «оптимистического сценария» глобальной урбанизации в целом: «Города, следовательно, должны стремиться к достаточной плотности населения с адекватным набором видов деятельности, обеспечивая при этом важные общественные удобства, такие как парки, скверы, спортивные площадки и культурные объекты, а также хорошую транспортную инфраструктуру, чтобы обеспечить сообщение на городском и региональном уровне» (Там же, p. 66). Отметим, что последний тезис характеризует универсальные требования к городу, но скорее вызывает ассоциации с компактным городом «старого» типа, нежели с «вертикальным» мегаполисом из стекла и бетона, где плотность населения может достигать 15 тыс. чел. / кв. км и более (Там же, p. 61-68).

Развиваемый Полезе подход, который сам автор предпочитает удерживать в предметном поле экономики (книга называется «Богатство и бедность городов»), поднимая вопрос о роли «нации» в динамике развития агломераций, широко распахивает двери для потерянных экономическим функционализмом факторов воспроизводства урбанистической культуры. Помимо актуальных экономических задач, населенные пункты различного размера имеют иные, в том числе гораздо более архаичные измерения, поскольку речь идет о самом способе жизни человека и неразрывно связанных с ним социальных систем. К таким архаичным, фундаментальным пластам урбанистической культуры обращается Ч. Вольф, противопоставляющий рациональные, нормативные усилия планомерного развития городской среды «урбанизму без усилий», примеры которого он черпает в городах с долгой успешной историей: «Урбанизм без усилий – это то, что естественным образом происходит, когда люди собираются в городах, на основе естественного взаимодействия горожан друг с другом, а также с окружающей городской и природной средой. Такие естественные взаимодействия часто являются продуктом культурных традиций и органического городского развития, независимого от вмешательства, политики или плана правительства» (Wolfe, 2019, p. 12). Естественность и отсутствие вмешательства в данном случае призваны выразить идею несводимости города как жизненного пространства человека к функциональности и необходимости присутствия в ней чего-то, обычно передаваемого такими словами, как настрое-

ние, атмосфера или душа⁹. Как изящно подытоживает Р. Китчен, «города следует понимать как изменчивые, открытые, сложные, многоуровневые, пронизанные внутренними взаимосвязями реляционные системы, наполненные культурой, политикой, конкурирующими интересами и неприятными проблемами»¹⁰.

Обращение к специфике территориального развития Российской Федерации добавляет сомнений в естественности и желательности мегаполисного сценария. Россия является страной с крупнейшей в мире территорией и одним из самых низких показателей плотности населения, стабильно демонстрирующего естественную убыль на фоне снижающихся с 2015 г. показателей рождаемости. В сочетании со сложными климатическими условиями и незавершенной урбанизацией, форсированно проводившейся в советское время в рамках иной модели экономического и территориального развития (Поляков, Вархотов, 2021, с. 62-69), эти факторы обеспечили колоссальную неравномерность распределения населения (напр., примерно 75% территории страны имеет столько же жителей, сколько г. Москва (Там же, с. 265)) и депрессивный характер значительной части малых и средних городов.

График 2. Население Российской Федерации (по данным переписей 1959–2021 гг.)

Источник: Росстат. Данные Всероссийской переписи населения 2020 г. <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2024).

Как видно на Графике 2, население в России перестало расти с 1989 г.; поддержание его относительно стабильной численности обеспечивается за счет мигрантов и присоединенных территорий. При этом в 16-ти российских городах-миллиониках сосредоточено 24% населения, в относительно крупных городах (с населением более 100 тыс. чел., но менее 1 млн. чел.) – еще 28% (График 3). Примерно половина населения страны живет в небольших городах (23%) и сельской местности (25%), при этом около трети официально зарегистрированных сельских населенных пунктов (48252 из 153157) покинуты (24751) либо практически не имеют населения (в

⁹ Для скептиков, считающих такого рода понятия нерелевантными научному, в том числе экономическому, дискурсу, см. напр.: (Ореховский, 2013).

¹⁰ Kitchen R. Urban Science: A Short Primer. Published as an open access pre-print on SocArXiv. 1 February 2017, p. 9. <https://osf.io/preprints/socarxiv/sdsu2> (дата обращения: 03.08.2024). <https://doi.org/10.31235/osf.io/sdsu2>

23501 проживает менее 6 чел.) (данные Росстата). И хотя исчезновение населенных пунктов является таким же естественным процессом, как и появление новых, все же утрата населения почти третью деревень и устойчивая тенденция оттока жителей из примерно 70% российских городов (Поляков, Вархотов, 2021, с. 68) явно говорят о тенденции к сокращению не только урбанизированной, но и обжитой территории.

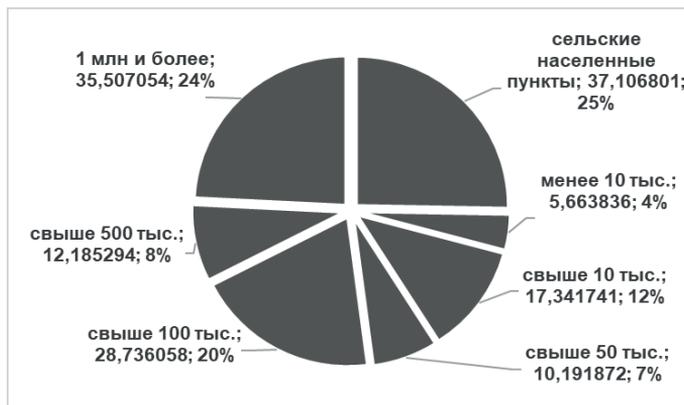

График 3. Распределение населения России по типам населенных пунктов (для городов и поселков городского типа указана нижняя демографическая граница группы)

Источник: Росстат. Данные Всероссийской переписи населения 2020 г. <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2024).

На фоне снижения доверия к исторически тесно связанной с поздней фазой промышленного капитализма ориентированной на мегаполисы модели урбанизации, растет интерес к агломерационным моделям территориального развития, акцентирующим преимущества малого города и «горизонтальной» урбанизации за счет повышения инфраструктурной связности, в противоположность «вертикальной» урбанизации, делающей ставку на пространственную компактность. При очевидно более высокой инвестиционной емкости и амортизационных издержках, распределенные агломерации позволяют обеспечивать более высокий уровень психологического комфорта жизни и освоения территорий, формируя количественно сопоставимые с мегаполисными социальные сообщества за счет повышения эффективности транспортной и информационной инфраструктуры (Вархотов, Поляков, 2021, с. 60-104); (Тамбовцев, Шерешева, 2018).

Как отмечают авторы концепции территориального развития России на основе сетевого взаимодействия малых городов, «история страны показывает, что основание новых городов и последующее формирование вокруг них сети более мелких поселений неоднократно служили достижению поставленных стратегических целей освоения слабозаселенных пространств, вызывая к жизни ускоренное развитие прежде малонаселенных и экономически неразвитых территорий» (Тамбовцев, Шерешева, 2018, с. 306). Ключевым элементом описываемой сетевой агломерации является малый город, поэтому от того, насколько жизнеспособными окажутся малые города в социальном и географическом пространстве в значительной степени зависят перспективы пространственного развития России.

К возрождению малого города – случай г. Сатки

В своем докладе на XLV Губернаторских чтениях в Тюменской области И.В. Задорин дал довольно полный перечень доступных решений для развития российских малых городов: развитие (восстановление, перепрофилирование и т.д.) производств; «переход к постиндустриальной парадигме» развития через развитие сферы услуг (туризм и т.п.); «применение новых финансовых технологий и подходов к бюджетированию и ресурсному обеспечению проектов для привлечения инвестиций»; «применение новых социальных технологий с опорой на внутреннее производство и потребление, а также развитие человеческого капитала» (т.е. формирование ориентированной на автаркию корпорации); создание городов нового типа (в качестве примеров приведены современные наукограды – инновационный центр Бирюч, Иннополис и т.п.) (Малые города..., 2023, с. 14-15). И хотя сам И.В. Задорин счел г. Сатку примером успешной реализации первого, промышленного сценария (Малые города..., 2023, с. 18-19), есть все основания рассматривать этот город как пример последовательной работы со всеми (кроме, возможно, последнего, поскольку он предназначен для вновь создаваемых, ранее не существовавших городов) ресурсами развития, доступными малым городам.

Город Сатка с населением 42 тыс. чел. расположен в Челябинской области на значительном удалении от крупных городских центров (154 км от Челябинска, 196 км от Уфы) в горной местности, что затрудняет развитие транспортной и иной инфраструктуры. Это создает существенные препятствия для реализации ориентированной на равнинную местность агломерационной модели (в том числе синурбической модели, предложенной для развития малых городов в (Поляков, Вархотов, 2021)). Как и подавляющее большинство малых городов, Сатка испытывает демографические проблемы, связанные с оттоком населения¹¹; при этом в городе присутствует качественная и перспективная промышленная база, основу которой составляет группа «Магnezит», высокий уровень инфраструктурной обеспеченности и активная позиция администрации, местной элиты и горожан, заинтересованных в сохранении и развитии городской агломерации Саткинского района (Шуб, 2021).

С 24 по 30 марта 2024 г. группа студентов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках производственной практики под руководством Т.А. Вархотова провела социально-антропологическое исследование урбанистической культуры г. Сатки с целью профилирования городского пространства и выработки рекомендаций для программы развития городской среды.

Непосредственной целью короткого полевого этапа было знакомство с пространством и жителями города, а также сбор сведений о «душе города» (Ореховский, 2013) – актуальный городской фольклор, представление о будущем (страхи и позитивные ожидания) и культурно-историческая память в привязке к топографии города и Саткинского района в целом¹². При этом в структуре городского простран-

¹¹ Распоряжением правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 года № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов» Саткинское городское поселение включено в категорию «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения».

¹² Использовался широкий круг методов: от визуального наблюдения до фокус-групповых дискуссий, в частности, с представителями городской интеллигенции, учителями, студентами колледжа и получившими высшее образование в крупных городах «репатриантами», вернувшимися в Сатку жить и работать; кроме того, была проведена значительная работа по изучению актуальных городских медиа (группа в «ВКонтакте» «Подслушано г. Сатка», 48 тыс. зарегистрированных пользователей, оценивается жителями как основное медиа – ср.: (Шуб, 2021, с. 95); газеты «Саткинский рабочий», «Магnezитовец», «Метро»), в том числе проводились встречи с корреспондентами и редакторами городских СМИ.

ства выделялись повседневно-деловой, рекреационный и сакральный ландшафты, соответствующие трем линиям повседневной жизни – организации труда, досуга и отношения к сакральному (имеется в виду не только религиозная жизнь, но и все практики, в той или иной степени ориентированные на воспроизводство присутствия в жизненном мире того, что в нем непосредственно нет – напр., предметам культурно-исторической памяти, бытовых суеверий или повседневной футурологии).

Рабочая гипотеза исследования заключалась в том, что относительно небольшой агломерации для успешной конкуренции за население с крупными городскими центрами необходимо не только обеспечивать собственную экономическую эффективность, но и воспроизводить корпоративную идентичность – социокультурное единство, отличающее себя от «других» и дорожащее собственной целостностью. Такие механизмы опираются на культурно-историческую память и требуют, чтобы восприятие городского пространства обладало определенной позитивно окрашенной глубиной под утилитарно-функциональным представлением о городе как о совокупности инфраструктурных и экономических возможностей.

Разумеется, город не может жить без инфраструктуры и рабочих мест. Однако случай Сатки как раз показывает, что сами по себе эти факторы не являются решающими (это подтверждают и примеры некоторых крупных городов – напр., Омска (Ореховский, 2013)). Сатка обладает устойчивой промышленной базой (предприятия группы Магнезит, АО «Саткинский чугуноплавильный завод»), обеспечивающей более 5 тыс. рабочих мест. В Саткинском районе активно развивается уникальный туристический кластер, включающий сразу несколько типов объектов (эко, промышленный, культурно-исторический и др. туризм), включая Национальный парк Зюраткуль, развлекательный комплекс «Сонькина лагуна» и организацию сплавов по реке Ай в районе пос. Межевого – «случай Сатки демонстрирует, как при грамотном подходе, налаженной коммуникации между муниципальной и региональной властями, градообразующим предприятием и локальным сообществом моногород становится точкой притяжения туристов из разных регионов» (Бугрова, 2023, с. 57). Агломерация активно ищет административные и финансовые ресурсы для развития: для более эффективного управления развитием агломерации органам местного самоуправления удалось добиться преобразования Саткинского района в муниципальный округ г. Сатка. Город первым на Южном Урале стал частью пилотного проекта «Умный город» в рамках федеральной программы «Цифровая экономика»¹³. Городской ландшафт насыщен различными арт-объектами, спортивной и досуговой инфраструктурой (включая построенный в 2023 г. Ледовый дворец общей площадью 4 409 кв. м²); в городе регулярно проходят концерты ведущих российских музыкантов (таких как Ю. Башмет и И. Бутман), выставки живописи из коллекций ведущих музеев и т.п. Дворец культуры «Магнезит» – постоянно действующая площадка для организации гастролей, выставок и работы постоянно действующих местных творческих объединений – сам по себе является культурно-историческим памятником сталинской эпохи, поддерживается в идеальном состоянии и ничем не уступает сопоставимым объектам столичного региона.

¹³ В городе развернута информационная платформа «Умный город» как пилотный проект Ростелекома, сеть передачи данных LoRa Wan, реализованы системы общественного видеонаблюдения, заменено 100% городских уличных приборов освещения на энергоэффективные, установлены «умные» счетчики ЖКХ, создана система «умных» домофонов, интегрированных с системой 112, МЧС, управляющей компанией и доступом жителей к видеоархиву.

Как отмечали информанты из группы получившей образование в крупных городах молодежи, вернувшейся жить и работать в Сатку, а также приезжие специалисты, перебравшиеся в Сатку из Челябинска и Екатеринбурга, город предоставляет сопоставимые с миллионниками инфраструктурные возможности и уровень зарплаты при существенно большей фактической доступности – цена услуг ниже, а загруженность обеспечивающей их инфраструктуры заметно меньше, чем в крупных городах. Приведу показательную цитату из рассказа молодого IT-специалиста, предпочтешего вернуться в родной город из Челябинска после завершения обучения: «Я в Челябинске пытался в большей теннис поиграть на выходных – цены от тысячи в час начинаются, при этом все корты забронированы, свободных нет. Приехал домой в Сатку – поиграл в удобное мне время за 200 рублей в час. Сейчас живу в Сатке, общаюсь с бывшими челябинскими однокурсниками. Они спрашивают: как ты провел выходные? Я говорю – полетал на воздушном шаре, сплавился по реке. А куда, спрашивают, ты за этим ездил? Никуда – тут, дома все есть. И дешевле».

Разумеется, малый город не может на равных конкурировать с миллионником в части разнообразия и масштабов экономических рынков или инфраструктурного развития – особенно если речь идет о социальной инфраструктуре, критически зависимой от объема спроса: в малом городе невозможно содержать диверсифицированную конкурентоспособную систему здравоохранения или образования, это же касается досуговой инфраструктуры, особенно элитарной культуры (театры, выставочные пространства и т.п.) (Поляков, Вархотов, 2021, с. 87-89). Однако сравнительные слабости компенсируются сравнительными преимуществами: большая компактность («на работу пять минут пешком»), большая доступность инфраструктуры, ближе, доступнее и разнообразнее природные рекреационные локации и «загород» (у жителей Сатки большим спросом пользуются дачи и загородные дома), более сплоченное социальное сообщество («большая деревня», «все почти знакомы»). При этом хотя приезжие артисты и выставки доступны ограниченно, это, как отмечали многие информанты, как ни странно, повышает их фактическую доступность – «по месту прописки» звезды (люди и экспонаты) проводят очень немного времени и обычно недоступны по причине избытка желающих и, одновременно, рутинизации факта наличия звезд; в малом городе жители обладают достаточным уровнем заинтересованности и возможностями, чтобы событие не пропустить.

Несмотря на все перечисленное, вымирание и отъезд молодежи – главные страхи г. Сатки. Страх подпитывается не только и не столько объективными демографическими данными, сколько современным мифом о безусловных перспективных преимуществах большого города: практически все информанты согласились с тем, что формулу родительской позиции саткинцев (причем это подтвердили информанты всех возрастных групп) немного утрированно можно описать как: «Сатка – лучший город на свете. Уезжай, сынок (дочка), в большой город». Противоречивость приведенной позиции очевидна и прекрасно видна самим ее носителям; при этом практически никто из информантов не смог объяснить, что же такого безусловно привлекательного есть в больших городах, а молодые «репатрианты» охотно и уверенно перечисляли недостатки мегаполисов (дорого, шумно, недоступное жилье, перегруженная инфраструктура, высокая конкуренция в привлека-

тельных сегментах рынка труда – словом, иллюзия изобилия и доступности, оборачивающаяся максимизацией издержек и тяжелым стрессом для тех, кто воспринял иллюзию всерьез).

«Сатка – один из наиболее экономически успешных моногородов Челябинской области» – утверждает исследовавшая «культуру памяти» уральских городов М.Л. Шуб и отмечает, что «системное снижение численности населения города» в Сатке «существенно ниже в сравнении с Челябинском, Карабашом и другими городами области» (Шуб, 2021, с. 95). Население города сократилось почти на 20% с 1994 по 2014 гг., но далее темпы сокращения резко упали и последние 10 лет численность относительно стабильно держится около 42 тыс. чел. (по оценкам Росстата). При этом по данным цитированного выше исследования, большинство саткинцев воспринимают свой город как «город детства» (62,8%), но доминирующей временной перспективой восприятия города является будущее (57,1% – уникальный результат, значительно отличающийся от показателей других включенных в исследование городов) (Шуб, 2021, с.111-115); кроме того, саткинцы весьма активны в различных формах участия в городской жизни (Там же, с. 121).

Восприятие своего города как «города детства» и «города будущего» указывает на наличие связи с городом, памяти о нем, что подтверждается самыми высокими по уральскому региону показателями наличия «личных мест памяти» и воспроизводства памяти посредством внутрисемейных механизмов (Там же, с. 131-133), а также на устойчивость городского сообщества, связывающего собственное будущее с будущим агломерации. В ходе проведенного нами исследования выявился культурно-исторический ландшафт города, в котором два из трех районов ассоциированы, соответственно, с дореволюционной, восходящей к ранним этапам индустриализации России («Старый город» и основанный Строгановыми в 1756 год чугуноплавильный завод) историей и советской эпохой («Поселок Магnezит» или просто «Поселок», связанный с предприятиями «Группы Магnezит»). Множество мест в Сатке (Пьяная гора) и окрестностях города ассоциированы с Емельяном Пугачевым, который относится к числу мифологических «героев места». В городе помнят о посещении Сатки в 1824 г. императором Александром I, который присутствовал на божественной литургии в Свято-Троицкой церкви, в помещении которой в настоящее время располагается краеведческий музей, где посетителям непременно показывают ступеньки, по которым шел, и зал, в котором стоял на литургии император.

Тем самым отмеченное выше противоречие становится еще более явным. С одной стороны, Сатка – город с живой исторической памятью, обжитым пространством, «душой», «разрушающий стереотипы о депрессивных моногородах, образец успешной реализации социокультурных проектов, благодаря которым моногород оказывается привлекательным и для проживания, и для посещения, несмотря на свою удаленность от мегаполисов, таких, как Челябинск и Екатеринбург» (Бугрова, 2023, с. 57). С другой стороны – городское сообщество чувствует опасность вымирания и переживает неизбежность поражения в демографическом противостоянии с мегаполисами. Противоречие дополнительно усиливается тем, что несмотря на симпатию и привязанность саткинцев к своему городу, они отмечают наличие экологических проблем, нехватку социальной инфраструктуры и «отсутствие перспектив для молодежи» (Шуб, 2021, с. 142). В ходе разговоров с инфор-

мантами – в особенности представителями молодежи – «отсутствие перспектив» конкретизировалось в более трудно выразимую и разрешимую проблему – ощущение монотонии, вязкости и недостаточной динамики городского пространства, в том числе в части «тусовочных мест» и центров притяжения для молодежи. Отсюда тягостное для подвижной в силу возраста и подталкиваемой мифом о больших городах ощущение социальной гиподинамии и желание «куда-то двигаться», на котором охотно паразитируют крупные агломерации. Добавим к этому отсутствие в Сатке вузов (есть территориальные центры доступа факультета заочного и дистанционного обучения Челябинского и Южно-Уральского университетов, но это «очно-заочное», дистанционное обучение) – есть только горно-керамический и медицинский колледжи, пользующиеся значительным спросом – и отъезд молодежи после окончания школы, как минимум для и на время обучения в вузе, выглядит неизбежным.

Однако, как показывает наше исследование и относительная демографическая стабильность Сатки, значительная часть мигрирующей молодежи возвращается или восполняется молодыми и среднего возраста приезжими – часто это оказываются жены или мужья репатририрующихся после получения высшего образования и попытки покорения мегаполисов саткинцев. Немаловажным фактором при этом оказывается наличие родительского или сравнительно более низкая стоимость приобретаемого жилья и все преимущества Сатки, отмеченные выше.

Но есть еще один очень важный фактор, который представляется особо значимым, поскольку не имеет аналога в структуре городов-мегаполисов и, соответственно, является – при наличии – уникальным преимуществом численно компактной агломерации. За отсутствием лучшего термина, назовем это корпорацией и, соответственно, переживаем корпоративности – общности прошлого, настоящего и будущего как связанного с конкретным местом и конкретным сообществом. Описываемый феномен не имеет аналогии с общинностью, которая всегда связана с институциональной или религиозной общностью. Жители Сатки не религиозны: хотя в агломерационном пространстве представлены православный храм Свяителя Николая Чудотворца, Махалля-мечеть, Объединенная методистская церковь, пятидесятническая община (о существовании которой большинство горожан не знают) и новое религиозное эко-движение (последователи книги К. Мегре «Звенящие кедры России», живущие отдельной общиной в родовом поселении «Ориана» в Айлинском районе), число прихожан у них не велико (в пределах 150 чел.) и сокращается. Корпорация поддерживается общностью исторической памяти, которая формирует чувство общности исторической судьбы в связи с местом и его будущим.

Корпоративность Сатки наглядно подтверждается вторым общим городским страхом: истощения рудных запасов магнетитового месторождения и закрытия («гибели») предприятий «Группы Магнетит». Группа является крупнейшим (хотя и далеко не монопольным) работодателем Сатки и в подлинном смысле градообразующим предприятием, поскольку владельцы и руководство группы и комбината сами являются саткинцами и активно инвестируют в развитие города. Магнетит, а в еще большей степени президент Группы Магнетит С.П. Коростелев входят в число городских мифологических героев – практически вся современная часть городского пространства и повседневных практик Сатки в той или иной степени ассоцииро-

ваны с «Палычем» (Коростелевым), выступающим наряду с Е. Пугачевым в роли «героя места». Распространенные в городе иррациональные и подпитываемые мифологической конспирологией подозрения в том, что рудные запасы близки к исчерпанию, а город провалится в раскинувшиеся под ним сети шахтных ходов, красноречиво свидетельствуют о квази-религиозном статусе магнетита (камня, карьера, предприятия и героического сообщества) как системообразующего сюжета корпоративной идентичности горожан.

Отметим, что вокруг чугуноплавильного завода аналогичной корпоративной гражданской религии не сформировалось, - в актуальном городском фольклоре есть лишь inferнальные истории про бурый туман, ассоциирующие завод с дьяволом, и его старая, дореволюционная история (хотя завод действующий и дает городу более тысячи рабочих мест). Но зато в пространство корпоративной городской мифологии пробился предприниматель Ю.Н. Китов, создатель китчевого туристического парка «Сонькина лагуна» и преобразователь облика района Старый город, вызывающий крайне неоднозначное отношение жителей района. Почему весь город знает С.Н. Коростелева («Палыча») и Ю.Н. Китова, но никто не может назвать генерального директора управляющей компании чугуноплавильного завода ООО «Саткинский инвестиционный холдинг» Е.В. Иванова? Потому что первые двое – коренные саткинцы, в разной степени и форме, но проявляющие стратегический интерес к саткинской агломерации и воспринимаемые жителями как «отцы» города (как бы горожане ни относились к их конкретным действиям), а третий – чужой для городской корпорации владелец из другого региона, не включенный в символическое пространство урбанистической культуры Сатки и едва ли заинтересованный в чем-то кроме экономической эффективности принадлежащего ему актива.

По-видимому, корпоративность является одним из краеугольных камней устойчивого развития и позитивного образа будущего г. Сатка, позволяющим ему оставаться, как удачно выразился А.Л. Рычков, «ярким примером социокультурной самобытности малого города», «той региональной самоидентичности, которая уменьшает текучесть кадров из Малых городов России», имеющим «все шансы к тому, что синтез индустриальной культуры и природного богатства станет конкурентным преимуществом этого района»¹⁴. И важным условием воспроизводства этой корпоративности является концентрация капитала и административных ресурсов в руках представителей корпорации. Чтобы заботиться о месте, нужно либо быть очень умным и дальновидным – что не в почете у современной административной и предпринимательской культуры, мыслящей сверхкороткими циклами планирования и финансовыми показателями, – либо частью этого места. В последнем случае забота о родовом пространстве и продолжающей его человеческой корпорации (от лат. *corpus* – тело) носит естественный характер и обеспечивает значительный кредит доверия его действиям со стороны других членов корпорации.

Возможно, именно возрождение корпоративных городов, в которых ключевыми собственниками и администраторами являются представители локального сообщества, станет одной из конструктивных альтернатив мегаполисам, наряду

¹⁴ Доклад А.Л. Рычкова на заседании Исторического клуба им. Е.Ф. Шмурло в мультимедийном историческом парке «Россия – Моя история» (г. Челябинск) 23 ноября 2023 г., текст (рукопись) любезно предоставлен автором (есть в распоряжении автора настоящей статьи).

с горизонтальными децентрализованными пространственно-распределенными агломерациями, основанными на транспортно-инфраструктурных решениях и преимущественно капиталистической модели экономики (Вархотов, Поляков, 2021); (Тамбовцев, Шерешева, 2018). Случай Сатки показывает, что такой, посткапиталистический сценарий развития корпоративной урбанистической культуры нового малого города, как минимум, возможен.

Заключение

Урбанистическая культура формируется на стыке трех групп факторов: экзистенциальных, политических и экономических. Эти группы факторов находятся в конфликтных отношениях, но их дисбаланс разрушителен для общей системы. Мегаполисный сценарий урбанизации максимизирует экономические и политические факторы, пренебрегая экзистенциальными (и производными от них культурными) – поэтому люди *не будут жить* в мегаполисах (подробно этот тезис специально обсуждается в (Вархотов, 2021)). Дезурбанизационный сценарий максимизирует экзистенциальные факторы, но также и политические и экономические издержки; несмотря на онтологическую приоритетность экзистенциальных факторов, полное подчинение им систем производства, распределения и социального управления представляется утопией¹⁵. По-видимому, наиболее жизнеспособной траекторией развития урбанистической культуры в посткапиталистическом мире являются агломерационные модели, ищущие оптимальное сочетание пространственного распределения и средств обеспечения связности (транспортной, информационной и иных инфраструктурных систем).

Применительно к российским реалиям, широкое пространственное распределение населения с важнейшей ролью населенных пунктов малого и среднего размера представляется безальтернативным с учетом необходимости сохранения территориальной целостности и национального суверенитета (Поляков, Вархотов, 2021, с. 212-277); (Тамбовцев, Шерешева, 2018). Сохранение территорий требует их обживания, последнее невозможно без присутствия людей. Как отмечал Президент РФ В.В. Путин: «Важно, чтобы развитие городов стало движущей силой для всей страны. Активная, динамичная жизнь России, с ее огромной территорией, не может сосредоточиться в нескольких мегаполисах. Крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России»¹⁶.

Пример г. Сатка показывает, что для жизнеспособности малого города определяющее значение играют воспроизводство «души города» (культурно-исторической памяти, городского фольклора и локальных ритуалов – коллективных практик, поддерживающих целостность городской корпорации), связность городского пространства (инфраструктурная и семантическая), обеспеченность рабочими местами с конкурентоспособными условиями труда и оплаты, инфраструктурная обеспеченность (прежде всего в части социальной инфраструктуры) и наличие эффективных транспортных связей с крупными агломерациями. Важным условием для

¹⁵ Правдоподобная и поучительная антиутопия на эту тему представлена в романе М. Уэльбека «Возможность острова».

¹⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. Большое внимание теме развития малых городов и сельских поселений было уделено и в последнем на данный момент Послании от 29.02.2024 г.

развития всего перечисленного является воспроизводство корпоративной городской культуры, что в свою очередь, предполагает высокий уровень локализации экономического и символического капитала.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Какой посткапитализм нужен России? // Вопросы философии. 2014. №10. С.14-24.

Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 412 с.

Бугрова Е.Д. Сатка: моногород мультитуризма // Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 53-60. DOI: 10.54347/Lab.2023.3.3

Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43-53. DOI: 10.7868/S0132162517070054

Бузгалин А.В., Барашкова О.В. После рынка: рождение новой [пост]экономики // AlterEconomics. 2023. №20(4). С. 731–750. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.1>

Вархотов Т.А. Воображаемый город: в поисках модели потребного будущего // Union magazine. 2021. № 2. С. 58-69.

Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. – 218 с.

Поляков А.С., Вархотов Т.А. Terra Urbana: города, которые мы п...м. М.: ЭКСМО, 2021. – 368 с.

Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. – 336 с.

Тамбовцев В.Л., Шерешева М.Ю. (ред.). Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов. М.: Экономический факультет МГУ, 2018. – 443 с.

Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. – 472 с.

Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 376 с.

Малые города – большое будущее: новые подходы к развитию новых городов и сельских поселений (XIV Губернаторские Чтения, Москва – Тюмень, 15 марта 2023 г.). М.: АНО «Полития», 2023. – 60 с.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс В.В. Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 105 с.

Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.

Нордстрем К., Шлингман П. Urban Express: 15 правил нового мира, в котором главная роль у городов и женщин. М.: Альпина Паблишер, 2019. – 268 с.

Ореховский П.А. «Дух места» и роль территориальной самоидентификации элиты в социально-экономическом развитии городов // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2(7). С. 82-101.

Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.

Шуб М.Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов. Челябинск: ЧГИК, 2021. – 283 с.

Hutchison R. (ed.). Encyclopedia of Urban Studies. SAGE Publications, 2010. – 1068 p.

Luttwak E. Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. HarperCollins Publishers, 1999. – 304 p.

Polèse M. The Wealth and Poverty of Cities: Why Nations Matter. Oxford University Press, 2020. – 337 pp.

WHR – World Happiness Report 2020. New York: Sustainable Development Solutions Network, 2020. – 202 p.

WCR – World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities United Nations Human Settlements Programme, 2022. – 422 p.

WCR – World Cities Report 2020: The Value of Sustainable Urbanization. United Nations Human Settlements Programme, 2020. – 418 p.

Wolfe Ch.R. Urbanism Without Effort: Reconnecting with First Principles of the City. Island Press, 2019. – 169 pp.

Информация об авторе

Вархотов Тарас Александрович – кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия.

(varkhotov@gmail.com) (elibrary AuthorID: 99787) (ORCID: 0000-0003-3363-7596)

REFERENCES

Alekseeva I.Yu., Alekseev A.P. What kind of post-capitalism does Russia need? *Voprosy Filosofii=Russian Studies in Philosophy.* 2014;(10):14-24. (In Russ.)

Bugrova E.D. Satka: single-industry town of multi-tourism. Labyrinth: theories and practices of culture. 2023;(3):53-60. (In Russ.) DOI: 10.54347/Lab.2023.3.3

Burke E. Reflections on the Revolution in France. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 412 p. (In Russ.)

Buzgalin A.V. Creative economy: private intellectual property or everyone's property for everything? *Sotsiologicheskiye issledovaniya= Sociological research.* 2017;(7):43-53. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162517070054 (In Russ.)

Buzgalin A.V., Barashkova O.V. After the market: the birth of a new [post]economy. *AlterEconomics.* 2023;20(4):731-750. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.1> (In Russ.)

Collier P. The Future of Capitalism. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2021. – 376 p. (In Russ.)

Davydov D.A. Personality and the state in the thorns of post-capitalism: Towards a new antagonistic social formation. M.: LENAND, 2020. – 218 p. (In Russ.)

Hutchison R. (ed.). Encyclopedia of Urban Studies. SAGE Publications, 2010. – 1068 p.

Luttwak E. Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. HarperCollins Publishers, 1999. – 304 p.

Mason P. Postcapitalism: A Guide to Our Future. M.: Ad Marginem Press, 2016. – 416 p. (In Russ.)

Meadows D.H., Meadows D.L., Rendens J., Behrens W.V. The Limits to Growth. M.: Moscow State University Publishing House, 1991. – 105 p. (In Russ.)

Nordström K., Schlingmann P. 15 Urban Rules to Help You Navigate the New World That's Being Shaped by Women and Cities. M.: Alpina Publisher, 2019. – 268 p. (In Russ.)

Orekhovskiy P.A. «Spirit of place» and the role of territorial self-identification of the elite in the socio-economic development of cities. South Russian Forum: economics, sociology, political science, socio-economic geography. 2013;2(7):82–101. (In Russ.)

Polèse M. The Wealth and Poverty of Cities: Why Nations Matter. Oxford University Press, 2020. – 337 pp.

Polyakov A.S., Varkhotov T.A. Terra Urbana: cities that we are to... M.: EKSMO, 2021. – 368 p. (In Russ.)

Shub M.L. Culture of memory in the structure of identity of residents of industrial cities. Chelyabinsk: ChGIK, 2021. – 283 p. (In Russ.)

Small towns – a great future: new approaches to the development of new cities and rural settlements (XLV Governor's Readings, Moscow - Tyumen, March 15, 2023). M.: ANO «Politia», 2023. – 60 p. (In Russ.)

Srnicek N., Williams A. Inventing the future: post-capitalism and a world without labor. M.: Strelka Press, 2019. – 336 p. (In Russ.)

Tambovtsev V.L., Sheresheva M.Yu. (ed.). Sustainable development of territories based on network interaction of small towns. M.: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 2018. – 443 p. (In Russ.)

Therborn G. Cities of Power. The Urban, the National, the Popular, the Global. M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2020. – 472 p. (In Russ.)

Trubina E. The city in theory: experiments in understanding space. M.: New Literary Review, 2011. – 520 p. (In Russ.)

Urry J. What is the Future? M.: Publishing house «Delo» RANEPa, 2018. – 320 p. (In Russ.)

Varkhotov T.A. The imaginary city: in search of a model of the needed future // Union magazine. 2021. № 2. P.58-69. (In Russ.)

WCR – World Cities Report 2020: The Value of Sustainable Urbanization. United Nations Human Settlements Programme, 2020. – 418 p.

WCR – World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities United Nations Human Settlements Programme, 2022. – 422 p.

WHR – World Happiness Report 2020. New York: Sustainable Development Solutions Network, 2020. – 202 p.

Wolfe Ch.R. Urbanism Without Effort: Reconnecting with First Principles of the City. Island Press, 2019. – 169 pp.

Information about the author

Taras A. Varkhotov – PhD, associate professor, acting Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(varkhotov@gmail.com) (elibrary AuthorID: 99787) (ORCID: 0000-0003-3363-7596)

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024; одобрена после рецензирования: 14.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

ЭССЕ

УДК: 330.173.34

DOI: 10.5281/zenodo.13895740 <https://zenodo.org/record/13895740>

ТЕХНОЛОГИИ И ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛИЗМА

Михайлов Андрей Игоревич¹

Кандидат философских наук, научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (mikhailov1984@gmail.com), (ORCID: 0009-0003-7221-207X)

Ключевые слова: *научно-технический прогресс, технологические уклады, информатизация, искусственный интеллект*

Благодарности: Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

Для цитирования: Михайлов А.И. Технологии и институты социализма // Вопросы политической экономики. 2024. № 3(39). С. 204-220.

TECHNOLOGIES AND INSTITUTIONS OF SOCIALISM

Andrey I. Mikhaylov

PhD in Philosophy, Researcher at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Center for Modern Marxist Studies, Moscow, Russia, (mikhailov1984@gmail.com), (ORCID: 0009-0003-7221-207X)

Keywords: *scientific and technological progress, technological structures, informatization, artificial intelligence*

Acknowledgements: The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10171 «Transdisciplinary conceptualizations of scientific progress: problem-oriented, semantic and epistemic approaches. On the 100th anniversary of the birth of Thomas Kuhn and Imre Lakatos».

For citation: Mikhaylov A.I. Technologies and institutions of socialism. Problems in Political Economy. 2024;3(39):204-220.

JEL codes: O33, O35, P30

Введение

Век без Ленина – значительная историческая дистанция, позволяющая отрефлексировать накопленный человечеством опыт преодоления социального отчуж-

¹ © Михайлов А.И., 2024

дения. Необходимость такой рефлексии обусловлена, с одной стороны, нарастающей глубиной системного кризиса капитализма и, с другой стороны, недостаточной способностью левого движения к выдвиганию альтернативной повестки. Необходимое условие разрешения этого противоречия как минимум предполагает отказ от превратных форм мышления – коллективных заблуждений и идеологических иллюзий. Свободному от субъективизма исследованию субъекта социального действия должны быть предпосланы объективные структуры деятельности. Выявить основные инструменты социального развития, которыми располагает человечество в своем историческом опыте это задача объективного анализа.

Социализм: ожидания и реальность

Всякое теоретическое исследование необходимо начинать с базовых определений. Социализм в своем абстрактно-общем апофатическом (негативном) определении – это способ производства с убывающим отчуждением, следующей в логике исторического развития сразу после капитализма и снимающей его основные противоречия капитализма. Такое определение задает предмет исследования, не навязывая предмету никаких априорных суждений о его внутреннем устройстве, которое должно быть результатом, а не посылкой исследования. Априорные ожидания социалистической мысли XIX века во многом оказались скорректированы практикой XX века. Возможность уничтожения эксплуатации человека человеком еще не означает мгновенного уничтожения всех форм социального отчуждения, а лишь смену знака производной тренда – социалистические революции и социальные реформы впервые в истории повернули воронку отчуждения вспять, хотя этот поворот, к сожалению, оказался обратимым. Подчеркнем, это не оценочное суждение, а измеримые характеристики – присвоение чужого труда как норма эксплуатации и время развития человека как отчуждение с обратным знаком. Социалистические революции произошли не в наиболее развитых индустриальных странах, а в силу неравномерности развития и пространственной неоднородности капитализма в странах полупериферии, где противоречия империализма были наиболее остры. Социализм оказался не сколько первой фазой коммунизма, сколько самостоятельной исторической эпохой. СССР просуществовал три поколения, но за это время была осуществлена планомерная индустриализация страны. Для большинства целевых показателей социально-экономического развития России от генерации электроэнергии и выплавки стали до ожидаемой продолжительности жизни и уровня образования населения подавляющая часть прироста приходится на годы советской власти. Вместо отмирания государства произошло значительное расширение его функций с сугубо фискально-полицейских, свойственных буржуазным государствам, до централизованной системы управления процессами социального воспроизводства. Все эти эмпирически наблюдаемые феномены не случайны, но теоретически объяснимы как закономерные проявления особого типа воспроизводства, основанного на замкнутом инновационном цикле переноса функциональных связей производства на субстрат новых технологических процессов, реализующем накопление живого труда в форме повышения параметров технологии и человеческого потенциала (Михайлов, 2018). Дать катафатическое, позитивное определение социализма означает описать целостную систему институтов, обеспечивающих воспроизводство общества с качественно отличными от накопления капитала закономерностями развития.

Капитал это самовозрастающая меновая стоимости. Энгельс в предпоследней главе «Капитала» (Маркс, Энгельс, 1962) определил капитализм как товарное производство с целью максимизации прибыли. Базовый процесс накопления капитала – замкнутый инвестиционный цикл Д-Т-Д+д, обязательно опосредуемый рынком. Основное противоречие капитализма – это противоречие между трудом и капиталом, проявляющееся в троякой форме:

1. Рост неравенства по мере накопления капитала. Трудится пролетариат, а капитал распределяется только между собственниками капитала.

2. Автоколебательные циклы занятости и капиталовооруженности. Часть рабочей силы периодически простаивает, часть инвестиций уничтожается в ходе циклических кризисов.

3. Тенденция нормы прибыли к понижению. Система распределения капитала останавливает рост до того, как будут исчерпаны его технологические возможности.

Снятие этих противоречий возможно на индустриальной материально технической базе и общество, осуществляющее индустриальное развитие без специфических противоречий капитализма следует рассматривать как социалистическое в смысле апофатического определения.

Ленин у истоков социализма

Вторая промышленная революция заложила материально-техническую базу монополистической стадии капитализма. Достижение капитализмом монополистической стадии привело к кризису перенакопления в центре мир-системы и заблокировало индустриальное развитие на периферии. Стал неизбежен передел мира между метрополиями колониальных империй, т.е. мировая война. Позиционный тупик мировой войны вел к кризису власти внутри империалистических держав, который делал ранее управляемые народные массы субъектом истории. Иными словами, мировая война порождала мировую революцию. Монополистическая стадия капитализма характеризуется подрывом рыночной конкуренции и распадом предпринимательской функции – отделением владения от управления, что в свою очередь создает предпосылки для социалистической революции. Социалистическая революция впервые произошла именно в той стране, где противоречия империализма были наиболее остры. В XX веке Россия как «периферийная империя» и «слабое звено в цепи империалистических держав», «страдающая как от капитализма, так и от недостатка его развития» могла решить две свои основные проблемы – аграрное перенаселение и недостаточное развитие инвестиционного сектора, вызванное аграрной специализацией – только на пути социализма и эти проблемы были успешно решены. Такова историческая логика русской революции в кратчайшем конспективном изложении. Но то, что сейчас воспринимается почти общим местом, более века назад было чередой выдающихся открытий, сделанных Владимиром Ильичом Лениным. Очерк «Империализм как высшая стадия капитализма» (Ленин, 1969а), опубликованный в 1915 году, стал основой всех последующих теорий зависимого развития. В «Апрельских тезисах» (Ленин, 1969b) и в работе «Задачи пролетариата в нашей революции» (Ленин, 1969c) обозначены тенденции перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Причем, пролетарский характер русской революции наметился еще в 1905 году с

образованием особой формы самоорганизации рабочих и крестьян – Советов и, в виду перехода русской буржуазии, неспособной решать задачи модернизации, на реакционные позиции. Русская революция в этом отношении укладывается в общую закономерность – историческое окно возможности для буржуазной модернизации начало закрываться с 70-х годов XIX века именно в связи с общемировым переходом капитализма в монополистическую стадию, несмотря на наличие аграрной периферии, которая, таким образом, была обречена на системное отставание в развитии. Осознание противоречия – необходимое условие его разрешения, и именно в ленинских работах периода побеждающей революции заложены многие идеи некапиталистической модернизации. Так, в работе 1917 года «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» сформулирована концепция перерастания государственно-монополистического капитализма в социализм: «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» (Ленин, 1969е, с. 192). Уже после победы Октября концепция получила развитие в работе 1918 года «Очередные задачи Советской власти» (Ленин, 1974), где был сформулирован первый проект НЭПа – контроль над командными высотами финансовых и промышленных монополий позволял решать задачи социально-экономического развития. Примечательно, что Ленин предостерегал от избыточной национализации – для обобществления созрели именно монополистические сектора экономики. Наконец в поздних работах 1923 года «О кооперации» (Ленин, 1970b), «О нашей революции» (Ленин, 1970с), «Лучше меньше, да лучше» (Ленин, 1970d), когда стало понятно, что порожденный мировой войной общеевропейский революционный процесс закрепляется только в Советской России, формулируется идея достраивания материально технической базы социализма «в обход» капитализма, позже развитая в концепцию строительства социализма в одной отдельно взятой стране (Сталин, 1948), во многом определившая историю XX века.

Теоретические концепции неизбежно гипотетичны, критерием истины является практика – воспроизводимость теоретических схем в деятельности. Поэтому история реально действовавших социальных институтов важнее истории идей. Действительность неизбежно оказывается богаче априорных ожиданий – расхождение теории и практики означает лишь недостаточную прогностическую способность теории. Так «Государство и революция» (Ленин, 1969d) при всей проницательности теоретического анализа института государственности, в прогностическом отношении значительно опередила свое время. Непосредственное самоуправление трудящихся не было реализовано на индустриальной основе в силу технической невозможности, однако управление в интересах трудящихся стало не только возможным, но и необходимым. Советы как политический институт, хотя и стали символом социализма, скорее оказались не сколько прямой демократией, сколько высшей формой демократии представительской, опирающейся непосредственно на трудовые коллективы. Первая функция представительства – согласование интересов, поэтому представительные органы слишком медлительны для оперативного принятия решений в отличие от иерархического единоначалия бюрократии исполнительной власти, что, собственно, и обуславливает управленческую необходимость разделения властей, ограничивая коллегиально-представительные органы законодательной ветвью власти. Советская власть не сколько

вырабатывала решения, сколько легитимизировала их для масс, формируя общественный консенсус. Реальное принятие решения осуществлялось внутри партии большевиков. При этом было бы ошибкой противопоставлять партийный аппарат «демократии» – распространение избирательного права на все население в рамках буржуазной демократии привело к необходимости массовых партий для организации избирательного процесса. Появление у партийного и профсоюзного аппарата собственных интересов, не совпадающих с интересами тех, кого они представляют, это закономерное противоречие разделения труда в политической подсистеме общества, и советская однопартийность де-юре от однопартийности де-факто других парламентских демократий формально отличается не слишком сильно. Содержательное же отличие можно усмотреть в том, что коммунистическая партия оказалась особого рода кадрово-идеологической ветвью власти – институтом, производящий институты, «нулевой» институциональной инновацией социализма.

Первой институциональной инновацией в экономической сфере стала осуществленная в 1918 году национализация промышленных и финансовых монополий, а также других крупных активов. Формальное обобществление производства упразднило праздные классы и позволяло обратить прибавочный продукт на нужды общества. Значение национализации, несмотря на формальный характер обобществления, не стоит недооценивать. Невозможность частного присвоения прибавочной стоимости предотвращает рост имущественного неравенства, накапливая прибавочный продукт исключительного в общественном секторе. Формальное обобществление выступает необходимой предпосылкой обобществления реального, поскольку национализация активов обеспечивает исполнение социальных обязательств. Так, в том же 1918 году были заложены основы социального государства: был принят декрет о единой трудовой школе, установившей бесплатность образования всех уровней и обязательность среднего образования; основан ряд научно-исследовательских институтов, ставших базой фундаментальной и прикладной науки; начала формироваться система всеобщего и бесплатного здравоохранения, получившая всемирное признание под именем ее организатора первого наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко; заложены основы системы социального обеспечения рабочих и служащих. Несмотря на скудость ресурсного обеспечения 1918 года нормативные требования к социальному государству были достигнуты развитыми странами только через 30 лет уже после Второй Мировой войны.

Наряду с национализацией монополий и инвестициями в человеческий потенциал важной компонентой модели социально-ориентированного госкапитализма была отстаиваемая Л.Б. Красиным монополия внешней торговли (Красин, 1925). Именно монополия внешней торговли как вершина политики протекционизма позволяла вырваться из рикардианской ловушки зависимого развития, направляя экспортные доходы не в сырьевые, а в инвестиционные отрасли. Монополия внешней торговли таким образом выступает монополией при импорте капитала, формируя основной инструмент «диктатуры развития». Эти три института образуют своеобразный минимум социал-демократической программы в экономической сфере, реализованный уже в первые годы революции.

Становление институтов планирования

Переход от формального обобществления к реальному, то есть строительство социализма на собственной основе началось с принятия плана ГОЭЛРО в декабре 1920 года. «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (Ленин, 1970а, с. 159) – эта формула технологического детерминизма имеет глубокие основания. Любой процесс производства требует затрат энергии. Электроэнергия – это универсальная форма энергии, пригодная для передачи на дальние расстояния и преобразования в любую другую форму энергии с высоким кпд. Поэтому энергосистема оказывается неограниченно масштабируемым технологическим процессом – цехом «единой фабрики». Электроэнергия не обменивается, а распределяется, необратимо расходуясь в производственных процессах, ее трудно аккумулировать в больших объемах, поэтому баланс энергии измеряется в физических единицах. Таким образом, рыночная рациональность сменяется инженерной рациональностью проектирования электрооборудования и энергосистем.

ГОЭЛРО был первым опытом системного макроэкономического планирования: помимо долгосрочной программы строительства сети районных электростанций осуществлялось рациональное размещение производства с учетом специализации экономических районов, реконструкция транспорта и металлургии. Советская индустриализация с самого начала задумывалась и осуществлялась как сдвиг отраслевой структуры народного хозяйства. Внедрялась не отдельная техническая инновация, а сразу целостная система машин. Механизм относительной прибавочной стоимости оказывается слишком медленным для технического перевооружения. Локальная инновация не может слишком сильно отклоняться от общего уровня, иначе окажется невостребованной, а скорость ее распространения ограничена нормой относительной прибавочной стоимости, ведь тиражирование инновации оплачивается дополнительной прибылью, которую она приносит. Само согласованный комплекс технологических инноваций в меньшей степени зависит от предшествующего уровня, но требует разработки системы стандартов «сверху». Динамический межотраслевой баланс планируется не под текущие, а под будущие потребности. Схематично процедура директивно-целевого планирования может быть описана следующим образом. Под заданный целевой уровень конечного потребления по коэффициентам затрат вычисляется необходимый прирост генерации электроэнергии и выплавки металла, а также рост объема добычи полезных ископаемых. Прирост генерирующих и металлургических мощностей в свою очередь определяет объем выпуска продукции энергетического и тяжелого машиностроения, для обеспечения которого необходимо расширить станочный парк. Цикл планирования замыкается, что, собственно, и выражается уравнениями межотраслевого баланса. Оптимальный план – это собственный вектор матрицы затрат с положительными компонентами – по теореме Перрона-Фробениуса (Гантмахер, 1967) такой собственный вектор существует для всякой матрицы с положительными элементами и является единственным, причем ему соответствует наибольшее собственное число, что, собственно, и определяет темпы роста. Вычислительную эффективность планированию придает обратное движение по уровню пределов. Целевой уровень выпуска машиностроительного оборудования распределяется согласно компонентам собственного вектора по специализированным отраслям машиностроения – станкостроению, энергетическому, тяжелому и транспортному

машиностроению, что определяет прирост производственных мощностей машиностроения, энергетики, металлургии с добывающей промышленностью и транспорта соответственно, а значит, задает прирост производства первичной энергии и ее преобразование через последовательность пределов в инвестиции и конечное потребление. Таким образом, централизованное планирование обеспечивало концентрацию инвестиций в машиностроение выше равновесия под будущее, а не текущие потребности, что позволяло форсировать темпы роста и гарантировать устойчивый спрос на рабочую силу, создавая рабочие места в промышленности. В отсутствие безработицы исчезает и рынок рабочей силы, сменяясь тарифной сеткой и гарантированным правом на труд при свободе выбора профессии. Автоколебания циклических кризисов устраняются, обновление производства осуществляется планомерно, причем инвестиции в основные фонды промышленности и инфраструктуру, балансируются инвестициями в развитие человеческого потенциала – социальную сферу, науку, образование, что обеспечивает возрастание стоимости рабочей силы вместо ее падения.

Институты планирования в СССР складывались в два этапа: с принятием плана ГОЭЛРО и первого пятилетнего плана. Второй этап был логическим развитием первого – структурным сдвигом повышения доли инвестиционных отраслей и прежде всего машиностроения в балансе народного хозяйства. Межотраслевой баланс диалектически связан с отраслевой системой управления. Для каждой отдельной отрасли могут быть вычислены производственная функция и целевые показатели выпуска обладают натуральной счетностью. Например, работа энергетики оценивается в единицах мощности – мегатоннах условного топлива в год или гигаваттах установленных генерирующих мощностей. Цикл замены оборудования и обновления основных фондов при заданных планах выпуска синхронизируется с программой технологического перевооружения отрасли. В свою очередь отраслевые программы межотраслевым балансом объединяются в пятилетний план развития народного хозяйства, обеспечивающий синхронность ввода в строй производственных мощностей. Долгосрочные тренды развития на несколько пятилеток могут быть заданы комплексными программами научно-технического прогресса, которые начали разрабатываться с 70-х годов XX века. Институты планирования обеспечивают снятие капиталистических форм отчуждения самой возможностью программирования долгосрочных целей социально-экономического развития.

Отдельного рассмотрения требует процесс кооперации сельского хозяйства в 30-х годах XX века. Материально-техническая база второй промышленной революции предполагает механизацию и химизацию сельского хозяйства. Предпосылки механизации – изобретение дизельного двигателя внутреннего сгорания, сменяющего живую тягу и конвейерное производство тракторов и комбайнов. Предпосылка химизации – открытие процесса Габера, связывающего атмосферный азот в аммиак с последующей переработкой в азотные удобрения. Оптимальная форма организации индустриального сельского хозяйства – это государственный агрохолдинг, совхоз. Коллективизация была исторической формой социального компромисса между рабочим классом и крестьянством. Решение вопроса о земле – историческая задача предшествующего этапа развития – буржуазной революции. Правда это решение скорее отрицательное – формирование свободного рынка земли в конечном счете приводит к обезземеливанию фермеров и концентрации

земельного фонда в агрохолдингах, которые уже социалистическая революция призвана национализировать наряду с другими монополиями. Однако в реальной истории социалистические революции происходили в зоне зависимого развития на полупериферии и им приходилось искать решение земельного вопроса, специфичное для конкретной исторической ситуации. Таким решением для крестьянских стран, ставших на путь форсированного индустриального развития, является кооперация – обобществление механизированных сельхоз работ при сохранении парцеллярного приусадебного хозяйства. Социальная функция колхоза заключалась именно в поддержании крестьянского двора. Колхозная система в целом справлялась со своими функциями – неурожай больше не оборачивался голодом. Перегибы же начального периода коллективизации во многом были обусловлены ее вынужденно форсированным характером. Высокие темпы индустриализации определяются исключительно структурой инвестиций – станки делают станки – однако первый этап и только он требовал мобилизации всего прибавочного продукта общества, находящегося в состоянии аграрного перенаселения. Высокая фискальная нагрузка приводила к сравнительной слабости кооперативного сектора, однако в общем случае именно кооперация выступает социалистической альтернативой мелкотоварного рынка.

Итак, к трем институтам социал-демократического минимума социализм на собственной основе добавляет еще три описанных выше института:

1. Централизованное макроэкономическое планирование сдвигов структуры межотраслевого баланса, заменяющее рынок капитала.
2. Организация отраслей как «цехов единой фабрики» форме сетей распределения производственных мощностей по аналогии с единой энергетической системой, заменяющая корпоративные монополии.
3. Кооперация, заменяющая мелкотоварный рынок.

Иными словами, социализм – это рациональное завершение индустриализации.

Социализм и научно-технический прогресс

Динамика социалистического способа производства определяется технологическими сдвигами отраслевой структуры. Сбалансированный цикл обновления производственных мощностей и воспроизводства человеческого потенциала – ключевой результат планирования народного хозяйства. Основным источником технологических инноваций в конечном счете выступает фундаментальная наука. Только открытие новых физических принципов позволяет повысить параметры производственных процессов – производительность труда, энерговооруженность, КПД и т.д. Научные теории обеспечивают связность приборно-инструментальной базы (Latour, 1987) будучи конкретно-всеобщими математическими моделями конкретно-эмпирических процессов. В свою очередь приборно-инструментальная база с предельными параметрами позволяет экспериментально открывать новые природные закономерности. Так в самых общих чертах работает цикл накопления научного знания, отличный от цикла накопления капитала. В сфере идеального на смену накоплению денежных знаков и меновой стоимости приходит прирост научного знания – частные научные теории сменяются более универсальными и точными (Михайлов, 2023). В сфере материального производства экстенсивный рост

основных фондов сменяется их интенсивным обновлением с повышением параметров технологии. На этапе второй промышленной революции наука стала опосредованной производительной силой, обеспечивая инженерные расчеты. На этапе третьей научно-технической революции наука становится непосредственной производительной силой общества, как и было спрогнозировано Марксом (Маркс, 1968) – развитие материального производства становится невозможным без фундаментальных научных исследований. Атомная энергетика и ядерное оружие требуют знания квантовой механики как основы нейтронной и ядерной физики, механики сплошных сред, радиохимии, материаловедения и ряда смежных дисциплин. Разработка ракетной и реактивной техники также потребовала научных исследований в области аэродинамики, материаловедения, теории управления и т.д. Наконец в основе микроэлектроники и вычислительной техники лежат такие фундаментальные дисциплины как физика твердого тела и теория алгоритмов. Основа военной мощи сверхдержав – межконтинентальные баллистические ракеты с ядерными боеголовками – соединяют в себе все три базовые технологии XX века. Причем, если измерять производительные силы в мегатоннах, то мир социализма добился больших успехов при меньших ресурсах. Достижение военно-технологического паритета с «коллективным Западом», превосходящим СССР по ресурсам, было необходимым условием выживания, и успешное решение этой задачи наряду с инвестиционными и социальными целями, несмотря на вынужденную экономию на потреблении и услугах за пределами жизнеобеспечения и социального развития, следует рассматривать как признак эффективности плановой модели хозяйства.

Особенностью научно-технической революции является ее перманентный характер. Так, на протяжении жизни одного поколения людей смена технологических поколений осуществлялась несколько раз. Два базовых эволюционных механизма научно-технического прогресса – это перенос функциональной структуры производства на субстрат новых физических процессов и дуальное изменение функции при сохранении структуры. Особенно ярко смена физического субстрата при расширенном воспроизводстве функциональности проявилась в развитии вычислительной техники. Лампы, транзисторы, интегральные схемы и микропроцессоры с увеличивающейся плотностью элементов на кристалле сообразно закону Мура образуют последовательность поколений компьютеров. Также выделяют несколько поколений реактивной авиации, атомных подводных лодок и энергетических реакторов. Например, помимо трех поколений реакторов ВВЭР отличающихся количественными характеристиками, прежде всего мощностью и уровнем безопасности, реакторы на быстрых нейтронах отличаются качественно, позволяя замкнуть ядерный топливный цикл. Переход к сверхкритическим параметрам пара, газовым турбинами и атомным реакторам в энергетике это примеры технологических сдвигов, порожденных наукой. В свою очередь сама фундаментальная наука в эпоху НТР перешла к индустриальной организации научно-исследовательских институтов и потребовала значительных капиталовложений в экспериментальное оборудование. Так под нужды экспериментальной физики создавались целые отрасли промышленности: производство клистронов для ускорительной техники, сверхпроводящих магнитов для ускорителей и токамаков, космические аппараты для астрофизических и планетологических исследований. Высокая доля инвестиций в фундамен-

тальные НИОКР находится за пределами рыночной рациональности – конечной целью является не ожидаемая прибыль, а рост научного знания. Цикл преобразования открытия нового физического эффекта в воспроизводимую технологию и технологии в серийно выпускаемое изделие реализовывался в организации научно-производственного объединения. Реальный социализм успешно реализовывал смену технологических поколений на протяжении четырех послевоенных десятилетий не только в максимально наукоемкой сфере ВПК, добившись лидерства в ряде направлений – препятствием к достижению безусловного превосходства над кейнсианской моделью смешанной, т.е. включающей элементы того же самого социализма, экономики по всем направлениям были не сколько организационные, сколько ресурсные ограничения.

Описанную выше принципиальную схему организации научно-технического прогресса при социализме можно сравнить с реализацией автоматического обновления программного обеспечения, реализованной на человеко-бумажной машине. Внутренняя логика развития научно-технической революции, примененная к ней самой, предполагает перенос функции «машины из людей» (Mumford, 1967) на электронный носитель. Конструкторская документация на каждое техническое устройство разрабатывается в цифровом формате с помощью системы автоматизированного проектирования (САПР). Технологическая карта каждого изделия представляет собой последовательность операций, выполняемых специализированными агрегатами. Таким образом, возникает гипертекст конструкторской документации: оборудование производит отдельную технологическую операцию и само производится последовательностью технологических операций. На основе графа производственных операций можно построить матричное уравнение баланса и оптимизировать алгоритм воспроизводства техносферы по затратам времени или энергии. Промышленное производство можно уподобить системе конвейеров, собирающих собственные элементы. В пределе автоматизации человеческий труд вытесняется заменой конвейера гибкими автоматизированными поточными линиями, роботами, 3D-принтерами т.д. Рабочего заменяет программист, разрабатывающий драйверы для всех этих устройств, инженерия базируется на САПР, а управление народным хозяйством реализуется как надстройка над системами автоматизированного проектирования. Таким образом, информатизация развертывается на трех уровнях:

1. Автоматизации производства – разработка программного обеспечения для периферийных устройств.
2. Автоматизация проектирования и программирования – разработка прикладного программного обеспечения.
3. Автоматизация государственного управления – разработка сервисов электронного правительства.

Амбициозные проекты автоматизации планирования, соответствующие верхнему третьему уровню информатизации, подобные ОГАС Глушкова (Глушков, Валах, 1981) вряд ли могли быть реализованы на элементной базе даже 80-х годов, не говоря уже о 70-х и тем более 60-х. В конце концов, сервис подобный «Госуслугам» реализуется на базе web 2.0, однако в действительности был запущен десятилетием позже с распространением широкого доступа к интернету, реализация же аналога на базе web 1.0 или в более раннюю эпоху была бы весьма нетривиальной

задачей. Тем не менее отдельные подсистемы, в частности, автоматизированная система плановых расчетов (АСПР) Госплана, были реализованы (Сафронов, 2019). Современный уровень технологий потенциально позволяет объединить все промышленное оборудование в «интернет вещей», так что задачи информатизации сохраняют свою актуальность.

Производство и потребление информации носит непосредственно общественный характер, поскольку осуществляется в рамках коммуникативной деятельности. Количество и качество информации не убывает при обмене. Отдав одно яблоко другому, у участников обмена на двоих остается одно яблоко. Поделившись с другим идеей, появляется две идеи, а то и более. Отсюда следует общественный характер производства – положительная отдача от масштаба коммуникативной сети. Издержки копирования пренебрежимо малы в сравнении с издержками разработки. Убывание издержек с числом потребителей ведет к непосредственно общественному характеру потребления. Общественная собственность на информацию, присущая социализму, реализуется в четырех принципах свободного программного обеспечения, сформулированных Р. Столменом (Stallman, 2015): свободе использования, свободе изучения, свободе распространения и свободе производства (модификации). Трагедия СССР состояла в том, что когда эти идеи были впервые сформулированы, чисто политические решения 1987-88 гг. запустили демонтаж социализма. Частная собственность на информацию – это отчуждение всеобщего интеллекта и потому именно социализм мог бы воспринять открытую стратегию разработки программного обеспечения для завершения целостности развития научно-технической революции.

В настоящее время объективный процесс информатизации подошел к своей кульминации – на основе больших языковых моделей был разработан слабый искусственный интеллект, прошедший тест Тьюринга. В основе больших языковых моделей лежат статистические связи между словами, выражающие семантику (Козырев, 2024), моделирующую человеческое отношение к миру. Э.В. Ильенков в своей критике возможности алгоритмического искусственно интеллекта предсказал статистический искусственный интеллект. «Чтобы сотворить искусственный ум, хотя бы равноценный человеческому, придется создавать вовсе не модель отдельного «мыслящего тела», не модель индивида, а модель всего того грандиозного «тела» культуры, внутри которого индивид с его двадцатью миллиардами клеток мозга сам представляет собою всего-навсего только «клетку», которая сама по себе способна «мыслить» так же мало, как и отдельный нейрон...» (Ильенков, 1968, с. 305). Нейросети моделируют если не всю культуру, то отдельные ее крупные блоки – массивы текстов, изображений и т.д. Социальная сущность человека начинает опредмечиваться в системах искусственного интеллекта. Вторая промышленная революция завершила процесс механизации физического труда. Механизация физического труда сменилась его автоматизацией в ходе третьей научно-технической революции. Информатизация как развитие последней запустила процесс механизации умственного труда. В ходе четвертой научно-технической революции автоматизации подлежат уже умственный труд и творческие способности человека. Закономерности научно-технического прогресса, определяющие новейший этап истории (Михайлов, 2021), действуют не только на «неорганическое тело человека» – вектор техноэволюции развернется извне вовнутрь. С одной стороны, это су-

лит грандиозные перспективы улучшения качества жизни человека, связанные не только с организацией полностью безлюдных производств и материальным изобилием, но и с радикальным продлением жизни и повышением когнитивных способностей, обусловленных совершенствованием генетики и физиологии человеческого организма, использованием нейроинтерфейсов, а в отдаленной перспективе и с возможностью переноса психики на иной физический субстрат с целью достижения «цифрового бессмертия». С другой стороны, таит немалые опасности неизбежного возрастания антагонистических противоречий в условиях социального отчуждения от замещения качественных рабочих мест искусственным интеллектом, до применения ИИ в военных целях. Коммунизм оказывается необходимым условием успешного прохождения человечеством технологической сингулярности.

Этапы становления институтов социализма могут быть сведены в одну таблицу.

Таблица 1
Этапы становления институтов социализма

Дата	Базис	Структура	Функция
1918	Финансово-промышленные монополии	Формальное обобществление	Упразднение праздных классов
1918	«Диктатура развития»	Монополия внешней торговли	Выход из ловушки зависимого развития
1918	Единая трудовая школа, система Семашко, АН СССР и т.д.	Социальная сфера	Развитие человеческого потенциала
1920	ГОЭЛРО	Макроэкономическое планирование	Структурные сдвиги МОБ без кризисов
1928-32	Повышение доли машиностроения	Отраслевое планирование	Проектирование отраслей «сверху»
1929-32	Механизация и химизация сельского хозяйства	Кооперация	Решение земельного вопроса
1940-е-1960-е	Атомный и космический проекты	Наука как непосредственная производительная сила	Научно-техническая революция
С 1980-х	Микроэлектроника и информационные технологии	Открытый исходный код	Информатизация
Н.В.	Искусственный интеллект	Коммунизм?	Трансгуманизм?

Таблица 1 построена на принципах технологического детерминизма – соответствия технологического базиса и институциональной структуры. Технологический детерминизм – детерминизм коррелятивного типа, поэтому с появлением новой технологии институты не возникают автоматически. Соответствие означает лишь то, что для данной материально-технической базы указанная форма организации производства является оптимальной с точки зрения развития производительных сил. Принципы функционирования институтов описаны конструктивно. Указано какую именно функцию выполняет каждый институт и период, когда он возник, за исключением последнего возникающего этапа. Предъявлена целостная система – предшествующие блоки включаются в последующие как подсистемы. В этом

смысле «теорему существования» можно считать доказанной социализм не только возможен, но и необходим.

Реальные общества могут отклоняться от своих идеальных типов. Отклонения СССР от реконструкции его собственного идеального типа объяснимо начальными условиями. Для того чтобы от нулевого уровня 1920-1922 выйти на стратегический паритет в 1973-77 необходимо развиваться быстрее и эффективнее. Напротив, социальная ориентация кейнсианской модели невозможна без элементов социализма. Неолиберальный поворот, включая его крайнюю форму рыночных реформ в СССР и России, оказался доказательством от противного: по мере демонтажа элементов социального государства ухудшались параметры развития капитализма, а для РФ восстановление социально-экономических показателей до уровня РСФСР потребовало порядка четверти века. Поздний капитализм эксплуатирует посткапиталистические элементы (Бузгалин, Колганов, 2015), находясь, таким образом, в одном гомологическом ряду с абсолютизмом раннего Нового времени и эпохи Просвещения, присваивающего прибавочную стоимость товарного производства в интересах землевладельцев через механизм денежной ренты. Если допустить определенную вольность сослагательного наклонения истории, капитализм мог бы начаться как свободный рынок мелких фермеров и ремесленников еще в эпоху пороха, достичь зенита в эпоху пара и завершиться с изобретением электродвигателя, выполнив тем самым историческую миссию порождения индустрии. Социализм же начинается с электрификации как альтернатива монополистическому капитализму, развивается на собственной основе в эпоху НТР и завершается информатизацией, увенчанной искусственным интеллектом. Охватывая два больших технологических уклада второй промышленной и третьей научно-технической революций, социализм оказывается очень динамичным, но исторически коротким способом производства. В этом и проявляются свойства убывания отчуждения. Все предшествующие способы производства были своеобразными плотинами на пути потока истории, замкнутыми кругами воспроизводства, в сущности, одних и тех же отчужденных отношений. Управляя сменой технологических поколений вплоть до изменения сущности человека, социалистический способ производства завершает «предысторию» человечества.

Заключение

Разворачивающийся в настоящее время глобальный кризис капитализма, пережившего свои исторические сроки на целую эпоху, налагает особую ответственность на левое общественно-теоретическую мысль. На заре советской власти большевикам сильно помогло то, что у них был план ГОЭЛРО. При этом ГОЭЛРО не был в чистом виде «домашней заготовкой», хотя быстроте выработки плана способствовал многолетний опыт Кржижановского и Красина в области электротехники. В позднем СССР ОГАС так и не стал вторым ГОЭЛРО, оставшись одной из отраслевых программ. Разумеется, информатизация не означала бы одномоментного наступления коммунизма, но правильное выявление точки сборки научно-технического прогресса составляет необходимое условие решения задач развития. Критика проблем и противоречий современного состояния общества остается первоочередной задачей научного исследования. Однако любой науке полезно иметь и прикладное, инженерное измерение. Поэтому проектирование и конструирование буду-

щего необходимо, несмотря на то что история потом скорректирует эти планы. Особенно важная сейчас стратегия развития искусственного интеллекта, развивающая принципы открытого кода. В конце концов, базы данных на которых обучаются нейросети, будучи продуктом всеобщего труда, должны быть общественным, а не частным достоянием, как и результаты обучения. Возможно, этого недостаточно, чтобы человек и его развитие были целью, а не только средством – будущее проблема открытая. Однако от качества программ и принимаемых решений зависит, завершится ли современный этап развития человечества антропоцидом или новым уровнем развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузгалин А.В.* Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: УРСС, 2015. – 904 с.
- Гантмахер Ф.Р.* Теория матриц. М.: Наука, 1967. – 576 с.
- Глушков В.М., Валах В.Я.* Что такое ОГАС? М.: Наука, 1981. – 160 с.
- Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. – 318 с.
- Красин Л.Б.* Плановое хозяйство и монополия внешней торговли. М.: Плановое хозяйство, 1925. – 38 с.
- Козырев С.В.* «Модель типа Лотки–Вольтерры с мутациями и порождающие соревновательные сети» // Теоретическая и математическая физика. 2024. Т. 218. № 2. С. 320-329. DOI: <https://doi.org/10.4213/tmf10533>
- Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк). В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 27. М.: Политиздат, 1969а. – 643 с.
- Ленин В.И.* Доклад на собрании большевиков - участников всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1969b. – 671 с.
- Ленин В.И.* Задачи пролетариата в данной революции (Проект платформы пролетарской партии). В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1969с. – 671 с.
- Ленин В.И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969d. – 433 с.
- Ленин В.И.* Грозная катастрофа и как с ней бороться. В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969е. – 584 с.
- Ленин В.И.* VIII Всероссийский съезд советов 22-29 декабря 1920 г. Доклад всероссийского центрального исполнительного комитета и совета народных комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря. В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1970а. – 606 с.
- Ленин В.И.* О кооперации. В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970b. – 729 с.
- Ленин В.И.* О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова). В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970с. – 729 с.
- Ленин В.И.* Лучше меньше, да лучше. В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970d. – 729 с.
- Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти. В.И. Ленин. Пол. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. – 741 с.

Маркс К. Капитал. Т. 3. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 25-2. М.: Политиздат, 1962. – 551 с.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Изд. 2. Т. 46. М.: Политиздат, 1968. – 618 с.

Михайлов А.И. Вековые тренды социального отчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 94-107. EDN: YPLZTF

Михайлов А.И. Механизмы социальной эволюции и периодизация исторического процесса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2021. № 6. С. 81-97. EDN: JWSSUE

Михайлов А.И. Прогресс науки: специализация или универсализация // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 50-57. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202360222>

Сафронов А.В. Автоматизированная система плановых расчетов Госплана СССР как необходимый шаг на пути к общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС) // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 4. С. 395-409. DOI: 10.15507/2409-630X.047.015.201904.395-409

Сталин И.В. К вопросам ленинизма. Т. 8. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. – 401 с.

Latour B. Science in action: how to follow scientists and engineers through society. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1987. – 274 p.

Mumford L. The Myth of the Machine. Technics and Human Development. 1967. Harcourt, Brace, Jovanovich, New York, 1967. – 352 p.

Stallman R. Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman (Third ed.). Boston, Massachusetts, USA: GNU Press, 2015. – 293 p.

Информация об авторе

Михайлов Андрей Игоревич – кандидат философских наук, научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(mikhailov1984@gmail.com) (elibrary AuthorID: 849359) (ORCID: 0009-0003-7221-207X)

REFERENCES

- Buzgalin A.V. Kolganov A.I.* Global capital. М.: URSS, 2015. – 904 p. (In Russ.)
- Gantmacher F.R.* Theory of matrices. М.: Nauka, 1967. – 576 p. (In Russ.)
- Glushkov V.M., Valakh V.Ya.* What is OGAS? М.: Nauka, 1981. – 160 p.
- Ilyenkov E.V.* About idols and ideals. М.: Politizdat, 1968. – 318 p. (In Russ.)
- Krasin L.B.* Planned economy and the monopoly of foreign trade. М.: Planned economy, 1925. – 38 p. (In Russ.)
- Kozyrev S.V.* «The Lotka–Volterra type model with mutations and generating competitive networks». Theoretical and Mathematical Physics. 2024;218(2):320-329. DOI: <https://doi.org/10.4213/tmf10533> (In Russ.)
- Latour B.* Science in action: how to follow scientists and engineers through society. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1987. – 274 p.

Lenin V.I. Imperialism as the highest stage of capitalism (A popular essay). In: V.I. Lenin. Gender. Collected Works. 5th ed. Vol. 27. M.: Politizdat, 1969a. – 643 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Report at the meeting of the Bolsheviks – participants of the All-Russian meeting of Soviets of workers' and soldiers' deputies on April 4 (17), 1917. In: V.I. Lenin. Paul. Collected Works. 5th ed. Vol. 31. M.: Politizdat, 1969b. – 671 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Tasks of the proletariat in this revolution (Draft platform of the Proletarian Party). In: V.I. Lenin. Pol. Collected Works. 5th ed. Vol. 31. M.: Politizdat, 1969c. – 671 p. (In Russ.)

Lenin V.I. The State and the Revolution. The Marxist doctrine of the State and the tasks of the proletariat in the Revolution. In: V.I. Lenin. Paul. Collected Works. 5th ed. Vol. 33. M.: Politizdat, 1969d. – 433p.(In Russ.)

Lenin V.I. The impending catastrophe and how to deal with it. In: V.I. Lenin. Paul. Sobr. Soch. 5th ed. Vol. 34. M.: Politizdat, 1969e. – 584 p.(In Russ.)

Lenin V.I. VIII All-Russian Congress of Soviets December 22-29, 1920 Report of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on foreign and domestic policy on December 22. In: V.I. Lenin. Paul. Collected Works. 5th ed. Vol. 42. M.: Politizdat, 1970a. – 606 p.(In Russ.)

Lenin V.I. About cooperation. In: V.I. Lenin. Paul. Collected Works. 5th ed. Vol. 45. M.: Politizdat, 1970b. – 729 p.(In Russ.)

Lenin V.I. On our Revolution (About N. Sukhanov's notes). In: V.I. Lenin. Paul. Sobr. Soch. 5th ed. Vol. 45. M.: Politizdat, 1970c. – 729 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Better less, yes better. In: V.I. Lenin. Paul. Sobr. Soch. 5th ed. Vol. 45. M.: Politizdat, 1970d. – 729 p. (In Russ.)

Lenin V.I. The next tasks of the Soviet government. In: V.I. Lenin. Paul. Sobr. Soch. 5th ed. Vol. 36. M.: Politizdat, 1974. – 741 p. (In Russ.)

Marx K. Capital. Vol. 3. In: K.Marx and F.Engels. Soch. Ed. 2nd. Vol. 25-2. M.: Politizdat, 1962. – 551 p. (In Russ.)

Marx K. Economic manuscripts of 1857-1859. In: K. Marx and F. Engels. Soch. Ed. 2nd. Vol. 46. M.: Politizdat, 1968. – 618 p.(In Russ.)

Mikhailov A.I. Age-old trends of social exclusion. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya=Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. 2018;(5):94-107. EDN: YPLZTF (In Russ.)

Mikhailov A.I. Mechanisms of social evolution and periodization of the historical process. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya=Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. 2021;(6):81-97. EDN: JWSSUE (In Russ.)

Mikhailov A.I. Progress of science: specialization or universalization. Epistemologiya i filosofiya nauki=Epistemology and philosophy of science. 2023;60(2):50-57. (In Russ.)

Mumford L. The Myth of the Machine. Technics and Human Development. 1967. Harcourt, Brace, Jovanovich, New York, 1967. – 352 p

Safronov A.V. The automated system of planned calculations of the USSR State Planning Committee as a necessary step towards a nationwide automated system of accounting and information processing (OGAS). Russian Journal of Economic History=Economic History. 2019;15(4):395-409. DOI: 10.15507/2409-630X.047.015.201904.395-409 (In Russ.)

Stalin I.V. On the issues of Leninism. Vol. 8. M.: OGIZ; State Publishing House of Political Literature, 1948. – 401 p. (In Russ.)

Stallman R. Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman (Third ed.). Boston, Massachusetts, USA: GNU Press, 2015. – 293 p.

Information about the author

Andrey I. Mikhaylov – PhD in Philosophy, Researcher at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Center for Modern Marxist Studies, Moscow, Russia.

(mikhailov1984@gmail.com) (elibrary AuthorID: 849359) (ORCID: 0009-0003-7221-207X)

Статья поступила в редакцию: 15.05.2024; одобрена после рецензирования: 28.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК: 330.1

DOI: 10.5281/zenodo.13895742 <https://zenodo.org/record/3895742>

КАЧЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СИНЕРГИИ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Салихов Борис Варисович¹

Доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем рынка Российской академии наук, Москва, Россия, (mgsusalikhov@yandex.ru), (ORCID: 0000-0001-6123-9603)

Салихова Ирина Сергеевна²

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук, Москва, Россия; профессор кафедры финансового учета Московского университета им. С.Ю. Витте, Москва, Россия, (irinasalikhova@yandex.ru), (ORCID: 0000-0001-5950-7058)

Ключевые слова: синергия политэкономических отношений, диссипация и самоорганизация, точка бифуркации и аттрактор, критический субъект, бинарная личность, свобода и необходимость, неявное знание и инновации, достойная жизнь, методологический социоиндивидуализм

Для цитирования: Салихов Б.В., Салихова И.С. Качественная целостность личности в условиях синергии политэкономических отношений // Вопросы политической экономики. 2024. № 3(39). С. 221-236.

QUALITY INTEGRITY OF PERSONALITY IN CONTEXT OF SYNERGY OF POLITICAL-ECONOMIC RELATIONS

Boris V. Salikhov

Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Research of the Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia, (mgsusalikhov@yandex.ru), (ORCID: 0000-0001-6123-9603)

Irina S. Salikhova

Doctor of Economics, Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia; Professor, Department of Financial Accounting, Moscow University named after S.Y. Witte, Moscow, Russia, (irinasalikhova@yandex.ru), (ORCID: 0000-0001-5950-7058)

Keywords: synergy of political economic relations, dissipation and self-organization, bifurcation point and attractor, critical subject, binary personality, freedom and necessity, tacit knowledge and innovation, decent life, methodological socio-individualism

For citation: Salikhov B.V., Salikhova I.S. Quality integrity of personality in context of synergy of political-economic relations. Problems in Political Economy. 2024;3(39):221-236.

JEL codes: O15, P48

¹ © Салихов Б.В., 2024

² © Салихова И.С., 2024

Введение: актуальность, аксиоматика и модель исследования

Современное состояние политэкономических отношений³ все отчетливее характеризует их синергетическое качество. В общем плане, их диссипация является закономерным следствием усиливающейся интенсивности потоков информации, ускоренного развития цифровых технологий, обострения геополитических и геоэкономических проблем (Хантингтон, 2020), а также дисфункций неолиберальной, по сути, «реверсивно-инволюционной» формы политэкономической динамики (Бузгалин, 2018). Применительно к нашей стране, нарастание политэкономической сложности обусловлено еще и санкциями со стороны недружественных государств (Ершов, 2022), при одновременном ускоренном технологическом возвышении китайской экономики (Хейфец, 2020), а также существенными недостатками в социально-экономической политике государства. В связи с этим, императив высокоэффективной рефлексии углубляющихся социально-экономических проблем (хронической бедности, неравенства, депопуляции населения и др.) актуализируется, прежде всего, потребностью формирования цивилизационной и экономической безопасности страны, а также необходимостью обеспечения ее социокультурного, научно-образовательного и технологического суверенитета в условиях складывающегося нового мирохозяйственного уклада (Глазьев, 2022).

Собственно *синергия политэкономических отношений* есть их стремление к самоорганизации, причем возникающей на определенном уровне их диссипации. Объектным пространством политэкономической синергетики является хозяйственная действительность, развивающаяся как открытая и нелинейная система (Пригожин, 2000). Методологическим базисом исследования здесь является *диалектика свободы и необходимости, как единство организма и механизма*, а методическим основанием выступает динамическое единство субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий как способ развития сложных систем в рамках единства природы и общества (Князева, Курдюмов, 2007). Центральным звеном названных взаимодействий является «синергетический субъект», и в связи с этим «самый первый вопрос, который ставит общество перед экономической синергетикой, – это вопрос о свободе. Прежде всего, необходима свобода экономического выбора на уровне индивида» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2023, с. 20).

Поскольку законы хозяйственного развития реализуются исключительно в деятельности людей, названный «синергетический субъект» всегда есть *определенный критический субъект*, обладающий реальной политической властью, используемой для самоорганизации (антидиссипации) политэкономических отношений. В авторитарных политэкономических системах таким критическим субъектом является государство, «растворившее» в себе личность и общество; названный «уровень индивида» здесь представлен носителями бюрократической власти, стремящимися к максимизации личной полезности. В условиях же демократии по западному образцу, отмеченный индивид проявляется как воинствующий потребитель-эгоист, едва ли озабоченный прогрессивным развитием общества. Резонно предположить, что в рамках реальной (гипотетической) демократии критическим субъектом самоорганизации политэкономических отношений станет свободная личность, «развернутая» в гражданское общество и воссоздающая правовое государство как «продукт согласия» всех личностей (Бьюкенен, 1997).

³ Под политэкономическими отношениями понимаются отношения между людьми в сфере производства, распределения, обмена и потребления экономических личных, частных и общих благ.

В любом случае, критический субъект, осуществляющий рефлексию нарастающей политэкономической сложности, сознательно выбирает *точку бифуркации*, определяющую экономико-идеологический вектор развития, а также четко обозначает, в рамках данного вектора, *аттрактор* («центр притяжения») в форме соответствующего *целевого функционала*, представленного видением некоей модели развития социума и экономики. Далее, исходя из вектора развития и обозначенного аттрактора, разрабатывается *институциональный механизм*, призванный координировать деятельность всех экономических агентов. Общая типовая модель, характеризующая место критического субъекта в условиях синергии политэкономических отношений, показана на Рисунке 1.

Рисунок 1. Типовая модель, характеризующая место критического субъекта в условиях синергии политэкономических отношений

Источник: составлен авторами.

Очевидно, что предложенная модель есть некое *общее*, которое в рамках определенных ценностно-смысловых и экономико-идеологических концептов, всегда предстает в *особенном* формате. Современная политэкономическая практика фиксирует вполне определенные точки бифуркации как основания новых институциональных систем и соответствующих аттракторов. В частности, «идеология социализма, отрицающая частную собственность, способствовала укоренению раздаточной экономики... Идеология российского либерализма привела к внедрению

рыночных институтов в российскую экономику, но в результате сформировалась экономика квазирынка, обслуживающая рентоориентированный режим» (Бессонова, 2023, с. 132) и др.

Важно отметить, что критический субъект, призванный осуществлять высокоэффективную самоорганизацию политэкономических отношений, часто сам становится источником нарастания сложности. Это происходит, если он выбирает не самые оптимальные, мягко говоря, точку бифуркации и «центр притяжения» социально-экономических взаимодействий. Именно это происходит, прежде всего, в странах догоняющего развития, где политэкономическая трансформация, происходящая в параметрах «вашингтонского консенсуса», сегодня привела к архаизации отраслевой и региональной структуры производства, «ловушке» бедности и усилению социально-экономического неравенства при одновременной деструкции человеческого капитала и т.д.

Резонно полагать, что фактором высокоэффективной рефлексии нарастающей сложности является возможность и способность критического субъекта осуществлять развитие политэкономических отношений посредством сознательного выбора оптимальных *точек бифуркации и аттрактора*, а также, далее, *воссоздания институциональной системы*, обеспечивающей непрерывную разработку и реализацию масштабных и радикальных продуктовых и иных инноваций. Однако для устойчивого инновационного развития требуются расширенно воспроизводимые, прежде всего, *уникальные неявные знания*, основным источником которых является *личность* (Полани, 2013). Сказанное позволяет констатировать, что без реальной индивидуальной свободы личности обеспечить высокоэффективную рефлексию нарастания политэкономической сложности едва ли представляется возможным.

При этом не экономика, а именно политическая экономия становится предпочтительным объектом дальнейшего исследования, поскольку априори заключает в себе «генотип» междисциплинарности, что требует от рефлексирующего субъекта обширных и глубоких знаний. Здесь, однако, важно не «растворить» собственно политическую экономия и как таковое *явление экономического* в других науках, о чем весьма убедительно предупреждают исследователи (Трубицын, 2024). Как аргумент в пользу отмеченной постановки добавим, что «как бы экономика не усложнилась, никакой успех в производстве и экономике в целом невозможен без принципиального решения проблемы рационализации микроуровня» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2023, с. 143), где всегда фиксируется факт редкости экономических ресурсов, а также свобода их наилучшей комбинации.

Таким образом, главный вопрос заключается в выявлении *качественной целостности критического субъекта и доказательстве его способности обеспечить высокоэффективную рефлексию усложняющихся политэкономических отношений*. Является ли таким субъектом государство или социум в целом, должна ли речь идти о каких-либо социальных группах, или названные субъекты есть лишь представители множества личностей? Поскольку названная рефлексия требует «креативной революции» в форме масштабных и радикальных инноваций, являющихся функцией неявных знаний, источником которых являются *личности как уникальные индивиды*, то поиск критического субъекта должен осуществляться в предметном «поле» именно *свободных личностей*.

Личность как критический субъект высокоэффективной рефлексии нарастания политэкономической сложности

Поскольку неявные знания есть продукт индивидуальной «креативности как радиоактивности», то именно индивидуалистический концепт и свобода личности заключают в себе потенциал высокоэффективной рефлексии сложности политэкономических отношений. Индивидуализм является «лучшей гарантией разнообразия жизни, прямо вытекающего из широких возможностей личного выбора, потеря которых является величайшей из потерь в гомогенном или тоталитарном государстве» (Кейнс, 2002, с. 347). Свобода личности есть важнейшее свойство ее качественной целостности; при этом чем более сложной является система политэкономических отношений, тем более синергетически потенциальной и «бифуркационно богатой» должна становиться личность. Но не означает ли это гипертрофию личного над общим? Для ответа на данный вопрос проанализируем качественную целостность личности с использованием эвристического потенциала диалектики единичного, особенного и общего.

В рамках единичного личность предстает как «развернутый» индивид, целостность которого характеризуется набором неповторимых психобиологических свойств. Здесь же отметим, что каждая личность как индивид представляет собой специфическую *наноформу* нарастающей синергетической сложности, являясь системой, открытой для потоков энергии и информации, поступающих извне, а также генерируемых самой же личностью (Юнг, 2010). Креативность и инновационность имеет своим основанием личностное начало потому, что уникальные знания всегда рождаются в головах отдельных индивидов, находящихся в состоянии непрерывного обмена-общения и обмена деятельностью друг с другом. При этом коллективные формы дискурса могут лишь ускорять, катализировать процесс возникновения оригинальных неявных знаний, но *непосредственно их рождение* всегда имеет индивидуалистическую природу.

В рамках особенного личность рассматривается как органическое единство индивидуального и общественного. Такая ее *двойственность* заключается в единстве психобиологических и личностно-социальных свойств, и именно в этом смысле личность всегда есть, одновременно, «развернутый» индивид (проявляются уникальные природные данные) и «свернувшееся» общество (объективируются благоприобретенные и социально значимые характеристики). В связи с этим, «основное утверждение индивидуализма ... состоит в том, что нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения» (Хайек, 2000, с. 27).

В рамках общего личность представляет собой «свернувшееся» общество, а само общество выступает как «развернутая» личность. Очевидно, что «слияние индивидов в человечество основано не на мнимой их абстрактной, генерической тождественности, но на реальной их причастности единому целому, коего они являются индивидуальными аспектами» (Булгаков, 2008, с. 225). Другими словами, в логической цепочке «индивид – личность – общество» везде присутствует как индивидуальное, так и общее начало. Важно, однако, отметить, что в приведенной логической цепочке именно личность предстает как *интегратор* индивидуально и общего, четко фиксируя ущербность гипертрофии как одного, так и другого

политэкономического «начала» (научно-практические дисфункции, как отдельно «невидимой руки» рынка, так и только «умной головы» государства) (Павлова, Шаститко, 2024). В практическом смысле речь идет о взаимодополняющем единстве рыночного саморегулирования и государственного планирования, где рынок и план противоречивы, но не антагонистически (Глазьев, 2022). Далее рассмотрим некоторые научно-практические аспекты, характеризующие, одновременно, синергетическое качество свободной личности, а также ее роль как критического фактора в выборе наиболее оптимальной точки бифуркации и разработки аттрактора, определяющих прогрессивную направленность политэкономических отношений.

«Прививка» реализма в характеристике личности как критического фактора антидиссипации политэкономических отношений

В современных условиях актуальным является положение о том, что «политическая экономия нуждается ... в прививке настоящего реализма, необходимо включающего в себя и «причинность через свободу», и исторического психологизма, умеющего замечать духовную атмосферу данной эпохи» (Булгаков, 2008, с. 237). Заявленная «прививка» реализма, применительно к характеристике личности как критического фактора антидиссипации политэкономических отношений, связана, *во-первых*, с ее «сквозной» ролью в системе данных отношений: начиная от *индивидуального* саморазвития до непосредственного *личностного* участия в создании гражданского общества и правового государства, представляющих собой результат «расчета согласия» и «границ свободы», формирующихся в процессе взаимодействия «развернутых» личностей» (Бьюкенен, 1997). Резонно полагать, что здесь должна иметь место когерентность соответствующих институциональных механизмов развития: экстрактивные и эксклюзивные институты «сверху» являются логическим продолжением и, одновременно, интегратором множества инклюзивных институтов «снизу».

Далее, *во-вторых*, качество личности призвано состоять в «магнетизме» прогрессивной направленности творчески-трудовой деятельности. В связи с этим, актуализируется анализ производственной «мощности» *бифуркационного потенциала* социокультурных факторов в обеспечении социально-экономического развития (Аузан и др., 2020). Созидательный вектор развития личности как уникального индивида является основанием для выбора такой *точки бифуркации*, которая будет заключать в себе внутреннюю установку на непрерывное самосовершенствование. Применительно к личности как члену общества, *точкой бифуркации* может стать экономическая идеология высоких морально-этических норм, доверия и солидаризма, что может подкрепляться институтами политической конкуренции, возможностями цифровых технологий и др. (Полтерович, 2021).

В-третьих, в характеризующей качественной целостности личности важно учитывать широкий спектр *неэкономических и междисциплинарных форм* (Гимпельсон и др., 2020). Принимая хозяйственные решения, личность всегда объективирует в них все элементы своей внутренней культуры. При этом, «в силу множественности и разнородности элементов культурного капитала их сопряжение с хозяйственными процессами может быть разным» (Студенцов, 2023, с. 142). Это требует всестороннего развития личности, а также воссоздания новых морально-этических, психологических, социологических и в целом обществоведческих форм,

что превращает современную политическую экономию в мультидисциплинарную науку, и известный смитианский статус политической экономики, как науки о богатстве, существенно модифицируется. Очевидно, теперь речь может идти, в том числе, о воссоздаваемом богатстве творческого духа создающей личности, обладающей высокоразвитым дивергентным мышлением (Салихов, 2023).

В-четвертых, «прививка» реализма современной политической экономики по-новому высвечивает проблему собственности как ключевого источника высокого уровня мотивационного капитала личности, и не случайным видится «реанимированный» интерес к проблеме собственности со стороны, прежде всего, отечественных исследователей (Колганов, 2017); (Мельник, Ананьин, 2023). При этом личность, как критический субъект эндогенной и экзогенной самоорганизации, «удачным образом» и закономерно становится участником всех базовых форм собственности. Действительно, уникальный индивид, как «свернувшаяся» личность, призван стать субъектом *личной* собственности; личность, как «развернутый» индивид и «свернувшееся» общество, становится субъектом отношений в рамках *частных* форм присвоения благ; личность, «развернутая» в общество и воссоздающая гражданское общество и правовое государство, становится субъектом *общей* собственности.

Таким образом, *если личность является, одновременно, субъектом личной, частной и общей собственности*, то у нее не остается «шансов» быть низкоэффективным системным, назовем *цивилитарным собственником*, причем в рамках существующих и ожидаемых новых форм государственно-частного партнерства. Именно в этом случае личность выступает как источник высокой эффективности политэкономических отношений, обеспечивая, в том числе, справедливое распределение воссоздаваемого продукта. Возможно, это предполагал Г. Гегель, отмечая, что «справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска» (Гегель, 1990, с. 264).

В рамках цивилитарной собственности, соответствующим механизмом реализации выбранной личностью как индивидом точки бифуркации вполне может стать *ее мотивированное стремление к своему творчески-трудоому предназначению*. Такой механизм соответствует известной трансцендентной функции К.Г. Юнга, означающей динамическое равновесие сознательного и бессознательного в креативной деятельности личности (Юнг, 2010). Факт названного равновесия как функция постоянного стремления личности «добывать жизнь заново», означает гармонизацию сознательного и бессознательного, что и является, по сути, неиссякаемым источником энергии креативности. Здесь локальным *целевым функционалом* является всестороннее развитие личности на основе высокоэффективного использования внутренней энергии и нового знания.

Высокая эффективность личности как члена общества в условиях цивилитарной собственности будет обеспечиваться механизмом сознательно воссоздаваемого оптимума рыночного саморегулирования и государственного планирования. Это позволит постоянно повышать значения таких переменных, как уровень и качество жизни, темпы ликвидации бедности, спрос на креативно-интеллектуальную форму человеческого капитала, инвестиции в воспроизводство объектов интеллектуальной собственности и др. Здесь локальным *целевым функционалом* становится

устойчивость социально-экономического развития на основе высокоэффективного использования внешней энергии и нового знания.

Используя типовую модель самоорганизации политэкономических отношений (Рисунок 1), примерная схема прогрессивного, духовно-нравственного развития, где критическим субъектом является свободная личность, показана на Рисунке 2.

Рисунок 2. Общая схема антидиссипации политэкономических отношений в условиях императива созидательной направленности их развития

Источник: составлен авторами.

Таким образом, синергия созидательных политэкономических отношений основывается на качественно новом механизме взаимосвязи *свободы и необходимости*. Свободная личность, обладающая высоким уровнем мотивационного капитала, что является функцией цивилитарной собственности, осуществляет внутреннюю и внешнюю самоорганизацию все более интенсивных потоков энергии и знания в границах осознаваемой необходимости, в рамках которой, как минимум, не происходит разрушения человека, общества, экономики и природы, и именно в этом смысле личность *живет достойно*. При этом *достойная жизнь, понимаемая как духовно-нравственная форма уровня и качества жизни*, может оцениваться перечнем релевантных параметров и показателей (Цветков и др., 2024), а также принять форму *интегрального аттрактора* постоянно усложняющихся политэкономических отношений.

Методологический социоиндивидуализм как основание политэкономической модели творчески-трудового созидания

Резонно полагать, что если в характеристике сущностных сил свободного индивида *личное, частное и общественное* представляют собой не только комплементарное, но и органическое единство, то основанием новой политэкономической модели вполне может рассматриваться *методологический социоиндивидуализм*. Суть названного концепта заключается в одновременной направленности творчески-трудовой энергии личности на развитие собственных уникальных свойств, а также на всестороннее совершенствование социума. Следовательно, прогрессивное социально-экономическое развитие может иметь своим основанием *двойное равновесие*: а) динамическое равновесие эндогенной свободы и необходимости, осознаваемой личностью как индивидом; б) динамическое равновесие экзогенной свободы и необходимости, осознаваемой той же самой личностью, но уже как членом общества.

Проблемный замысел здесь заключается в том, чтобы личность стремилась к обеспечению *органического единства двух названных равновесий*. Именно решение данной задачи требует дальнейшей разработки концепта личности как единства индивидуального и социального. Такая ее бинарность корреспондируется, как отмечают исследователи, с действующим политэкономическим концептом, в рамках которого «исследователь общества должен ставить в центр своего внимания смыслы, которыми индивиды наделяют свои действия и обстоятельства, но также не упускать из виду то, как культура и социальный контекст влияют на смыслы и таким образом на действия индивидов» (Заостровцев, Матвеев, 2024, с. 76).

В научно-практическом ракурсе речь здесь идет об оптимизации частного и общественного секторов хозяйства, частной и общей форм собственности, «свободного» рынка и «умного» государства, что призвано обеспечить «второе дыхание» государственно-частному партнерству, особенно в условиях требований шестого технологического уклада (Невзорова, Кучеров, 2022). Примерная схема формирования синергетической модели политической экономии, основанной на методологическом социоиндивидуализме, показана на Рисунке 3.

Рисунок 3. Общая схема формирования синергетической модели политической экономики, основанной на методологическом социоиндивидуализме

Источник: составлен авторами.

Следовательно, ни воинствующий эгоистический индивид, стремящийся получить «все и сразу», причем «здесь и сейчас», ни авторитарное государство, постоянно обещающее «не все и не сразу», причем «не здесь и не сейчас», а *свободная личность* становится центром притяжения и основанием новых политэкономических отношений, призванных обеспечить *созидательный вектор креативности* мышления и хозяйственного поведения. Именно в рамках синергии свободной личности осуществляется *органический синтез* безграничной частной инициативы, реализуемой в условиях «правил о правилах» и «правил игры», разрабатываемых и непрерывно обновляемых государством, находящимся под контролем гражданского общества как «развернутой» личности. В этом и заключается суть *методологического социоиндивидуализма*, который призван обеспечить органическую взаимосвязь *методологического индивидуализма и методологического холизма*. Причем возможность отмеченной взаимосвязи давно является предметом дискуссий (Тамбовцев, 2021); (Трубицын, 2020).

Заключение: научно-практические выводы как приглашение к дискуссии

Таким образом, качественная целостность личности в условиях синергии политэкономических отношений заключается в диалектическом единстве ее внутренней и внешней *свободы*, постоянно уравниваемой императивом осознания релевантной внутренней и внешней *необходимости*. В практическом смысле это означает, что именно свободная личность, обладающая синергетическим потенциалом и выступающая одновременно как индивид и член общества, закономерно становится *критическим субъектом* высокоэффективной антидиссипации политэкономических отношений. Инструментом решения задачи здесь является система цивилитарной собственности, где личность выступает как многоуровневый собственник личных, частных и общих благ, что обеспечивает ее устойчивую заинтересованность в расширенном воспроизводстве созидательных неявных знаний, без конвертации которых в радикальные инновации нашей стране не удастся обеспечить технологический суверенитет, а также обрести свое геоэкономическое «лицо» и стать самостоятельным мировым центром силы.

Точкой бифуркации в рамках синергии политэкономических отношений вполне может стать сознательный выбор критическим субъектом *идеологии экономической духовности, справедливости и солидаризма*, очертания которой все чаще отражаются в релевантной литературе (Бессонова, 2023); (Полтерович, 2021); (Студенцов, 2023). *Аттрактором, или целевым функционалом* усложняющихся, но прогрессивно направленных политэкономических отношений становится *достойная жизнь личности*, в рамках которой наиболее эффективно воссоздается креативно-интеллектуальная форма человеческого капитала как фактора расширенного воспроизводства неявного знания и, следовательно, масштабных и радикальных инноваций. Конституирование *достойной жизни* как интегрального аттрактора современных политэкономических отношений представляется весьма вдохновляющим аргументом в пользу последовательного превращения человека действительно в протагоровскую «меру всех вещей».

В научно-практическом плане положения и выводы проведенного исследования могут рассматриваться как основание для качественного обновления креативного потенциала современной экономики. Это проистекает из понимания личности как специфического эндогенного, причем отнюдь «не разбуженного» синергетического пространства, содержащего неиссякаемый потенциал созидательной творческой и инновационности. Сказанное нацеливает на *превращение каждой личности в самообучающуюся мини- или нанокорпорацию*, способную самостоятельно генерировать новые идеи и продуктовые инновации.

Для обеспечения креативности действия свободной личности большое значение имеет, во-первых, *ее конституирование как цивилитарного собственника*, что требует фиксацию в основном законе страны трех базовых форм собственности: *личной, частной и общей*. Названная цивилитарная собственность имеет важнейшее значение, в том числе для нравственного понимания «человеческого измерения» современного хозяйства, поскольку «разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум» (Гегель, 1990, с. 101).

Далее, во-вторых, необходимо качественно обновить, а также интегрировать отрасли *культурно-научно-образовательного сектора экономики*, призванного воссоздавать экономико-идеологические, институциональные и когнитивные условия и факторы, обеспечивающие и реализующие созидательную, духовно-нравственную направленность социально-экономического развития посредством, прежде всего, воссоздания креативно-интеллектуальной, именно прогрессивной формы человеческого капитала. Императивом, в-третьих, является институционализация становления и развития *достойной жизни личности как «инкубатора»* названной формы человеческого капитала, а также как специфического пространства, в рамках которого осуществляется самоорганизация личностной энергии и эндогенного рассеянного знания.

ЛИТЕРАТУРА

Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75-92. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-75-91>

Бессонова О.Э. Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 132-146. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-132-145>

Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-2-122-141>

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 352 с.

Бьюкенен Джеймс М. Сочинения. Т. 1. М.: «Таурус Альфа», 1997. – 560 с.

Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. – 524 с.

Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капельюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5-32. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31>

Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. Москва: Проспект, 2022. – 416 с.

Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД, 2023. – 272 с.

Ершов М.В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 5-24. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23>

Заостровцев А.П., Матвеев В.В. Австрийская экономическая школа: фундаментальные принципы, методология, институциональный анализ и перспективы // Вопросы экономики. 2024. № 2. С. 67-84. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-67-83>

Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига / URSS, 2007. – 272 с.

Колганов А. И. К критике концепции «власти-собственности» // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 79-96. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-79-95>

Мельник Д.В., Ананьин О.И. Дискурс о собственности в советской политэкономии // Вопросы экономики. 2023. № 10. С. 27-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-27-52>

Невзорова Т.А., Кучеров В.Г. Концепция технологической инновационной системы: основные положения и возможности // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 99-121. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-99-120>

Павлова Н.С., Шаститко А.Е. Микрооснования доминирования фундаментализма в экономической политике: есть ли антидот? // Вопросы экономики. 2024. № 1. С. 94-115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-94-114>

Полани М. Личностное знание. М.: RUGRAM, 2013. – 342 с.

Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021 № 1. С. 52-73. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>

Пригожин И.Р. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.

Салихов Б.В. Креативный капитал в экономике знаний. Монография (5-е издание, переработанное и дополненное). М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. – 274 с.

Студенцов В.Б. О нематериальном культурном капитале // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 131-148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-131-147>

Тамбовцев В.Л. Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 33-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51>

Трубицын Д.В. Институты, индивиды и отношения в процессе модернизации // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 125-141. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-125-140>

Трубицын Д.В. Постинституционализм против экономической науки: критический анализ // Вопросы экономики. 2024. № 3. С. 143-160. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-3-143-159>

Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. – 256 с.

Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: Издательство АСТ, 2020. – 640 с.

Хейфец Б.А. Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 104-121. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-104-120>

Цветков В.А., Салихов Б.В., Салихова И.С. Достойная жизнь личности: императивы формирования и основания параметрической модели // Проблемы рыночной экономики. 2024. № 1. С. 8-32. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-1-8-32>

Юнг К.Г. Об энергетике души. / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. – 297 с.

Информация об авторах

Салихов Борис Варисович – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем рынка Российской академии наук, Москва, Россия. (E-mail: mgsusalikhov@yandex.ru) (elibrary AuthorID: 428166) (ORCID: 0000-0001-6123-9603)

Салихова Ирина Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук, Москва, Россия; профессор кафедры финансового учета Московского университета им. С.Ю. Витте, Москва, Россия.

(E-mail: irinasalikhova@yandex.ru) (elibrary AuthorID: 689543) (ORCID: 0000-0001-5950-7058)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Sociocultural factors in economics: milestones passed and current agenda. *Voprosy Ekonomiki*. 2020;(7):75-92. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-75-91> (In Russ.)

Bessonova O.E. The influence of ideology on the choice of the institutional model of Russia: retrospective and forecast. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(1):132-146. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-132-145> (In Russ.)

Buchanan James M. Writings. Vol. 1. M.: "Taurus Alpha", 1997. – 560 p. (In Russ.)

Bulgakov S.N. Philosophy of farming. M.: TERRA – Book Club, 2008. – 352 p. (In Russ.)

Buzgalin A.V. The decline of neoliberalism (on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx). *Voprosy Ekonomiki*. 2018;(2):122-142. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-2-122-141> (In Russ.)

Ershov M.V. Russian economy in the context of new sanctions challenges. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(12):5-24. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23> (In Russ.)

Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. Economy as a synergetic system. M.: LENAND, 2023. – 272 p. (In Russ.)

Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapelyushnikov R.I. Non-cognitive components of human capital: what Russian data say. *Voprosy Ekonomiki*. 2020;(11):5-32. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31> (In Russ.)

Glazyev S.Yu. Beyond the horizon of the end of history: monograph. M.: Prospekt, 2022. – 416 p. (In Russ.)

Hayek F. Individualism and Economic Order. M.: Izograph, 2000. – 256 p. (In Russ.)

Hegel G.V.F. Philosophy of law. M.: Mysl, 1990. – 524 p. (In Russ.)

Huntington Samuel. Clash of Civilizations. Moscow: AST Publishing House, 2020. – 640 p. (In Russ.)

Jung K.G. About the energy of the soul. Per. with him. V. Bakuseva. M.: Academic project; Foundation «Mir», 2010. – 297 p. (In Russ.)

Keynes J.M. General theory of employment, interest and money. M.: Helios ARV, 2002. – 352 p. (In Russ.)

Kheifets B.A. Technological rise of China: new challenges for Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2020;(6):104-121. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-104-120> (In Russ.)

Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Synergetics. Nonlinearity of time and landscapes of coevolution. M.: KomKniga. URSS, 2007. – 272 p. (In Russ.)

Kolganov A.I. Towards a critique of the concept of «power-property». *Voprosy Ekonomiki*. 2017;(7):79-96. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-79-95> (In Russ.)

Melnik D.V., Ananyin O.I. Discourse about property in Soviet political economy. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(10):27-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-27-52> (In Russ.)

Nevzorova T.A., Kucherov V.G. The concept of a technological innovation system: basic provisions and opportunities. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(5):99-121. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-99-120> (In Russ.)

Pavlova N.S., Shastitko A.E. Microfoundations for the dominance of fundamentalism in economic policy: is there an antidote? *Voprosy Ekonomiki*. 2024;(1):94-115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-94-114> (In Russ.)

Polanyi M. Personal knowledge. M.: RUGRAM, 2013. - 342 p. (In Russ.)

Polterovich V.M. The crisis of political competition institutions, the Internet and collaborative democracy. *Voprosy Ekonomiki*. 2021;(1):52-73. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72> (In Russ.)

Prigozhin I.R. The end of certainty. Time, chaos and new laws of nature. Izhevsk: Scientific Research Center «Regular and Chaotic Dynamics», 2000. - 208 p.

Salikhov B.V. Creative capital in the knowledge economy. Monograph (5th edition, revised and expanded). M.: Publishing and trading corporation «Dashkov and K», 2023. – 274 p. (In Russ.)

Studentsov V.B. On intangible cultural capital. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(5):131-148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-131-147> (In Russ.)

Tambovtsev V.L. Is a unified institutional economic theory possible? *Voprosy Ekonomiki*. 2021;(1):33-52. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51> (In Russ.)

Trubitsyn D.V. Institutions, individuals and relations in the process of modernization. *Voprosy Ekonomiki*. 2020;(12):125-141. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-125-140> (In Russ.)

Trubitsyn D.V. Post-institutionalism against economic science: a critical analysis. *Voprosy Ekonomiki*. 2024;(3):143-160. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-3-143-159> (In Russ.)

Tsvetkov V.A., Salikhov B.V., Salikhova I.S. Decent life of an individual: imperatives of formation and foundations of a parametric model. *Problemy rynochnoj ekonomiki=Market economy problems*. 2024;(1):8-32. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-1-8-32> (In Russ.)

Zaostrovtshev A.P., Matveev V.V. Austrian economic school: fundamental principles, methodology, institutional analysis and prospects. *Voprosy Ekonomiki*. 2024;(2):67-84. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-67-83> (In Russ.)

Information about the author

Boris V. Salikhov – Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Research of the Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia.

(E-mail: mgsusalikhov@yandex.ru) (elibrary AuthorID: 428166) (ORCID: 0000-0001-6123-9603)

Irina S. Salikhova, Doctor of Economics, Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia.; Professor, Department of Financial Accounting, Moscow University named after S.Y. Witte, Moscow, Russia.

(E-mail: irinasalikhova@yandex.r) (ORCID: 0000-0001-5950-7058) (SPIN-код: 3009-8750) (elibrary AuthorID: 689543)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 21.05.2024; одобрена после рецензирования: 13.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

КРАТКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ НА РАССМОТРЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»¹

Рукопись статьи принимается в электронном виде по электронной почте: vpe-journal@yandex.ru в текстовом редакторе Microsoft Word (расширение *.doc или *.docx), версия не ниже 2003 г. Шрифт: Times New Roman.

Объем рукописи, представленной в редакцию ограничен по рубрикам:

1. Статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами).
2. «Дискуссионная трибуна», «Трибуна молодых ученых», Рецензии, Эссе, Заметки, «Научная жизнь» – не более 0,5 п.л. (20 тыс. знаков).

Правила оформления статьи учитывают ГОСТ Р 7.0.7–2021, введенный в российскую практику издательского оформления с 01.10.2021 г.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

I. Обязательным элементом статьи является индекс **Универсальной десятичной классификации (УДК)**. Расположен в начале статьи на отдельной строке слева (один код).

II. ДО ОСНОВНОГО ТЕКСТА статьи приводятся **на русском языке** и затем повторяются в той же последовательности **на английском языке** (имена приводят в транслитерированной форме на латинице или в той форме, в какой ее установил автор или редакция издания) следующие ее элементы: (1) заглавие статьи; (2) основные сведения об авторе (авторах), (3) аннотация, (4) ключевые слова, (5) слова благодарности в случае наличия грантового финансирования.

– (1) **Заглавие** статьи приводится **ПРОПИСНЫМИ** буквами. В конце заглавия статьи точка не ставится.

– (2) **Основные сведения** об авторе (авторах): ФИО полностью; наименование организации, где работает или учится автор; город, страна; электронный адрес автора (оформляется без слова «e-mail»); идентификатор ученого ORCID при наличии; идентификационный номер (AuthorID) в eLibrary (Сведения отделяются запятыми. Точку в конце не ставят). При наличии нескольких авторов и/или нескольких организаций (учреждений) работы, учебы применяется надстрочный знак сноски.

– (3) **Аннотация** должна отражать содержание статьи и результаты исследований; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 150-250 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

– (4) **Ключевые слова** должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов: **от 7 до 10 слов** (начертание *курсив*). После ключевых слов точку не ставят.

– (5) **Слова Благодарности** в случае наличия грантового финансирования приводятся после ключевых слов.

Для коротких рецензий и материалов в рубрике «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются.

Формат: шрифт Times New Roman (**ФИО автора** выделяется полужирным шрифтом), размер 12 пт., межстрочный интервал 1,0 строки.

III. ОСНОВНОЙ ТЕКСТ статьи может быть структурирован и состоять из следующих частей: введение; текст статьи (с выделением 2-4 разделов); заключение.

В тексте **запрещено использовать ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ**, р а з р я д к у через пробел и подчеркивание. Для выделения в тексте допустим *курсив*.

При ссылке на источник необходимо в **круглых скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании. **Все интернет-источники** даются в сноске, перед электронным адресом при-

¹ Полные требования к рукописям размещены на сайте журнала: <https://interpolitec.su/>

водится аббревиатура **URL**. В круглых скобках должна быть указана дата обращения. Пример: (дата обращения: 15.06.2023). **Электронный источник должен быть актуальным** (действующая ссылка).

Формат: Шрифт: Times New Roman; Интервал: 1,5 (для сносок – 1); Размер шрифта: 14 пт. (для сноска – 10 пт.); Отступ первой строки: 1,25 см.; Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см.

IV. ИЛЛЮСТРАЦИИ. Текст статьи может сопровождаться **иллюстративными материалами** (таблицы, схемы, графики, диаграммы и т.д.). **Таблицы** вставляются в текст статьи после ссылки на нее, нумерация таблиц сквозная по всей статье. **Рисунки** следует давать в конце статьи, также рисунки необходимо выслать отдельным файлом в формате *.tiff. Разрешение изображения должно быть не менее 300 dpi; размер – не менее 10-13 см по ширине, цветовой режим – черно-белый.

V. ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА статьи приводятся на русском языке и затем в той же последовательности повторяются на английском языке следующие элементы оформления:

(1) «Список литературы»; (2) дополнительные сведения об авторе (авторах); (3) сведения о вкладе каждого автора, если авторов несколько; (4) информация об отсутствии или наличии конфликта интересов; (5) автор, ответственный за переписку; (6) сведения о продолжении статьи, если она публикуется частями; (7) приложение (приложения) к статье при наличии.

Формат: шрифт Times New Roman, размер 14 пт., межстрочный интервал 1,5.

(1) «Список литературы» должен состоять не менее чем из 10 источников (но не более 30) с обязательным цитированием не только отечественных, но и зарубежных авторов. Число публикаций с участием авторов статьи не должно превышать 20%; Список дается строго по алфавиту. Библиографические записи в списке литературы и отсылки на них в основном тексте оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Пример:

ЛИТЕРАТУРА

Дубровин И.А. Достижение экономической эффективности на основе социальной справедливости в Скандинавской экономической модели // Вопросы политической экономии. 2022. № 1 (29). С. 162-181. <https://zenodo.org/record/6525596>

Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПРЭ РАН. СПбГУ. С.-Пб.: Скифия-принт, 2013. – 336 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960. С. 5-907.

Card D., A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States. Journal of Political Economy. 1992. № 100(1). Pp. 1-40.

Imbens G., J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects. Econometrica. 1994. № 61. Pp. 467-476.

REFERENCES

Card D., A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States. Journal of Political Economy. 1992;100(1):1-40.

Dubrovina I.A. Achieving economic efficiency based on social justice in the Scandinavian economic model. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2022;1(29):162-181. <https://zenodo.org/record/6525596> (In Russ.)

Imbens G., J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects. Econometrica. 1994;(61):467-476.

Ivanov O.I. Human potential (formation, development, use). Institute of Problems of Regional Economy RAS. St. Petersburg State University. S.-Pb.: Skifiya-print, 2013. – 336 p. (In Russ.)

Marx K. Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 23. M.: State Publishing of Political Literature. 1960:5-907. (In Russ.)

(2) Дополнительные сведения об авторе (авторах) **«Информация об авторе (авторах)» (“Information about the author (authors)”)** содержат следующую информацию: ФИО (полностью); ученая степень, ученое звание - сведения даются в сокращенной форме; должность, наименование организации (учреждения) и подразделения; электронный адрес автора с применением слова «e-mail»; идентификатор ORCID автора, если он не приведен на первой полосе статьи, и другие международные идентификационные номера авторов (например, eLibrary AuthorID). Сведения о «e-mail» и идентификационных номерах автора приводятся на одной строке без разделения точками и запятыми.

(3) Если у статьи несколько авторов, то после информации об авторе (авторах) указывают **«Заявленный вклад авторов:» (“Authors’ declared contribution:”)**, где в краткой форме описывается личный вклад каждого автора в написание статьи.

(4) Сведения **об отсутствии конфликта интересов** приводят после информации об авторе на отдельной строке.

(5) **Автор, ответственный за переписку**, указывается после информации о конфликте интересов на отдельной строке.

(6) Сведения о **продолжении статьи** указывают при ее публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». С началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

(7) **Приложение** (приложения) к статье публикуют с собственным заглавием. В заглавии или подзаголовочных данных приложения приводят сведения о том, что данная публикация является приложением к основной статье. При наличии двух и более приложений их нумеруют.

Адрес электронной почты редакции для направления материалов:

vpe-journal@yandex.ru

Секретарь редакции, корректор *Шамильева Елена Анатольевна*

Верстальщик *Шамильева Юлия Равильевна*

Перевод на английский язык *Сергеева Ангелина Владимировна*

Для заметок
